



ЛИТЕРА
ТУРА



Литера Тура

Сборник
рассказов и стихов
учеников Школы
литературного мастерства
имени Владислава Крапивина
при Тюменском
государственном
университете



Тюмень 2015

УДК 882 (571.12)

ББК 84 (2=411.2) 6-4

Л 64 **Литера Тура.** Сборник. Повести, рассказы, стихи. –
Тюмень: ОАО «Тюменский издательский дом», 2015.

Ответственный редактор и составитель:

Булатов Михаил, Сергей Козлов

Иллюстрации:

Тамара Попова

Обложка, верстка:

Булатов Михаил, Тамара Попова

«Литера Тура»: сборник повестей, рассказов и стихов учеников Школы литературного мастерства имени Владислава Крапивина при Тюменском государственном университете.

Сборник «Литера Тура» включает в себя лучшие произведения, рассказы и стихи, написанные за учебный год. Школа литературного мастерства им. Крапивина при Тюменском государственном университете существует уже восемь лет, и это пятая книга, выпущенная силами молодых авторов. Большинство произведений публикуется впервые. Сборник предназначен для читателей и издателей, заинтересованных в поиске новых писательских имен и перспективах развития тюменской книги.

*Студия Михаила Булатова находится под руководством
профессора ТюмГУ, писателя Сергея Сергеевича Козлова,
благодаря которому эта книга вышла в свет*

ISBN 978-5-9288-0292-9

© Коллектив авторов, 2015

© ОАО «Тюменский издательский дом», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие руководителя и составителя	5
Рассказы и повести	
Михаил Булатов Сказка о солнце Беседа в полутьме	10
Дарья Дзюба Тот, кто живет под кроватью	49
Тамара Ильина Подарок для бабушки	54
Юлия Евстигнеева Шашка и Луна	64
Юлия Некрасова Пуговицы Четвёртое желание Лёшка	69
Екатерина Хозяинова Лектричество	104
Всеволод Дребнев Хозяин дорог	108
Сергей Потемкин Хранитель секретов	114
Дарья Барабенова Возвращение	133

Анна Шушунова 138
Происходи

Алексей Крутов 145
Покорители снежных вершин
Чудовище

Стихи

Ульяна Цой 195

Евгения Зонтикова 202

Маргарита Чекунова 212

Елизавета Маковея 219

Михаил Булатов 222

Ольга Аверина 226

Сергей Ивкин 230

Иван Миллер 239

Владимир Фурсов 241

Тамара Попова 245

Наталья Булатова 248

Юлия Евстигнеева 251

Предисловие руководителя и составителя

Литеры, впадающие в Туру

«Истинного и сильного таланта не убьет суровость критики, так же, как незначительного не подымет ее привет».

В.Г. Белинский

«Литера Тура» – уже пятый сборник молодых авторов, который состоит в основном из работ тех, кто так или иначе причастен к Школе литературного мастерства при Тюменском государственном университете. Работу Школы литературного мастерства ещё совсем недавно возглавлял именитый детский писатель, почётный гражданин города Тюмени Владислав Крапивин. В Год литературы авторам хотелось приблизить литературу к Тюмени, а Тюмень – к литературе, и название для сборника нашлось подходящее с лёгкой руки председателя Союза журналистов Тюменской области Владимира Кузнецова – «Литера Тура», в котором одновременно звучит литература, буква и название реки, над замечательной набережной которой так часто проносится вдохновение.

В сборнике представлены авторы разного уровня художественного мастерства, разных литературных направлений и жанров, но всех их объединяют литературное творчество, любовь к литературе, эксперименту со словом, сюжетом и молодость, которая должна звучать. Ибо мы помним слова Николая Карамзина: «Талант великих душ есть узнавать великое в других людях». Вот это мы и пытаемся рассмотреть в текстах молодых прозаиков и поэтов.

Сборники составляют не мастера, а сами молодые авторы, в основном – «ветеран» Школы литературного мастерства и теперь, собственно, её куратор, Михаил Булатов. Сам он ведет практические занятия с «курсантами» школы. Сборник, который вы сейчас держите в руках, помогал редактировать известный югорский писатель, редактор альманаха «Эринтур», составитель хрестоматии тюменской литературы Николай Коняев.

Школу литературного мастерства посещают, чтобы послушать лекции, показать свои первые литературные опыты и уже вполне зрелые произведения. Некоторые авторы сборника имеют литературные награды (Маргарита Чекунова стала лауреатом премии «Молодой Петербург»), многим из них курсы открыли путь в престижные литературные журналы и альманахи, такие, как «День

Поэзии», «Наш Современник» и «Юность» (Евгения Зонтикова, Владимир Фурсов, Маргарита Чекунова, Иван Миллер), они публикуются в региональных альманахах «Эринтур» и «Врата Сибири».

На базе института филологии и журналистики проводятся не только лекции и семинары, но и встречи с известными писателями и поэтами, включая зарубежных. Своим литературным мастерством делились Юрий и Анна Козловы, Захар Прилепин, Евгений Водолазкин, Андрей Шацков, Валерий Дударев, Всеволод Емелин, Николай Коняев, сербские писатели Горан Петрович, Михайло Пантич, Гордана Чирьянич, Любинка Милинчич, болгарская поэтесса Елена Алекова, македонский прозаик Венко Андоновский и многие другие.

Предыдущий сборник молодой прозы «Письма из Зурбагана» на межрегиональном конкурсе «Книга года» получил премию жюри «Человек слова», которая стала и моральным, и материальным поощрением молодых авторов. Примечательно, что дизайн обложки, иллюстрации выполняют для этих сборников такие же молодые и талантливые художники. И второй раз такой сборник издаётся на базе Тюменского издательского дома при поддержке Тюменской областной Думы.

Возможно, и даже скорее всего, кто-то из авторов этого сборника станет именем большой русской

литературы... А мы с вами имеем возможность прикоснуться к её началу. Выйти на берег «Литера... Туры». Читайте и помните наставление великого Достоевского: «Таланту нужно сочувствие, ему нужно, чтоб его понимали».

Сергей Козлов

Создавая этот сборник, я хотел избежать ошибок, допущенных при составлении прошлой книги. Потому прозаические произведения разделены на две категории – для детей и для подростков. Вплоть до рассказов Юлии Некрасовой идут сказки, которые можно смело читать малышам на ночь. Вторая часть прозаических произведений ближе всего к приключенческой литературе. И хоть у нас не было задачи объединить все рассказы одной тематикой, в этом сборнике явно прослеживаются темы семейных и общечеловеческих ценностей. В рассказах учеников Школы литературного мастерства им. В. Крапивина стало меньше напрасного драматизма, и это радует. Стихи, вошедшие в сборник, оценивать сложнее, чем прозу, так как они взаимодействуют с читателем на более тонком эмоциональном уровне. Но могу сказать, что и к поэзии в этом году были предъявлены более жесткие требования. А вообще, я надеюсь, что вам будет интересно читать эту книгу.

Михаил Булатов

Рассказы и повести



Михаил Булатов

От автора:

Первая книга, которую я прочел в жизни, – это «Дети Синего Фламинго» Владислава Крапивина. Так, с ранних лет этот писатель определил мои читательские вкусы, а в будущем мне выпало счастье с ним познакомиться, и он стал мои наставником. Сейчас я с большим удовольствием продолжаю его дело и веду занятия в Школе литературного мастерства.

Сказка, которую я написал для этого сборника, предназначена для отцов, чтобы они могли побольше времени проводить со своими детьми.

Сказка о солнце

*Посвящается Булатовой Елене,
без которой этой сказки не было бы*

Глава первая. Если дочка болеет, а мама устала

– Пап, я хочу пить, – говорит маленькая Лу, и я поправляю одеяло. Ночь склонилась над домом, как хищная птица, чьи глаза – звезды, а крылья – ветер.

Я кладу руку на лоб дочке и чувствую жар. Кажется, он исходит от всего хрупкого тела, как от костра. Я качаю головой и иду на кухню сделать черничный морс. Вернувшись, говорю ей:

– Ты вся горишь, как дракончик. А ну–ка, покажи язык!

Лу послушно открывает рот и показывает язык. Горло у нее красное, и я хмурю брови.

– Я вся покроюсь чешуей и буду летать? – спрашивает меня Лу.

– Ну уж нет, никакой чешуи! Нам ветрянки хватило. А вот когда выздоровеешь, мы будем летать на воздушном шаре.

– Тогда я хочу скорее выздороветь! Скорее–скорее! – горячо говорит Лу.

– Знаешь, когда я был маленьким, мой отец рассказывал мне одну историю, про дракона, – начинаю я придумывать.

– А мне ты ее расскажешь? – спрашивает дочка, и я отвечаю:

– Конечно же. Слушай... История эта настолько давняя, что я даже не могу сказать наверняка, сколько ей тысяч лет. Она рассказывает о том, откуда появилось наше солнце и все-все остальное.

– Был большой взрыв, – Луиза даже подсакивает в постели и разводит руками, – вот такой! Нам в школе рассказывали.

– Правильно, – киваю я, – но вам точно не рассказывали, что наше солнце – это на самом деле дракон, который прилетел из дальних–предальных земель.

– А как он прилетел? В космосе же нет воздуха, – спрашивает меня Лу. Я улыбаюсь:

– Ему не нужен воздух. Он же сказочное существо.

Лу серьезно кивает. Если магическое существо, то может обойтись и без воздуха.

– А дело было так. За краешком нашей галактики есть планета. Ее не видно ни из одного телескопа, так она далеко. Не большая, не маленькая, очень похожая на нашу Землю. С голубыми океанами, зелеными лесами, высокими горами и пустынями.... И живут там люди, похожие на нас.

Глава вторая. Дракон, который пьет реку

Люди в этих краях жили рыбным промыслом, но в последние годы река не давала рыбы, голод пришёл в деревню. Все чаще семьи снимались с насиженных мест и уходили искать лучшей доли. «Дракон реку поганит, – говорили старики. – Всю реку, почитай, выпил. Так, ручеек вонючий остался». Им, старикам, было, может, и виднее, да только мало кто их слушал. В дракона никто давно не верил, у людей было полно насущных дел: как бы зиму перезимовать, урожай

сберечь, рыбы по весне наловить. Река и в самом деле высыхала, будто там, где она рождалась, пресекли важную жилу.

Тар, сын Кирда, уже не раз ходил с отцом на промысел и видел, что рыбы становится все меньше. Однако он, в отличие от остальных, с интересом слушал легенды о драконе, которые рассказывала старая Нирра. Вечерами, бывало, деревенская ребятня сбегалась к ее избе. Нирра, одинокая старуха, с радостью привечала детей, поила их травяным чаем, угощала сухарями и рассказывала истории. Мать Тара нередко ворчала, что он мог бы и по хозяйству помочь, вместо того чтобы пропадать в гостях у полоумной старухи. Но Тар все равно убегал, и даже вкусный чай и угощения не прельщали его.

Нирра рассказывала о давних временах, когда в небе царили драконы, а Мать-река была настолько широкой и полноводной, что при разливе нельзя было разглядеть другой берег. Драконы были очень воинственным народом и постоянно враждовали. В междоусобицах они разрушали людские селения, выжигали целые леса, стирали в пыль горные хребты. И со временем драконы просто перебили друг друга. Выжил только один, самый хитрый или самый трусливый – кто теперь разберет? Он поселился у истока Великой реки и с тех пор живет там.

– Отчего же мужчины не прогонят его? – спрашивал Тар, уверенный в том, что сильнее его отца никого нет на свете. А если соберутся несколько взрослых мужчин, что им какой-то дракон?

– Прогонишь его, поди ж ты, – отвечала Нирра, – дракон размером с гору, а то и больше. Да и не верит никто в дракона, люди больше между собой зlobствуют, на чужое добро зарятся, хлеб разделить не могут. Не до дракона им...

– Тогда я сам прогоню дракона, – в запале сказал Тар, но деревенские мальчишки только посмеялись над ним, а старая Нирра покачала головой.

Тар был храбрым и неглупым мальчиком. Пусть он не был таким же сильным, как отец, пусть он был один – но не сидеть же ему сложа руки, пока дракон пьет их реку. Он тайком ото всех снарядил лодку, взял лук и стрелы, небольшой запас продуктов и отправился в нелегкий путь.

* * *

– А дальше что было? – спрашивает меня Лу. А я – то думал, что она уже спит.

– Ты сама как думаешь, что было дальше? – говорю я дочке. Пусть тоже присоединяется к сочинению, раз она такая вредина и не хочет спать.

– А дальше... он встретил сову! – восторженно заявляет Луиза, и выпучивает глаза, как у совы.

– Почему сову? – не понимаю я, и дочка смотрит на меня, как будто это она здесь старшая, а я – маленький и непонятливый.

– Ну как почему. Совы ведь красивые, – отвечает она.

Глава третья. Встреча с лесным духом

Три дня Тар греб, а ночами заводил лодку в прибрежный камыш, сооружал навес и отдыхал. Он уже не был так тверд в своем решении, как прежде, сильно беспокоился за мать и отца, но вернуться домой с пустыми руками и повинной головой означало бы сдаться. Тар решил добраться до истока и узнать, от чего высыхает река.

На третий день запас продуктов почти закончился, и Тар свернул к берегу, чтобы поохотиться в лесу. Он отыскал царь-дерево, могучий дуб и, как полагалось любому охотнику, оставил у его корней небольшое подношение – немного орехов и кусок хлеба. Тар порезал палец ножом и капнул несколько алых капель на землю у дуба, попросив прощения за ту кровь, которую намеревался пролить. Когда Тар собирался уйти, он услышал из густой кроны клекочущий голос:

– Кто ты, человек, и что делаешь в моем лесу?

Тар поклонился и ответил:

– В моей деревне есть легенда о последнем драконе. Он портит нашу реку, и я иду, чтобы прогнать его.

В кроне зашелестело, и вниз слетела огромная сова размером втрое больше обычной. Сев перед Таром, сова – дух леса – принялась внимательно его разглядывать.

– Дай мне совета, мудрая птица, – робко начал Тар. – В моей деревне никто по-настоящему не верит в дракона. Говорят, что все это сказки. Но что будет, если дракон все же есть? Я мал и слаб, как я смогу прогнать его?

Подумав, сова ответила:

– Все может оказаться сложнее, чем ты думаешь. Но ты поступаешь так, как велит тебе сердце. Я не знаю, как прогнать дракона. Но в дороге тебе встретится немало самых разных существ. Возьми мое перо. Если человек или другое существо замыслит дурное, то перо почернеет. Если нет – останется светлым и чистым.

Тар вновь поклонился и взял из крыла лесного духа перо.

– Спасибо тебе, мудрая сова, – сказал он, – уверен, что мне пригодится твой подарок.

Сова коротко ухнула, будто и не говорила минуту назад человеческим языком, и взлетела, а Тар отправился охотиться. В тот вечер ему удалось подстрелить жирного зайца, и он очень вкусно поужинал.

* * *

Лу захныкала под одеялом:

– Зачем он съел зайчика?

Я озадаченно почесал бороду:

– Ну, потому что у него закончились припасы. И он хотел есть.

– Плохая сказка!

– Это еще почему?!

– Потому что в ней едят зайчиков! – По выражению глаз Лу было видно, что она вот-вот расплачется. И мне в голову пришла идея:

– Ладно, ладно. Все было не совсем так.... Вот, слушай.

Глава четвертая. Новый друг

Когда Тар попрощался с совой, он и понял, насколько голоден. Юноша стал пробираться в глубь леса, стараясь ступать как можно тише. На опушке Тар увидел большого зайца с невероятно длинными ушами. Заяц грелся в лучах солнышка и не подозревал об опасности. «Вот ты и пойдешь мне на ужин!» – весело подумал Тар, осторожно снял с плеча лук, вытащил стрелу из колчана, прицелился. И тут заяц обернулся и увидел Тара. Но не бросился в чащу, а застыл на месте, шевеля ушами. И вдруг сказал человеческим голосом:

– Не убивай меня! Наверняка у тебя доброе сердце! Оставь мне жизнь, и я буду служить тебе.

Тар рассмеялся:

– На что мне толстый длинноухий заяц?

Заяц ответил:

– О! Я многое умею! Танцевать, например. – Он встал на задние лапы и стал переваливаться с боку на бок, покачивая ушами.

Тар улыбнулся и опустил лук.

– Но я очень голоден, а еды у меня уже не осталось!

Заяц, радостный от того, что остался жив, сказал:

– Иди за мной, я покажу, где тут малинник.

Наевшись малины, Тар сказал:

– И как же мне тебя звать-величать, говорящий заяц?

Заяц ответил:

– А, зови, как душе угодно! Прежде меня никто и никак не звал.

Тар пожал плечами и сказал:

– Ну, тогда буду звать тебя Ушан. Больно уши у тебя большие.

– Куда держишь ты путь-дорогу? – спросил Ушан.

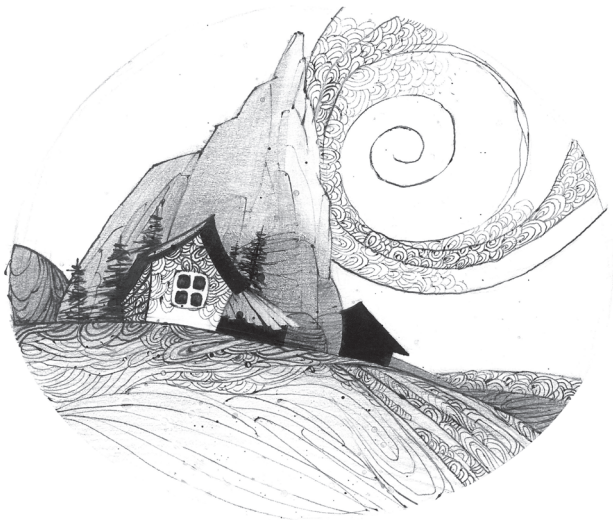
– Я иду, чтобы прогнать дракона, который пьет нашу реку, и из-за этого голодают люди в моей деревне, – ответил Тар.

Заяц уважительно пошевелил ушами.

Вдвоем они отправились к берегу. Но когда Тар подошел к тому месту, где он оставил лодку, то увидел, что кто-то отвязал веревку, и лодку унесло течением. Тар расстроился, потому что по воде он смог бы добраться до истока намного быстрее. Но Ушан сказал:

– Не печалься! Я знаю этот лес, как свои два уха. Покажу тебе дорогу вдоль берега!

И Ушан запрыгал среди кустов, а Тар поспешил вслед за ним.



* * *

Я снова потрогал лоб дочке и остался доволен – температура пошла на спад. Лу лежала и слушала сказку. Я спросил ее:

– Как думаешь, кто отвязал лодку?

Луиза задумалась, подняла глаза к потолку, точно там вот-вот должно было появиться имя злодея, и ответила:

– Кикимора, наверное.

– А зачем Кикиморе лодка? – пряча улыбку, сказал я, и Луиза удивилась:

– Как зачем? Чтобы самой кататься!

Подумав, я ответил:

– Летом поедем с тобой на рыбалку. Будем тоже кататься на лодке.

Лу захлопала в ладоши, но потом спросила с сомнением:

– А на воздушном шаре?

– Воздушный шар – это когда ты выздоровеешь. У меня есть приятель, а у приятеля есть воздушный шар. Он разрешит нам покататься. А на рыбалку поедем, когда наступит лето.

– Хорошо, – серьезно сказала Лу, – тогда я согласна.

Глава пятая. В поисках завтрашнего дня

Долго ли, коротко ли шли лесом Тар с Ушаном, пока не вышли к избушке. На лес опускались сумерки. Тар поглядел на избушку, одиноко стоящую в глуши, и спросил:

– Ушан, дружище, ты знаешь, кто здесь живет?

Но заяц только развел лапками:

– Знать не знаю, ведать не ведаю! Но человеческого жилья в этих местах отродясь не было, – с опаской продолжил он.

– Да ладно, не трусь ты, куцый хвост! Пойдем! Попросимся переночевать.

– Ну, не знаю, а вдруг там Кикимора живет? – не унимался заяц. Тогда Тар подмигнул ему и сказал:

– Если хозяева дурное замыслят, я сразу смекну, – и смело постучал в разохшуюся дверь. Заяц, тем временем, спрятался у Тара за спиной.

Со скрипом дверь приотворилась, а там...

* * *

– Кикимора, Кикимора! Там Кикимора! – Лу зажмурилась от восторга и спрятала нос под одеяло. Через каких-нибудь десять секунд она спросила:

– Правда, Кикимора ведь?

Я уже не мог сдержать смех и замотал головой:

– Нет, плутовка, нет. Никакая там не Кикимора, а... симпатичная старушка. И в седые косы у нее вплетены цветы...

* * *

Старушка шагнула в сторону:

– Здравствуйте, гости добрые! Как же хорошо, что вы пришли!

– Вы нас ждали? – настороженно сказал Тар, а Ушан моргал, позабыв о том, что умеет разговаривать.

– Неужто знали, что мы придем?

– Не знала, – тихо ответила старушка, – да вот горе у меня стряслось!

– Как вас зовут, – спросил Тар старушку, – и что за горе у вас случилось?

– Меня зовут Туки, – ответила старушка, – а мою внучку зовут Тики. Помогите отыскать ее. Она убежала на болото и заблудилась. Отыщите ее, а я в долгу не останусь, щедро вас одарю.

Тар потрепал Ушана по шерсти и сказал:

– Конечно, мы поможем!

Туки вздохнула:

– Она поссорила со мной и убежала. Но ее непременно нужно отыскать, иначе будет беда! Совы начнут летать посреди бела дня, медведь перестанет впадать в спячку, а листва летом осыплется.

– Если все так, как вы говорите, значит, как можно скорее нужно ее отыскать! – и Тар собрался идти на болото. Ушан, хоть и был трусишкой, тоже запрывгал следом.

– Погодите! – окликнула их Туки. – Возьмите мой волшебный фонарь. Он поможет вам найти Тики. А может, она сама вас найдет, когда увидит, что вы с фонарем ходите по болоту.

Тар взял волшебный фонарь, и отправились они с Ушаном в сумерках на болото, искать девочку Тики.

* * *

– А можно, у меня тоже будет внучка? – спросила Лу. – Она бы ни за что от меня не сбежала на болото! Я поцеловал дочку в лоб:

– Когда-нибудь у тебя обязательно будет внучка. Всему свое время.

Лу мечтательно прикрыла глаза:

– Уж я бы о ней позаботилась! Кормила бы ее кашей, покупала бы ей разные платья, водила бы в цирк, покупала бы мороженое... – она начала загибать пальчики. Наконец, Лу твердо сказала: – Папа, я хочу внучку.

Я поправил одеяло и ответил:

– Для начала научись заботиться о котенке. Возьмем домой котенка, будешь о нем заботиться.

– Котенка! Хочу котенка! – обрадовалась Лу и думать забыла о внучке.

* * *

На болоте было сыро, темно и мрачно. Ушан тут же начал ныть:

– Тар, возьми меня на руки! Тут кошмар, как сыро! Что ты будешь делать, если я простужусь?

Тар сказал, отмахиваясь от мошкары:

– Съем тебя наконец!

Вдруг они перестали препираться, потому что услышали, как кто-то плачет. Тар позвал:

– Эй, Тики, выходи, не бойся! Мы пришли, чтобы отвести тебя домой!

Тар вспомнил про волшебный фонарь, зажег его, и они с зайцем пошли дальше в глубь болота. Плач раздавался то ближе, то дальше, но Тики не спешила показываться на глаза. Выбившись из сил, Тар присел на кочку, а Ушан тут же запрыгнул ему на колени.

– Ну и что? Как нам найти эту вздорную девчонку? – спросил Тар у зайца.

Но Ушан не успел и рта раскрыть, как за их спинами кто-то сказал:

– Да не надо меня искать! Я и сама найтись могу, если надо.

Оба так и подпрыгнули, и разом повернулись.

Перед ними стояла заплаканная девочка. Волосы у нее были черные, глаза зеленые, а кожа белая. Тар сказал:

– Тики! Бабушка беспокоится о тебе! Пойдем домой?

Но Тики только замотала головой, так, что ее волосы вконец растрепались:

– Не пойду! Она старая и вредная!

Тар попытался утешить девочку:

– Ну что ты, ведь без тебя случится много бед! Совы днем летать станут, медведь в спячку впадать перестанет, а летом листва пожелтеет и осыплется!

Тики потупила глаза, поглядела себе под ноги, рукавом утерла нос и сказала:

– Скажите мне еще спасибо, что я вашу лодку отвязала.

Тар удивился, а потом рассердился:

– Это еще почему мы должны тебя благодарить? Зачем ты это сделала?

Тики еще раз шмыгнула носом.

– Может, бабушка и знает все, что было, а я знаю все, что может быть! Там дальше по реке пороги да водопады.

Тар почесал в затылке и сказал смущенно:

– Ну, спасибо тебе, коли все так, как ты говоришь! А теперь пойдем домой, бабушка волнуется.

Тики вздохнула, и все вместе они отправились к избушке. Тар шел впереди, освещая дорогу. Едва они вышли с болота к избушке, на порог выбежала радостная бабушка Туки и подхватила девочку на руки. Тар и Ушан опомниться не успели, как перед ними уже стояла молодая красивая женщина. Глаза

у нее были зеленые, а в черные косы были вплетены лесные цветы.

– Кто ты, и куда делась Тики? – спросил ее Тар, а Ушан подхватил: – Да, ты кто и что ты сделала с бабушкой Туки?

Женщина рассмеялась:

– Когда мы вместе, именно так мы и выйдем! Меня зовут Тики-Туки, и теперь все вернулось на свои места! Идите же скорее в дом, наверняка вы оба очень голодные!

И хоть Тар с Ушаном все еще немного не доверяли этой новой Тики-Туки, после ее слов об ужине они оба поняли, что она не может быть плохой. Тики-Туки сытно накормила наших героев, а потом...

Глава шестая. О верности друзей

– А потом взяла и сама их съела! – кровожадно возопила Лу и посмотрела на меня вопросительно: – Съела ведь?

– Нет, не съела, – ответил я, – с чего это ты вообще решила, что она должна их съесть?

– Так ведь всегда в сказках бывает. Сначала откормила, а потом – цап! – и съела!

– Это не такая сказка, – ответил я, – вместо того, чтобы их съесть, Тики-Туки подарила Тару волшебный...

– Чемодан! – абсолютно серьезно сказала Лу.

– Зачем им волшебный чемодан? – спросил я.

– Ну как? Они же путешествуют! Будут все складывать в чемодан, а в него все будет влезать! – ответила дочка.

Я не мог с ней не согласиться и решил, что при случае обязательно обзаведусь таким чемоданом.

* * *

После того как Тар и Ушан отдохнули, выспались и наелись вдоволь, Тики-Туки спросила, куда они держат путь. Тар рассказал о драконе, который поселился у истока реки. Тар идет туда, чтобы прогнать чудовище. А Ушан ответил, что хочет повидать мир.

– Возьми в благодарность от меня этот волшебный орех, – сказала Тики-Туки, обращаясь к Тару, – когда ты расколешь его, тебе откроется великая тайна. И ты найдешь ответы на многие вопросы. Но расколоть его под силу только Гром-птице, что живет на вершине высокой горы. Крылья ее заслоняют солнце, а клюв крепче алмаза. Держите путь на восток, и через семь дней окажетесь у подножия горы.

– А мне? Какой подарок ты приготовила для меня? – капризно спросил Ушан и требовательно посмотрел на Тики-Туки.

И Тики-Туки протянула ему большую мытую морковку. Ушан взял ее, придирчиво осмотрел и спросил:

– Она тоже волшебная?

Тики-Туки погладила его по шерстке.

– Нет, глупыш. Зато она очень вкусная.

И Ушан тут же проверил морковку на зуб.

– Спасибо, – Тар поклонился Тики-Туки, спрятал за пазуху орех, и они отправились с Ушаном дальше.

Заяц оказался хорошим спутником, и Тар не мог не признать, что без него ему было бы трудно в лесу. Ушан предупреждал, если поблизости рыскали хищники, отыскивал грибные полянки и подсказывал верное направление. Но однажды Ушан попал в беду.

Сами того не ведая, Тар и Ушан угодили на земли, принадлежащие барону. В тот вечер друзья сидели у костра, и внезапно Тар услышал охотничий рожок. Тут же из кустов как молния вылетела гончая. Учувя зайца, собака бросилась к нему, но Тар быстро схватил из костра горящий сук и огрел им гончую по голове. Собака жалобно взвыла и откатилась, едва не угодив под ноги лошади. На лошади восседал сам барон. Он охотился этим вечером и не ожидал встретить незнакомцев. Барон в первый момент немного растерялся. Заяц от страха тут же забрался Тару на руки.

– Кто ты и что делаешь в моем лесу? – гневно спросил он у Тара. – Почему мешаешь охотиться мне?

– Я Тар, сын Кирда, моя родина далеко от этих мест. Прости, я ведь не знал, что здесь чужие владения. Я держу путь к высокой горе, что подпирает облака на востоке. Там я хочу встретиться с Гром-птицей и узнать, как прогнать дракона, что поселился у истока реки и пьет из нее воду, – помедлив, он добавил: – Охотиться я помешал тебе только потому, что твоя гончая учуяла моего друга и хотела броситься на него.

Барон глупо моргал, пытаясь осознать то, что рассказал ему юноша. Тар посмотрел на перо, и сердце его ухнуло в пустоту – оно стремительно начинало темнеть.

– Так, слушай! – наконец, сказал барон, сводя брови. – Убирайся из моих владений подобру-поздорову! Так и быть, я не убью тебя! Но добычу свою заберу! – С этими словами он резко подал коня вперед и схватил зайца за длинные уши.

– Ай! Отпусти меня! Тар! Тар! Помоги мне! – закричал Ушан, пытаясь вырваться. Тар кинулся на подмогу, но его задержала собака. Улучив момент, она вцепилась парню в лодыжку.

– О! Да он еще и разговаривает! – изумился барон, – то-то будет потеха в замке! – и сунул Ушана в мешок.

Наконец Тар пинком сапога отогнал собаку, а барона уже и след простыл. И все дальше звучал охотничий рожок.

* * *

Лу смотрела на меня пристально и обеспокоенно, и в ее взгляде читался вопрос: «Пап, правда, все будет хорошо?». Вслух, однако, она спросила меня:

– Он ведь спасет зайчика?

Я ответил:

– Конечно, друзей нельзя бросать в беде. Как он будет его спасать, как ты думаешь? – спросил я.

Лу задумалась.

– Он его хитростью спасет! – просияла дочка. – Тар встретит лисичку, и лисичка научит его, как быть хитрым!

Глава седьмая. О лисьей хитрости

Тар просидел у костра до самой ночи, размышляя, как же ему выручить друга. Потом решительно поднялся и всмотрелся в ту сторону, куда ускакал барон. Нельзя было сидеть, сложа руки. Тар, так ничего толком и не придумав, просто пошел туда, где, по его представлениям, должен был находиться замок. Как раз в это самое время на тропку вышла мышковать лисичка. Завидев Тара, она шустро нырнула в кусты.

– Постой, лисичка! – позвал ее Тар. – Я не обижу тебя!

С опасением лисичка высунула черный нос из кустов:

– Что тебе нужно, человек? – недоверчиво спросила она.

– Мне нужен твой совет. Барон похитил моего друга и увез в замок.

Лисичка наострила рыжие ушки и осторожно вышла на тропку.

– Барон! – твякнула она. – Терпеть не могу его. – Сказав это, она тут же оглянулась.

В отчаянии Тар сел прямо на землю:

– Что же мне делать? Этот вредный барон похитил моего друга! Как же мне попасть в замок, который обнесен высокой стеной?

– Я знаю, как пробраться в замок.

Тар тут же вскочил на ноги:

– Ну, рассказывай же скорее!

– Барон страсть как любит охотиться. Больше охоты он любит только подарки. А какие подарки по душе охотнику?

– Какие? – переспросил Тар, явно не догадываясь, к чему клонит лесная плутовка.

– Трофеи, конечно! – ответила лисичка. Помедлив немного, она продолжила: – Вот как мы поступим: ты закинешь меня на плечи и придешь под ворота замка. И скажешь, что поймал меня специально в подарок.

– И что же мы будем делать потом? – недоумевал Тар.

– Ты спросил меня, как попасть внутрь замка, – лукаво ответила лисичка, – и теперь спрашиваешь, что делать дальше? Я ведь просто лисичка, откуда мне знать?

Тар едва не расплакался, но тут лисичка рассмеялась:

– Что–нибудь придумаем! Когда они впустят нас за ворота, ты сбросишь меня на землю и закричишь: «Злой дух! В нее вселился злой дух! Мертвая лиса ожила!». Я стану бегать по двору замка и отвлеку внимание стражников. А ты тем временем найдешь своего друга. Только ищи быстрее, я не хочу стать настоящим трофеем!

– Как ты здорово все придумала! – с некоторым сомнением ответил Тар. – А у нас точно получится?

– Кто знает, – беззаботно ответила лисичка – мы ведь еще не попробовали!

Только к вечеру они пришли к воротам замка. Он оказался не таким огромным, как представлял его себе Тар. Ни рва вокруг, ни армии грозных стражников не было. У ворот дежурили два низкорослых человека. Судя по выражению их лиц, стояли они там давно и скучали. Тар с лисичкой на плечах подошел к ним и сказал:

– Добрые стражники! Я пришел с подарком для самого барона! Это непростая лисичка! Она из породы огненных лис, чей мех может согреть даже в самую лютую стужу!

Стражники заинтересовались, зашептались между собой, потом тот, что был пошире в плечах, криво улыбнулся и сказал:

– Оставь тушку нам! Мы её передадим барону из рук в руки!

Тар только покачал головой:

– Нельзя, иначе мех потеряет свои волшебные свойства! Подарить лисичку должен именно тот, кто ее изловил.

Стражники переглянулись, потом один с неохотой сказал:

– Ладно, проходи, так и быть. Сейчас схожу за бароном.

– У него сегодня вечеринка, – засомневался другой стражник.

– Тем лучше, – оборвал его первый.

Непохоже было, чтобы они очень-то любили барона.

Ворота отворились, и Тар с лисичкой очутились внутри двора. Лисичка тут же спрыгнула на землю. Тар закричал от неожиданности:

– Мертвая лиса ожила! Она укусила меня! В нее вселился злой дух!

Лисичка ошалело носилась по двору, но стражники не обратили на это внимания.

– Эй, парень, тебе помочь? Сильно болит? – спросил тот, что пошире в плечах.

– Надо вытянуть из раны яд! – с просветленным лицом отозвался другой, и оба с самыми добросердечными намерениями принялись наступать на Тара. Кто знает, чем все могло бы закончиться, если бы из замка не выскочил барон. В руках он держал клетку, внутри которой сидел перепуганный Ушан.

– Что тут за шум? – заплетающимся языком спросил барон.

Ушан, завидев Тара, закричал:

– Тар, дружище, ты вернулся за мной!

Барон повернулся к гостям, которые вышли за ним следом:

– Ну вот, я же сказал, что заяц говорящий! А вы мне не верили!

Тем временем лиса, которая продолжала бегать по двору, случайно угодила под ноги барону. Он повалился на спину, и клетка с зайцем вылетела у него из рук. Тар не стал терять ни секунды. Он подхватил клетку, прижал ее к груди и побежал. Лисичка бросилась следом. Во дворе замка творилась неразбериха, барон требовал изловить зайца и его похитителей. Но так как барон был изрядно пьян, то стражники никак не могли взять в толк, что ему нужно. Когда они, наконец, сообразили, что к чему, то беглецов уже и след простыл.

Глава восьмая. Встреча с Гром-птицей

– Ну и дурак же этот барон! – гневно заявила Лу. – Уж я бы его проучила!

– В мире немало дураков, – сказал я. – Если злиться на каждого, то нервов не хватит.

Лу задумалась. Потом сказала:

– Хорошо, что Тар спас зайчика. А они найдут Гром-птицу?

– Обязательно найдут! – заверил я дочку.

* * *

Отдышавшись, лисичка, Тар и Ушан сели на полянке. Они всю ночь бежали от замка барона и очень устали. Постоянно позади Тару мерещились лай собак и крики людей. Тар сдвинул защелку и выпустил Ушана из клетки. Тот радостно запрыгал вокруг:

– Они заставляли меня разговаривать, представляешь? Говорили, что приготовят из меня жаркое, – не унимался он, – но я все равно молчал и верил, что ты вернешься за мной!

– Конечно, я вернусь за тобой, – Тар улыбнулся, лег на спину и тут же уснул. Ему снился дракон, который взлетает в небо.

Отдохнув, они попрощались с рыжей плутовкой и отправились на встречу с Гром-птицей. Тар часто

сжимал в кулаке орех и гадал, каким будет ответ, который таится под крепкой скорлупкой. Друзья долго поднимались на высокую гору, пока однажды не встретили на пути...

* * *

– Гром-птицу! Вот с таким клювом! – Лу выпрыгнула из-под одеяла и широко развела руками. – Они нашли ее, нашли!

– Тише ты, – я уложил дочь обратно в постель, – маму разбудишь. Слушай, что было дальше...

Луиза энергично закивала и положила руки поверх одеяла.

* * *

Друзья заночевали в пещере, и посреди ночи Тара разбудило хлопанье крыльев. Он открыл глаза и увидел силуэт огромной птицы. Птица сложила крылья и сделала несколько шагов навстречу. Проскрежетали по камню когти. Тар не стал будить Ушана, он аккуратно вынул из-за пазухи волшебный орех и протянул его на ладони. В сумраке пещеры орех начал светиться. В этом свете Тар смог получше разглядеть Гром-птицу. Несомненно, была именно она. Перья у нее были пестрые, а умные глаза внимательно следили за Таром.

– Значит, ты и есть та самая Гром-птица, чей клюв крепче алмаза? – спросил он шепотом.

– Да, это я и есть, – важно ответила Гром-птица. – А ты кто такой?

– Я Тар, сын Кирда. А это мой друг Ушан, – Тар указал на спящего зайца. – Мы идем издалека, чтобы найти дракона, который живет у истока реки. На своем пути мы встретили колдунью Тики-Туки, она подарила мне волшебный орех. В этом орехе, как она сказала, скрыта великая тайна. И если его расколоть, я узнаю ответы на многие вопросы.

Гром-птица зашевелилась, но не спешила отвечать. Тар так же молча смотрел на нее, не веря, что ему удалось встретиться с этим волшебным созданием. Гром-птица взяла клювом с ладони Тара орех, скорлупа щелкнула, на мгновение пещера озарилась ярким светом, и орех скользнул в горло птицы.

– Ты съела орех! – с ужасом простонал Тар. – Как же мы узнаем великую тайну?

Гром-птица даже не посмотрела в сторону Тара. Как будто обращаясь к себе, она сказала:

– Съедобно. Хотя у этого ореха слишком явный привкус кармана. – И, повернувшись к Тару, возвестила: – Великая тайна!..

Тар весь обратился в слух. Ушан проснулся и, ничего не понимая, уставился на Гром-птицу.

– Великая тайна! – повторила Гром-птица. – Вы сидите в правой ноздре дракона!

Целый час они разговаривали с Гром-птицей. Тар и Ушан слушали внимательно все, что она рассказывала. А выходило так, что гора и есть дракон. Все это случилось так давно, что дракон успел окаменеть и врасти в землю.

– Но он жив, – шепотом проговорила Гром-птица, – прислушайтесь, как бьется его сердце!

Трое замерли и прислушались. И тогда Тар услышал, как где-то в глубине горы стучит огромное драконье сердце.

– Из-за того, что он пьет реку, голодают люди в моей деревне, – сказал Тар. – Что мне делать, Гром-птица?

Гром-птица задумалась и ответила:

– Я бы посоветовала тебе поговорить с драконом.

– Но как? – удивился Ушан. – Мы ведь для дракона крошечные! Как он нас услышит?

– Надо забраться ему прямо в ухо!

... Когда рассвело, друзья уселись на спину Гром-птицы, и она понесла их за облака, на самую вершину, где под шапкой из вечных снегов прятались уши дракона.

Глава девятая. Дракон, в которого не верили

– Пап, а почему он не может просто взять и улететь? – спросила Лу.

– Потому что никто не верит в него, – ответил я, – и главное, он сам в себя уже не верит. Порой ему кажется, что он и не дракон вовсе, а просто вулкан. Невозможно летать, когда в тебя никто не верит.

– Неправда! Я в него верю! – вступилась Лу за дракона. – Если нужно, я сильно-сильно могу поверить!

– Ты вообще очень талантливая, – ласково сказал я и обнял дочку.

Внутри уха было гулко, звуки шагов эхом разлетались под сводом пещеры. Не слишком-то уверенно Тар крикнул:

– Эй, дракон!

Эхо возвратило ему эти слова. Эхо будто смеялось над ним.

«Просто поверь», – шепнул Ушан, которого Тар прижимал к груди. Тар закрыл глаза. Он прошел долгий путь от своей деревни, где оказался единственным, кто смог поверить словам старой Нирры.

«Никто не верит в дракона. Люди больше между собой злобствуют, на чужое добро зарятся, хлеб

разделить не могут», – вспомнил он слова старушки. Набрав в грудь побольше воздуха, Тар крикнул, что было силы:

– Дракон! Я пришел, дракон!

Сперва Тару показалось, что дракон его не услышал. Но потом прямо в своей голове юноша услышал вздох, настолько глубокий и тяжелый, будто сошел горный обвал. Вздох, полный усталости и печали. И дракон ответил:

– Кто ты и зачем тревожишь меня?

Тар сказал:

– Я пришел издалека. В моей деревне голод от того, что ты пьешь реку. Мой отец рыбак, и он говорит, что рыбы уже не осталось. Наша река становится все более мелкой и грязной из-за тебя! Прошу тебя, уходи!

Тар обратил внимание на перо. Впервые за все время оно наполовину было черным, а наполовину белым.

Дракон долго молчал. Потом вновь тяжело вздохнул:

– Если бы я мог, то давно бы улетел. Если я перестану пить воду из реки, то пламя, которое живет во мне, вырвется наружу и сожжет все живое вокруг.

– Тогда взлети высоко в небо и выпусти там огонь!
– сказал Тар. – Если ты поступишь так, то никто не пострадает!

– Я не могу, – ответил дракон. – Здесь меня спрятали родители, когда большие драконы начали войну. Я вырос совсем один. Теперь я понимаю, что драконам нужны были люди. Пока вы в нас верите, мы можем летать. В меня уже почти никто не верит. Я врос в эту землю, а кожа моя окаменела. Я не могу взлететь.

Тару стало очень жаль дракона, который вырос совсем один. Когда большие глупые драконы воевали между собой, ему даже не с кем было поиграть.

– Тогда я пойду и расскажу о тебе всем на свете! – твёрдо сказал юноша. – Люди узнают, что ты есть, они поверят в тебя, и ты сможешь взлететь!

– Быть может, у тебя получится, – с надеждой в голосе отозвался дракон.

Тар понял, что его путешествие только начинается. Он крепче прижал Ушана к груди и вышел из пещеры. Гром-птица широкими кругами парила в небе. Тар улыбнулся и помахал ей рукой.

Эпилог

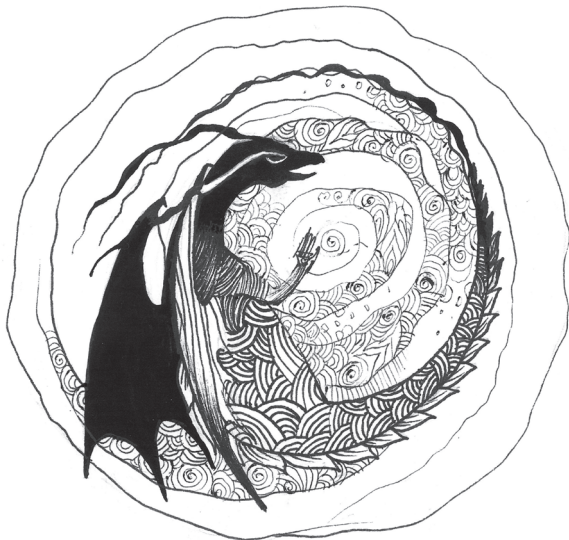
– У него все получилось, правда? – спросила Лу, потягиваясь в кровати. Температура у нее сошла на нет, дочка сладко зевнула.

– Конечно, получилось. Тар всем рассказывал историю о последнем в мире драконе. Люди

запоминали его историю и передавали из уст в уста.

– А как дракон стал солнышком?

– В один прекрасный день дракон сумел улететь. Он поднимался все выше и выше, пока не поднялся, наконец, так высоко, что его пламя не могло уже никому навредить. Тогда он выпустил свой огонь и превратился в звезду. А настоящее солнышко – это ты. – Я поцеловал дочь в лоб. – Выздоровливай скорее. И поедem кататься на воздушном шаре.



Беседа в полутьме

Посвящается памяти Виолеты Кудрявцевой

Слово «чод» переводится с тибетского как «отсечение», что означает отсечение привязанностей на пути к просветлению. Эту практику обычно проводят в уединенных и пустынных местах, вроде пещер и горных вершин, чаще всего ночью. Находясь один в темноте, практикующий дует в ганлин, – специальную флейту из бедренной кости, – и вызывает духов трёх миров, предлагая в качестве подношения демонам собственное тело. Выдержавший такое испытание отсекает привязанности и страхи, обретая пробуждение.

Я не умею играть на губной гармошке. Что уж тут поделать, не умею, но играю – для себя, от чистого сердца, пытаюсь подбирать мелодии или просто дую в нее, как Бог на душу положит. Мне нравится ее плачущий звук, и движение губ вдоль ряда отверстий, и дыхание, которое превращается – нет, даже не в музыку, но в состояние. Чтобы не травмировать психику других людей, я играю на гармошке, когда остаюсь один. Вот так и вышло, что этот музыкальный инструмент стал для меня знаком одиночества, скорее уж вопросительным, чем восклица-

тельным. Как будто я спрашиваю себя, а заодно и мироздание: «А что же дальше?», или «Как теперь?», или «Все ли верно сделано?». А на выдохе получается звук, который и есть лучший ответ. Потому обычно после получаса такой медитации я знаю, как дальше, что теперь делать, и полностью уверен, что иду своей дорогой. А если не своей, то припоминаю, на каком повороте свернул не туда.

И вот сейчас, прямой южной ночью, сидя на скале над бурлящими водами Черного моря, я понял – самое время. И вынул из-за пазухи пластиковый футляр, в котором живет моя блюзовая рыбка. Но доставать гармошку не торопился, прислушиваясь к морю, которое сонно бормотало, и к юго-западному ветру. Он-то, мой добрый друг, принес приглушенные голоса и звуки гитар. Где-то левее по побережью разбили лагерь вольные туристы, достаточно дикие, чтобы ходить нагишом и полдня не вылезать из моря. Я с ними столкнулся позавчера, славные такие ребята, мне очень понравились. Подумал еще, что надо бы заглянуть к ним, познакомиться толком. Это ничего, что их слышно, они мне не мешают. Так даже лучше, а то, того и гляди, можно почувствовать себя единственным человеком на всем белом свете. И поверить в то, что так оно и есть. А как, спрашивается, после этого жить?

Вот и она, первая ласточка. Первое «как». Небо было потрясающе звездное, даже с моими близорукими глазами становилось ясно, что звезд там больше, чем самого неба, и на месте каждой звезды горел неумолимый знак вопроса – как, как, как? Действительно, как же я буду жить, когда ты больше не звонишь мне посреди ночи, рассказывая совершенно абсурдный, бредовый и потому восхитительный сон, когда мы не напиваемся с тобой сладким сидром, а после декламируем Маяковского, конечно же, сбивчиво и невпопад, когда не гуляем ночь напролет по улицам, которые еще днем казались такими знакомыми, когда ты не сидишь, серьезная и сосредоточенная, наблюдая за тем, как я варю кофе, когда не выдергиваешь сигарету из моих рук, только для того, чтобы самой сладко затянуться... когда, когда, когда... когда, и так страшно самому себе в этом признаться, ты больше не дышишь. Сказать «ты умерла», у меня и вовсе язык не поворачивается, потому что стоит только об этом подумать, и внутри все холодеет и сжимается. Как? Я достаю гармошку и подношу к губам, выдувая, как стеклодув, свой первый звук. Он почти обретает форму, но тут же рассеивается на прохладном и соленом ветру. Однако за ним следует второй, третий звук... так появляется мелодия, неровная и неуклюжая, как рисунок

ребенка, и такая же честная. Я чувствую себя пустым кувшином, который заполняет звук, и не остается ничего – ни горечи, ни мыслей, ни-че-го. Но это уже не пустота, это... что-то совсем другое, и мне кажется, что я почти понял, как дальше. Отнимаю гармошку от влажных губ и шепчу в чернильную тьму:

*- Свяжи все мои нити узелком...**

И тут, скосив глаза, вдруг понимаю, что рядом кто-то есть, совсем близко сидит, в десятке метров, невидимый в этой непроглядной ночи, только силуэт в неверном свете и можно различить, непонятно даже, женщина или мужчина. Мне, вроде бы на ровном месте, становится страшно, будто сотня демонов гложет мои внутренности. Не в силах преодолеть эту муку, этот нестерпимый зуд, и чтобы вот так, в ночи, не закричать, я вновь подношу гармошку к губам. В самом деле, что понапрасну пугать невольного слушателя. Еще сорвется, подбежит узнать, все ли со мной в порядке, а мне сейчас так важно побыть одному. И я играю, стараясь вложить в дыхание все несказанные слова, не отправленные письма, все-все, чем я дышал, пока ты была рядом.

Пылают и рассыпаются прахом во мне города, небеса трещат по швам, горы проваливаются внутрь себя, обнажая бездонные пропасти, а я продолжаю играть, как будто от меня самого ничего не осталось, кроме возможности дышать в губную гармошку. Дышать, как бы страшно и горько мне не было.

Ветер становится сильнее и гладит меня по обритой наголо голове. Вспоминаю, как ты подарила мне нелепого деревянного жирафа, привезла его, кажется, из Египта, и вручила со словами: «Мне показалось, что он такой же сумасшедший, как и ты». Смешно сказать, но я до сих пор таскаю его в сумке, как талисман. И эта ночь, и ветер, и неизбежное звездное небо – как бы я хотел показать все это тебе или пересказать, на худой конец, как мы всегда пересказывали истории о своих путешествиях.

Открываю глаза, сознавая при этом, что не помню, когда их закрыл. Меня трясет, как в лихорадке, по лбу и вискам градом течет пот, а я жадно хватаю ртом воздух, словно вынырнул с глубины. А ведь так оно, по сути, и есть. Прислушиваюсь к стуку сердца, который заглушает все вокруг, и чувствую – теперь я знаю, как дальше, и мне от этого становится так легко, что я почти смеюсь. Из холщовой сумки достаю деревянную фигурку, ласково глажу жирафа по загривку, как живого. А

после ставлю рядом, и говорю тихонько: «Ну, вот и все, ты свободен. Можешь идти, куда захочешь». Обернувшись, замечаю, что неведомого слушателя уже нет. Да и был ли он? Поднимаюсь на ноги, чудом не падаю от головокружения, но все-таки стою, а потом разворачиваюсь спиной к морю и делаю первый шаг. А дальше будет легче.

* Цитата из песни А. Васильева «Иди через лес» (гр. «Сплин»)

Дарья Дзюба

От автора:

Люблю шоколад и терпеть не могу шоколадные торты. Боюсь темноты и официантов. Замечательно лажу с детьми и с удовольствием придумываю для них истории. Всегда все делаю в последнюю минуту, потому что жду вдохновения. Люблю логические загадки. Мечтаю написать свой детектив.

Тот, кто живет под кроватью

Ника вошла в квартиру, звеня ключами, поставила в прихожей портфель, достала учебники – «Родную речь» и математику за первый класс. Нике было немного грустно. Бабушка заболела, и родители срочно уехали к ней в деревню, а вернуться обещали завтра. Ника, впрочем, считала себя уже взрослой девочкой и могла о себе позаботиться. Разувшись и повесив на крючок куртку, она вошла в свою комнату. И остановилась, как вкопанная. Сначала она подумала, что ей мерещится в полумраке. Но нет ведь! Под кроватью действительно кто-то сидел. И смотрел на девочку огромными желтыми глазами.

– Ты кто? – звенящим голосом спросила Ника.

– Я – подкроватный монстр, – как ни в чем не бывало, ответил он. Подумал и добавил: – Недавно переехал.

– То есть как переехал? – ошарашенно спросила девочка.

– Сюда переехал. Под твою кровать, – глаза исчезли, монстр под кроватью заворочался, потом что-то громко стукнуло, и все стихло.

– Что ты там делаешь? – возмутилась Ника. Ей совершенно не хотелось, чтобы под ее кроватью жил монстр.

– Обустроиваюсь. Говорю же, переехал только, – в темноте вновь вспыхнули яркие глаза.

– Уходи! Не нужны мне никакие монстры. Это мой дом и моя кровать, – закричала Вероника и топнула ногой, для убедительности. Вообще-то ей было очень страшно.

Монстр рассмеялся:

– Еще как нужны. Монстры всем нужны. Вот на кухне еще семья Захолодильников живет.

– Какие еще заходильники? – недоуменно спросила Ника.

– Да не заходильники, а За-хо-ло-ди-ль-ни-ки. Это семья, которая на кухне за холодильником живет. Забавные ребята. Только друг от друга не оторвешь. В тесноте, да не во обиде, – усмехнулся монстр.

«Еще бы, ему под кроватью места хватает» – подумала Ника.

– Не видела я никакую семью, и вообще, как за холодильником жить можно? – вслух сказала она.

– Странная ты. Так же, как под кроватью. Но под кроватью уютней. Тепло и тихо. Пыльно немного, это да.

– То есть они тоже монстры?

– Да, они тоже. И живут там давным-давно, – монстр зажмурился, – кто, по-твоему, достает и кладет на видное место все, что падает за плиту и за холодильник? Ложки, вилки.

– Но я думала ... – начала было Ника, но осеклась.

– То-то же, – сказал монстр поучительным тоном и подмигнул девочке.

Вероника не нашлась, что сказать, она решила переодеться в домашнюю одежду и сесть за уроки. Учительнице ведь не объяснишь, что подкроватный монстр помешал выполнить домашнее задание. Для того, чтобы переодеться, Нике пришлось пойти в комнату родителей. На всякий случай она заглянула и под их кровать, но там было пусто. «Полежу минутку, а потом сразу сяду за уроки» – пообещала себе девочка и сама не заметила, как уснула.

Проснулась она от того, что кто-то ходит на кухне. Посмотрела на часы и увидела, что время

далеко за полночь. Ника вся похолодела. Жили они на первом этаже. Неужели воры? Вероника накинула одеяло на голову, наивно надеясь, что ее не заметят.

Шуршание переместилось из кухни в комнату. Сердце у Ники гулко забилося. Вдруг раздался резкий звук, похожий на вой пылесоса, потом что-то заухало и застучало. Кто-то закричал и выругался, потом послышался топот, и вор выпрыгнул в окно на кухне. Судя по всему, тем же путем он и проник в квартиру.

Ника еще минут десять лежала и не двигалась. Наконец она тихонько поднялась с кровати и, стараясь не шуметь, вошла на кухню. Все шкафы и холодильник были распахнуты, на полу валялись банки с крупой и несколько кастрюль. Оконная решетка была погнута ровно настолько, чтобы мог протиснуться человек. Ника нагнулась, чтобы поднять банки. Под холодильником светились четыре испуганных глаза.

– Он уже ушел, – сказала им девочка.

И направилась в свою комнату. Она спросила у монстра:

– Это ты его прогнал?

– Да, я. Я же говорил, что монстры могут быть полезными. Воров прогнать можем, предметы потерянные находим. Один раз я даже скорую вызвал. Главное – бояться нас не нужно. Ну, так я

могу остаться? – и он жалостливо посмотрели на Нику.

– Можешь. Но разве тебе удобно под кроватью?

– Само собой, удобно. Ты только игрушки почаще роняй.

Ника вернулась на кухню и затворила окно. И вдруг поняла, что больше не боится ни темноты, ни монстров.



Тамара Ильина

От автора:

Что я могу рассказать о себе? Да ничего нового и необычного. Две руки, две ноги, одна голова – глупая и нелепая, которой все время надо придумывать что-то новое. Например, сказки, чтобы добро доблестно боролось со злом, а то оказывалось вовсе не злом, а тоже добром, просто невыспавшимся и расстроенным. А потом обязательно должен быть чай с мятой и чабрецом и плюшки с малиновым вареньем.

Подарок для бабушки

Стояли последние теплые дни осени, самый разгар бабьего лета. Весь мир стал праздничным и нарядным. Яркие резные листья осыпались прямо под ноги горожанам, но те не замечали их красоты и спешили по своим делам.

Маленький мальчик, напротив, радовался красивым ярким листьям и неизменно приносил домой целых ворох кленовых, дубовых, березовых листочков, толстых и немного шершавых ореховых и других, чьи названия он еще не знал. Но сейчас он был сосредоточен. Мальчик сжимал в руке купюру,

что дала ему мама, хмурил светлые брови и что-то задумчиво бормотал себе под нос. Он уже взрослый, он достаточно большой, чтобы самому купить дедушке подарок. И надо, чтобы это был лучший подарок в мире. Самый нужный и желанный. Такой, чтобы дедушка, наконец, улыбнулся и вышел из комнаты. Дедушка стал таким после того, как ушла бабушка. Куда ушла бабушка и когда она вернется, ему никто не говорил. Мама однажды сказала, что она на небе. Мальчик целый день просидел на скамейке, рассматривая небо, но бабушки не заметил. Из случайно услышанного разговора он узнал, что бабушка умерла. Он не знал, что это такое, но понял, что случилась беда.

Он шел и думал, какой же подарок заставит дедушку улыбнуться, когда ноги сами вынесли его к маленькому кафе. Это был аккуратный домик с огромными окнами. Узкая дверь из светлого дерева была заманчиво приоткрыта, и оттуда доносился сладкий запах булочек с корицей и свежего какао. Запахи были столь соблазнительны, что мальчик не удержался и вошел. Внутри в большом кресле с высокой спинкой сидела женщина с длинными черными волосами, в которых спряталась одна длинная белая прядь. На левой руке у нее были браслеты, которые мелодично звенели.

Она внимательно посмотрела на мальчика и подмигнула.

– Здравствуйте, – сказал мальчик.

– Привет, – ответила женщина и улыбнулась, – так вот для кого я какао сварила.

Она встала с кресла и подошла к длинной стойке, затем достала кружку и кофейник.

– Настоящее какао. Сливки. И миндальное молоко. Ничего растворимого, – сказала она, наливая напиток в кружку. – Пробуй.

Мальчик осторожно взял кружку, повертел в руках и сделал глоток.

– Вкусно. Совсем как бабушка делала. Тоже со сливками и миндалем. И своей любовью. Она так всегда говорила. А потом бабушка ушла, а мама не варит какао, только покупает «Несквик», – печально протянул малыш и снова отхлебнул из чашки. – А можно, я сюда буду с мамой ходить? – И мальчик обвел взглядом просторную светлую комнату с огромными окнами, деревянным полом и высоким потолком. Около окон стояли столики с голубыми скатертями и белые стулья со специальными подставками для ног, которые могли пригодиться маленьким посетителям. На каждом столе стояла пузатая вазочка с букетом из осенних листьев. А по барной стойке важно прохаживался настоящий ворон. Совершенно белый, с единственным черным пятном на крыле.

– Боюсь, что это невозможно. Видишь ли, это не обычное кафе, а волшебное. Сюда не могут приходить все желающие, только особые.

– Как в кино, да? Избранные? – мальчику становилось все интереснее в этом необычном кафе.

– Нет, избранные в кино какими-то глупостями занимаются. Сюда же приходят те, кто ищет что-то важное или нуждается в помощи, желает получить ответ на свой вопрос или просто совет. Хочешь, скажу, зачем ты здесь?

Мальчик кивнул и посмотрел на ворона. Ворон был удивительный.

– Хорошо, тогда засунь сюда руку и вытащи камушек, – с этими словами она протянула ему бархатный мешочек на завязках. Мальчик запустил внутрь ладонь, вытащил сжатый кулачок, зажмурился и медленно раскрыл его. На его ладони лежал маленький темно-синий камень с золотистыми прожилками. Камень был на удивление теплый, и его блестящие полированные грани отражали свет из окон, бросая солнечные блики на стены.

– Вот, – сказал он, – синий камень. Что это значит? – его лицо светилось любопытством и нетерпением.

– Темно-синий с прожилками – все понятно.
– Она улыбнулась мальчику, – у тебя есть кто-то очень близкий. Мужчина. Не брат и не отец. Может, дядя или дедушка. И он сильно огорчен и подавлен.

– Точно, – кивнул малыш, – это мой дедушка. У него через три дня день рождения. И я ишу ему лучший подарок на свете. Такой, чтобы дедушка, наконец, улыбнулся и вышел из своей комнаты.

Женщина с длинной белой прядью в черных волосах задумалась, прошла по комнате, посмотрела на ворона и кивнула:

– Думаю, у меня есть то, что тебе нужно.

– Правда? Честно-честно? И дедушка будет улыбаться? – мальчик совсем разволновался и чуть не уронил кружку с какао.

– Конечно, правда. Зачем мне врать? – женщина посмотрела с укором, и малышу стало неловко.

– Вот, – сказал он и достал из кармана заветную бумажку, – надеюсь, этого хватит, если нет, то у меня есть дома копилка, я вернусь и принесу ее.

– Это не подойдет, – грустно покачала головой хозяйка кафе, – ты ведь еще в том возрасте, когда знают, что самые важные вещи за деньги не купишь. Это взрослые верят во всемогущую власть этих бумажек. Если ты хочешь что-то купить за деньги, то тебе в магазин. Но ты думаешь, новый галстук или шерстяные носки заставят улыбнуться твоего дедушку? Или красивая картинка на стену?

Малыш покраснел от смущения и спрятал руку. Он как раз думал купить дедушке новую картину на стену или плакат с рекой.

– Но у меня больше ничего нет, – тихо произнес он.

– Неужели, – женщина подняла одну бровь, – у тебя нет ничего, что ты любишь и что доставляет тебе радость? У тебя нет ничего дорогого тебе?

– Наверное, есть, – неуверенно сказал мальчик и посмотрел на большие старинные часы, что стояли в темноте у камина. – Можно, я приду завтра?

– Конечно, приходи, мы ведь еще не выбрали подарок твоему дедушке, – женщина смахнула с лица длинную прядь, что выбилась из прически. – Меня зовут Ива.

– Очень приятно, – снова смутился мальчик и поспешно произнес, – а меня зовут Яс. До свидания.

На следующее утро мальчик снова пришел в необычное кафе. На этот раз он что-то нес в большом пакете.

– Доброе утро, – поздоровался он, осторожно открывая тяжелую дверь и заглядывая внутрь, – я пришел.

– Утррро, утррро, добррое утрро, – каркнул ворон. Затем из-за двери сбоку появилась Ива, наполнив кафе нежным перезвоном браслетов. Она была в платье с замысловатыми узорами и в домашних тапочках.

– Доброе утро, милый ребенок, не желаешь какао?
– Она зевнула.

– Спасибо, – ответил мальчик и нерешительно затеребил пакет. – Я принес. Я нашел самое дорогое.

– Показывай, что там у тебя, – хозяйка налила ароматного какао в две кружки.

– Вот моя самая лучшая игрушка, – сказал Яс и осторожно достал из пакета огромного робота.

Но Ива только снова печально покачала головой.

– Но почему? – казалось, мальчик сейчас заплачет.
– Это самая лучшая и дорогая из моих игрушек. Мне ее на день рождения подарили. Он умеет ходить и разговаривать, и стрелять. Все мальчишки во дворе мне завидуют и просят поиграть.

– Разве то, что тебе все завидуют, показатель того, что ты любишь эту вещь? Что она дорога тебе? Разве с этой вещью связаны твои самые теплые воспоминания? Что она значит для тебя? Ты расстроишься, если завтра она пропадет?

– Мама расстроится и будет меня ругать, что я не умею следить за вещами, – после некоторого молчания сказал Яс.

– А ты расстроишься?

– Не знаю. Немного, но он мне уже надоел, если честно, – на полке глухо каркнул странный белый ворон, и это карканье очень походило на смешок.

– Не страшно, ведь у тебя еще есть время подумать, а пока пей какао.

Так прошел еще один теплый день. И еще одна прекрасная ночь, полная сияющих звезд и шелеста опадающих листьев. Наступило утро, а мальчик все не приходил. Ива подходила к большому окну и отодвигала тяжелые бархатные портьеры, но улица была пуста, если не считать радующихся последним теплым дням птиц, что сидели на старой рябине напротив.

Он пришел, когда наступили сумерки. Мальчик был очень сосредоточен. Он мышкой проскользнул в приоткрытую дверь и молча поставил коробку на стол. Это была плетеная коробка, которую папа привез из командировки. От нее, казалось, до сих пор пахло морем, пряными травами и волшебством.

– Я знаю. Я понял, что самое дорогое, – он открыл коробку и начал вынимать «сокровища», которые есть у каждого мальчишки или девчонки. У каждого были такие коробки с секретиками. Там лежали билетки из кино, куда они ходили всей семьей на премьеру мультфильма, разноцветные стеклышки, зеленая от старости монетка, фантики от жвачки, перочинный ножик, сломанная кукла, которую ему подарила девочка с рыжими косичками, и еще много понятных только самому Ясу сокровищ.

– Ты молодец, – сказала Ива и улыбнулась своей самой доброй и теплой улыбкой, – а теперь пора

найти подарок твоему дедушке, – и она скрылась за незаметной дверью, ведущей в подсобные помещения.

Вернулась она не сразу, и мальчик сидел и глядел на дверь, как будто там творились чудеса и сейчас они должны были вырваться наружу. Дверь отворилась, и вошла Ива. В руках у нее была старая жестяная шкатулка с нарисованными на ней румяными мальчишками, что катались с горки.

– Вот и подарок.

– А что там?

– Думаю, ты уже знаешь ответ на свой вопрос, – ответила Ива, запаковывая подарок в яркую цветную бумагу, – что-то очень важное для твоего дедушки. А что именно – лучше спросить у него. Он сможет рассказать о каждом предмете в этой коробке и о ней самой. Разве ты не хочешь услышать все эти истории?

Мальчик согласно кивнул и прижал коробку к груди.

– Спасибо вам большое, – сказал он, потом добавил: – Может быть, когда-нибудь я еще зайду в ваше волшебное кафе.

– Может быть, – задумчиво сказала Ива, – береги себя и будь счастлив, малыш.

А на следующее утро, пока в доме все спали, Яс проснулся и тихо-тихо, чтобы никого не разбудить,

пробрался в комнату бабушки и оставил на столе подарок, завернутый в яркую бумагу. И вернулся в свою постель. Сон сморил его, как только голова коснулась подушки.

Уже намного позже его разбудил запах блинов, доносившийся из кухни. Яс вышел и побежал в комнату бабушки, чтобы поздравить его с днем рождения, но его там не оказалось. Мальчик выбежал во двор и увидел, что бабушка сидит на скамейке, держа на коленях жестяную шкатулку с нарисованными мальчишками, улыбается и что-то рассказывал маме, показывая оловянного солдатика.

Юлия Евстигнеева

От автора:

В Школу литературного мастерства пришла в 2012 году. Меня воспринимают как детского писателя, но произведений, написанных специально для детей, у меня не так уж много. Скорее, мои творения о мире детства. Они адресованы и взрослым, чтобы не забывали свои детские годы. Но вместе с тем стараюсь писать так, чтобы можно было прочитать и ребёнку.

Шашка и Луна

Летом Шашка жил в просторном доме с садом. Это было последнее дошкольное лето. У мальчишки выпал зуб, и во рту образовалась дырка, из-за которой Саша начал смешно шепелявить и с лёгкой руки старшего брата, восьмиклассника Васи, стал называться Шашкой.

Теперь, если кто-то называл его иначе: Сашей, Александром и даже ласково Шуркой – Шашка обижался. Прозвище ему нравилось. Он любил играть в шашки, тёмная дырка, зияющая между белыми зубами, напоминала ему чёрную клетку

шахматно-шашечной доски. Шашке нравилось созерцать её, что он и делал, улыбаясь перед зеркалом и пытаясь показать себе самому через дырку язык, одновременно оттопыривая уши и тараща глаза. «Обезьянка», – говорил кто-нибудь из домашних. Шашка тут же становился серьёзным и деловито отходил от зеркала, бросая: «Я Шашка!»

Когда Вася учился в седьмом классе, он объяснил пятилетнему брату правила игры в шашки. Когда Сашка спросил, почему дамка «рубит», Вася сказал ему, что шашка – это такая сабля. Ещё в какой-то мохнатой войне (Вася всё, что было давно, называл мохматым) казаки сражались с шашками в руках. А дамка – самая главная шашка.

Когда Шашка бегал с воображаемой саблей по саду, с развесистой яблони прямо ему на макушку свалилось яблоко. Оно было крупное, налитое, налитое жарким летним солнцем. Удар получился неслабый. Шашка уже приготовился реветь, но в саду сидел в плетёном кресле его брат-восьмиклассник, и хотя он увлечённо разглядывал журнал, плакать при нём не хотелось. Вместо этого Шашка потёр голову и спросил: «Вась, а Вась! Почему яблоки падают на землю? Ну... или иногда на голову?» – добавил он, увидев, что брат не спешит оторваться от страницы, и вспомнил, что этот журнал с таким же интересом

разглядывал вчера сосед Вадик. Шашка тут же решил, что вечером непременно стащит его у Васи, посмотреть, что там.

Вася, зная, что Шашка от него так просто не отстанет, со вздохом поднял голову. Оказывается, в очень мохнатом году учёный Ньютон изобрёл закон притяжения, потому что этому Ньютону, так же, как и Шашке, на голову свалилось яблоко.

Рассказ понравился. Шашке даже хотелось назвать себя Ньютоном, но потом он решил, что Шашка для мальчика звучит лучше, а Ньютоном он назовёт собаку, когда она у него будет.

Когда Вася уже заканчивал рассказывать, в сад вышла мама. Подошла ближе, послушать, что обсуждают дети, и её взгляд, как и взгляд любой внимательной мамы, остановился на главном – на злополучном журнале. Вася был крепко взят за ухо, от чего тихонько взвизгнул. А мама, схватив журнал, быстрым шагом направилась к бочке, в которой сжигали мусор. Вася семенил за ней и оправдывался, что это не его журнал, а Вадика. Но мама была неумолима, и журнал сожгла.

Шашка был в недоумении, ведь он считал брата самым-самым умным на свете восьмиклассником. И журнал, наверное, был очень-очень умный. Так за что же мама наказала Васю? Но спросить Шашка не решился. По опыту знал, что мама не

любит объяснений. Шашка обо всём спрашивал у брата.

Стаскивать вечером уже было нечего, Вася угрюмо молчал, и Шашке ничего не оставалось, как глядеть в окно. А в окне на небе, как большое наливное яблоко, висела Луна.

– Вась, а почему Луна не падает? – спросил вдруг Шашка. Брат не ответил, а повернулся к стенке, притворяясь спящим.

Тогда Шашка решил сам всё выяснить. Когда Вася и вправду заснул, мальчик взял одеяло, подушку, надел калоши и потихоньку вышел в сад. Там он уселся в плетёное кресло, накрылся одеялом, обнял подушку и начал ждать.

Ждал Шашка долго, наверное, час или два. Даже стихи сочинил:

*Сижу в кресле я,
Обнимаю подушку,
Жду, когда Луна
Упадёт мне на макушку.*

Луна висела над Шашкой, потом она поплыла, подмигивая мальчику.

Был ли то сон или явь, но Шашка вздрогнул, почувствовав, что что-то стукнуло его по голове. Он широко открытыми глазами взглянул на небо. Луна

была там. Но стало холодно, и Шашка вернулся в дом. Вася уже не спал. Он стоял у окна и мечтательно смотрел на Луну. Шашка сказал ему, что задремал в саду. И Вася, улыбнувшись, заметил: «Это Луна упала тебе на макушку, а потом, как мячик, отскочила обратно на небо. Я видел!». И мальчик, как всегда, поверил старшему брату.

Через неделю Шашка пошёл в первый класс.

Юлия Некрасова

От автора:

Я родилась 4 марта 1990 года в селе Солобоево Исетского района Тюменской области. В 2012 году окончила Институт гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Во время учебы была слушательницей Школы литературного мастерства В.П. Крапивина. В настоящее время работаю в одной из школ области, продолжаю заниматься литературной деятельностью. Обожаю свою работу. Искренне верю, что в каждом ребенке есть зерно таланта, и, насколько позволяют мне силы, помогаю своим ученикам искать эти зерна.

В моем творчестве преобладает жанр рассказа. Часто в произведениях сочетаю реальное и фантастическое. Так хочется принести в этот мир немного волшебства, того самого «обыкновенного чуда», которое многие разучились замечать.

Пуговицы

...Зелёная, голубая с белыми крапинками, красная в виде ромба...

У неё были тёмные волосы и густая непослушная чёлка...

...Две жёлтые, одна лиловая и четыре синие...

Она любила рисовать, и в её тетради по математике мама постоянно находила карандашные наброски...

...Лимонная, половинка розовой... Снова зелёная, но уже большая...

Люба была красивая, я – нет. Она была умная и начитанная, я – училась средне и особо не рвалась к знаниям. Она была открытая, а я – замкнутая, молчаливая. Она младше, я – старше. На четыре года.

Когда ей было семь лет, мы поехали летом всей семьёй на дачу. Как сейчас помню тот день. Папа готовил мясо на костре, мама резала овощи, а мы с Любой купались в реке. Папа рано научил нас плавать, и мы свободно ныряли на глубине. Вода на середине реки была холоднее из-за течения, но нас это нисколько не смущало. Мы поспорили, кто дольше всех продержится под водой. Я страшно любила спорить, а Люба хотела доказать мне своё превосходство. Я вынырнула первой. Люба ещё не показывалась. Прошло около минуты. Я забеспокоилась.

– Мама! – крикнула я в страхе.

Папа всё понял и тут же бросился в воду. А потом были самые страшные три минуты в моей жизни. В тот момент, когда сестра распахнула глаза и закашляла, выплёвывая воду, я зарыдала и поняла, что всё позади.

Наверное, с этого страшного дня всё и началось. Теперь внимание родителей практически целиком было обращено к Любе. Сначала я ревновала, потом обижалась. Но это не давало результата.

Когда в гости приезжали родственники, они, в первую очередь обнимали Любу, вручали ей подарки, говорили, какие у неё замечательные пухлые щёчки и курносый нос. Я стояла в стороне, сцепив руки за спиной, и угрюмо молчала.

– А, ещё же есть Люда! А мы и забыли! – мог сказать кто-нибудь.

Однажды папина сестра, тётя Вера, намекая на мою неприступность, сказала:

– Людка, ты прямо как кактус!

Все рассмеялись. Я посмотрела на маму: она смеялась со всеми. С тех пор родные при каждом подходящем случае называли меня этим обидным словом. Сейчас я понимаю, что они говорили это не со зла, но тогда я воспринимала это как оскорбление и плакала в своей комнате, злясь на весь мир.

Только Люба никогда не назвала меня Кактусом.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я стала ещё более закрытой. Часами могла сидеть в своей комнате и ни с кем не разговаривать. Мама пыталась наладить со мной контакт, но я уходила в себя и не отвечала на вопросы. Потом маме это надоело, и она уже мало интересовалась моей жизнью, как, впрочем, и все остальные. Папа пропадал на работе, а в выходные читал книги и катался с Любой на лыжах или велосипеде. Мама возилась на кухне с готовкой еды, шила или стирала. Я же, не испытывая интереса ни к одному из этих занятий, чувствовала себя чужой. Наверное, родители решили, что будет лучше оставить меня в покое. Единственный, кто продолжал штурмовать крепость моей отчуждённости, – это Люба. Каждый, кто входил в мою комнату, делал это осторожно, будто ожидал встретить дикого зверя. Люба же всегда влетала в комнату, прыгала ко мне на кровать и вдруг затихала, с минуту выжидая, какой будет моя реакция. Я молчала. Тогда она начинала раскачиваться на кровати.

– Хочешь, что-то скажу? Хочешь?

– Нет, – скрепя сердце отвечала я.

Люба не унималась. Вот она уже хватала меня за плечо, ложилась рядом и громко дышала – то ли от восторга, то ли нарочно.

– Спроси меня! Спроси! Ну, спроси!

– Что такое? – бубнила я в подушку, не выдержав натиска Любы.

И тут наступало молчание. И я ненавидела свою сестру! Только что она доставала меня, а теперь лежит и молчит!

– У меня получилось! – неожиданно громко и восторженно говорила она.

– Что получилось?

– Кактус прижился!

– Что?

Нет, я прекрасно её слышала. Я не могла поверить, что такой пустяк настолько сильно взволновал Любу. И надо же было делать из этого интригу!

– Я принесла из школы кактус. Он сначала несколько дней стоял в стакане с водой, а потом пустил корни... Теперь только пересадить, и всё!

И снова она начинала качаться на кровати, ещё больше раздражая меня. Люба. Кактус. Я их ненавидела.

Настоящим мучением для меня было идти вместе с ней в школу. Поскольку я была старше, то в мои обязанности входило сопровождать Любу везде и всюду. Семнадцать минут ходьбы, и мы на месте. Но эти семнадцать минут я с трудом выдерживала. Люба болтала без умолку и постоянно задавала мне вопросы, порой глупые и никчёмные. А правда, что на нуль делить нельзя? Сколько раз ты влюблялась? Если бы ты стала президентом, что бы ты сделала? А почему в природе нет белого цвета?

Я не знала, почему в природе нет белого цвета. И я не знала, что мне сделать, чтобы она оставила меня в покое. Мои крики не приносили нужного результата. Люба замолкала лишь на пару минут. А потом всё начиналось сначала.

Иногда ко мне приходила Лена, соседская девочка. Мы сидели у меня в комнате, обсуждали общих знакомых и последние новости. И вдруг в комнату врывается Люба. Она бесцеремонно усаживалась на кровать и подключалась к нашему разговору. Лену это забавляло, а я злилась и молчала.

Её выдумки порой выводили меня из себя, и тогда моя ненависть к ней усиливалась.

Как-то, собираясь в школу, я выбирала, что надеть. Примеряя белую блузку, я обнаружила, что не хватает одной пуговицы. Искать запасную и пришивать её не было времени. К тому же я увидела жёлтое пятно на воротничке. Оставалась ещё одна. Я извлекла из шкафа вторую блузку, голубую. Однако там не хватало целых двух пуговиц снизу. Сбитая с толку, я пыталась припомнить, когда это у меня отрывались разом две пуговицы. На голубой блузке пятен не было, и я посчитала, что, если заправлю её в юбку, то никто ничего не заметит. Это была моя любимая юбка, расклешенная, с белым орнаментом по подолу, с большой золотистой пуговицей спереди. И вдруг! Я с ужасом обнаружила, что и

этой самой пуговицы нет на месте! Это не могло быть совпадением!

В бешенстве я ворвалась в комнату Любы и сразу же наткнулась на маленькую баночку с пуговицами, стоящую на столе. Люба не успела спрятать «клад» и по моему взгляду поняла, что я далеко не в восторге от её выходки. На мои крики прибежала мама. Люба, всхлипывая, пыталась ей что-то объяснить. Я высыпала на стол пуговицы. Пуговица от юбки, словно яркая звёздочка, выделялась из других. Я выбрала все, которые принадлежали мне.

– Лю-лю-люда-а-а, прос-ти-и, – с трудом произнесла Люба, делая глубокие вздохи на всхлипываниях, – я хотела...

– Плевать, что ты хотела! – зло сказала я, сжимая в руках горсть пуговиц.

В этот момент мама сердито посмотрела на меня. Люба снова заревела, и я в скверном настроении покинула её комнату.

Вечером я угрюмо пришивала пуговицы к одежде, проклиная сестру за её выходку. Один раз я так больно уколола себя иглой, что хотела бросить всё и заставить Любу исправлять то, что она натворила. Но нежелание видеть её было сильнее. Люба и сама понимала, что я слишком сердита на неё. Дверь не открывалась, никто не влетал в мою комнату, не прыгал на кровать и не раскачивался на ней.

Через два дня Люба вновь стала разговаривать со мной. Как ни в чём не бывало. Она всегда была отходчивой.

Как-то, зайдя в её комнату за линейкой, я увидела на стене над кроватью панно. На белом листе бумаги, приклеенном к толстому картону, гуашью было нарисовано дерево. Люба всегда хорошо рисовала, и картина, несмотря на чуть неровные края и блестящий на них клей, выглядела достойно. Вместо листьев были наклеены цветные пуговицы. Я усмехнулась и подошла поближе. Не мои, так другие! Похоже, все родные подарили Любе по горсточке пуговиц!

Я взяла линейку со стола и удалилась в свою комнату.

Когда мама позвонила и сказала, что Люба умирает, я почувствовала то же, что чувствует человек, когда слышит по радио или телевидению о смерти постороннего человека. Особый вид равнодушия, когда совесть рисует тебе идеал скорби и боли, а душа совершенно не настроена и не хочет страдать. Именно это чувствовала я всю дорогу, пока ехала в родной город на поезде. Я даже позволяла себе думать о вещах увеселительных, например, о поездке на море.

– Люда, – на её бледном лице появилась улыбка.

В тот момент, когда я увидела Любу, я наконец-то осознала: она умирает. На голове её не было ни волоса, и потому она носила платок. Её кожа приобрела серый оттенок, ключицы сильно выступали и стали заметны на худых плечах. Только теперь, увидев Любу, я поняла, насколько коварной может быть смерть. Любе было двадцать четыре, два года назад она окончила вуз и нашла работу дизайнера. В её жизни появился нежный и любящий Вадим.

– Ну, чего ты? Привет! Дай хоть обнять тебя!

Не помню, когда в последний раз обнимала свою сестру. И обнимала ли? Я уловила горький запах лекарств. Руки Любы были холодными.

Я села на стул, стоящий возле кровати. В таких случаях больного настраивают на выздоровление, говорят ему что-нибудь приятное, но у меня язык не поворачивался сказать Любе, что у неё всё будет хорошо. Не будет. И мы обе это знали. Лейкемия стала её смертным приговором. Два года таблеток и химиотерапии ничего не дали.

– Когда приехала? – тон её голоса был беззаботным.

– Только что, – сказала я, задержав взгляд на её правой руке, на синем пятне от многочисленных капельниц. Пятно было круглое, как большая пуговица.

Люба снова улыбнулась. Ей, конечно же, было приятно, что я сразу же поехала к ней. На её лице не было и тени грусти. Она действительно была рада видеть меня.

Понемногу мы разговорились. Родители, общие знакомые, мой ранний брак в девятнадцать лет и развод в двадцать два, работа, Любины проекты, рецепты тортов и засола огурцов... Её искренность каким-то чудесным образом повлияла на меня, и я впервые за много лет испытала радость от общения с родной сестрой. Родной.

– Сядь ко мне на кровать, – попросила Люба.

Я выполнила её просьбу. С минуту она загадочно смотрела на меня и вдруг... начала качаться на кровати. Я рассмеялась. Неожиданно для себя я рассмеялась. Пятнадцать лет назад я бы отвернулась от Любы, но теперь мне хотелось смотреть на неё.

– Помнишь, как я вбежала в комнату и рассказала про кактус? – спросила Люба, продолжая качаться.

– Конечно, помню.

– Он недавно засох. Я взяла новый на работе и опустила в воду. Корни только чуть-чуть показались.

Она перестала качаться и, дотянувшись до тумбочки, извлекла из неё какую-то картонку. Это было то самое панно с пуговицами, некогда висевшее над Любиной кроватью.

– А это помнишь?

– Пуговицы? – криво улыбнулась я. – Я тогда здорово разозлилась на тебя!

– Я знаю. Как думаешь, зачем они мне понадобились?

– Картину сделать!

– Не только. Вот эта красная в виде ромбика откуда?

– Мамино платье, кажется. Она его надела, когда ты в первый класс пошла, а я – в пятый. У нас даже фотография есть.



– Вот. А это откуда? – Люба указала на синюю пуговицу.

– Ха, папина рубашка! Когда был Новый год, ты умудрилась пролить на неё черничное варенье, и мама уже не могла отстирать. Она так и висела в шкафу. Может, и сейчас висит...

Тут я посмотрела на Любу. По моему взгляду она поняла, что я догадалась. Пуговицы для неё, десятилетней девочки, были символичны. Маленькие фрагменты воспоминаний, яркие пятна памяти. Отчего я не спросила её тогда?

Мы сидели рядом и, глядя на пуговицы, вспоминали... Большая зелёная от старого бабушкиного пальто, в котором она любила ходить в гости и всегда приносила с собой конфеты. Лиловая от очень красивой шёлковой блузки, которую я один раз выпросила у мамы. Так мне хотелось выглядеть привлекательной для Дениса. Но в тот вечер он подарил моей сестре астру, которую сорвал на клумбе рядом со своим домом. Помню, как я рыдала в подушку! А Люба не взяла астру, зная о моих чувствах... Белые пуговицы от старой кофты. Мама купила её в подарок сестре, а мне вручила зелёный свитер, колючий, с высоким горлом. О, как я злилась на маму! А потом вырезала на Любиной кофте небольшую дырку и сказала, что это моль проела. Дырку зашили, а меня целую неделю не отпускали гулять с Наташкой...

Воспоминаний было много, и я не переставала удивляться тому, как в одной маленькой пуговице уместается столько событий. Люба смеялась вместе со мной. И нам было хорошо вдвоём.

– А вот здесь должна была быть та самая, блестящая, – сказала Люба, ткнув пальцем в пустующее место.

– От моей юбки?

– Да. Я даже место оставила для неё. Она мне так сильно нравилась, но я точно знала, что ты ни за что не отдашь мне её. Поэтому и решила тайно срезать. А заодно и еще три штуки с твоих блузок.

– Зачем она тебе была нужна? У папы на старой рубашке, которую он не носил, тоже была пуговица. Блестящая. Могла бы её взять.

Впервые после нашей встречи её глаза наполнились грустью. И моё сердце уколола игла намного безжалостнее той, что я пришивала пуговицы в тот вечер.

– Мне нужна была твоя, – тихо произнесла Люба.

И я всё поняла. Поняла, насколько жестоко вела себя с ней. Она так хотела быть для меня лучшей подружкой, делиться со мной секретами, разговаривать по ночам, вместе выращивать кактус... Сколько же было попыток привлечь моё внимание, сколько раз она сталкивалась с упрямым равнодушием! И теперь,

спустя столько лет, она не держит на меня зла и, как прежде, жаждет моего внимания.

Прозрение пришло так поздно, хлынуло душливой волной слёз. Я ненавидела себя. Ничего нельзя было вернуть.

Люба обняла меня, прижалась ко мне своим хрупким телом. Я громко всхлипывала у неё на груди, а она, легонько поглаживая меня по плечу, шептала:

– Я не сержусь... Всё хорошо... Я не сержусь...

Я знала, что она простила мне всё: испорченную кофту, блестящую пуговицу, моё упрямство и равнодушие, крики и оскорбления... Она была отходчивая. Всегда.

Через три недели её не стало...

...Кактус стоит у меня на рабочем столе в аккуратном коричневом горшке. Перед глазами на стене висит Любино панно с пуговицами. Зелёная, голубая с белыми крапинками, красная в виде ромба, лиловая, четыре синие... Недавно я нашла в шкафу старую юбку с белым орнаментом. Ту самую. Но у неё больше нет блестящей пуговицы. Вместо нее – другая, чёрная с рисунком. А блестящая заняла своё место в панно воспоминаний... Большая зелёная, лимонная, половинка розовой...

Четвертое желание

Я нашел её совершенно случайно. Бока потрепались, клейкая лента местами пузырилась. Но я сразу же узнал её. Это была она, Коробка Желаний. Прошло уже больше пятнадцати лет с тех пор, как я сделал её. Всё это время она пролежала на шкафу, и о ней никто не вспоминал. Разве что во время уборки. Но кто обратит внимание на старую коробку, обклеенную цветной бумагой? Ведь это была только наша маленькая тайна, моя и Юрика.

Я уже забыл, зачем вообще полез на шкаф – воспоминания увлекли меня. Я помню, как щелкнул дверной замок – отец вернулся с работы. Он заглянул в комнату и, не говоря ни слова, уставился на кучку резаной цветной бумаги. Папа внимательно следил за тем, как я орудую ножницами и клеем.

– Что это будет? – наконец спросил он.

– Это для Юрика, – с воодушевлением ответил я. – Завтра он вернётся, и я подарю ему эту коробку для конструктора. Вот тогда он перестанет терять его части.

– Сам придумал? – он подошёл поближе, чтобы разглядеть поделку.

– Сам.

– Ну-ну...

Отец сел в кресло. Я аккуратно наклеил цветные полоски бумаги на картонные стенки коробки из-под электрического чайника. Получилось красиво.

Юрик – это мой младший брат. Он пока гостит в деревне у бабушки с дедушкой, но я каждый день звоню и интересуюсь его успехами. Вчера он с жаром рассказывал мне, как дед водил его на рыбалку:

– Я за свою жизнь ни разу не ловил таких больших окуней!

Я едва сдержал смех: как же маленькие дети любят копировать речь взрослых! А Юрику всего пять. У нас с ним довольно большая разница в возрасте – целых девять лет.

– Котлеты на сковороде. Я их разогрел. Макароны в зелёной кастрюле, – отрапортовал я, не отрываясь от своего занятия.

– Спасибо, – отец слабо улыбнулся.

Он устало побрёл на кухню.

Я делал домашние задания. Моих сил едва хватило на физику и математику. Учебник по биологии лежал в стороне и тщетно пытался привлечь к себе внимание. Я разлюбил этот предмет с тех пор, как нашу первоклассную биологичку Нину Павловну, которая вышла на пенсию, заменила другая, тридцатипятилетняя Ольга Михайловна. Нет, педагог она была неплохой, но меня раздражал её тихий и ровный голос. На её уроках всегда хотелось

спать. Тройки по биологии меня не огорчали. Я прекрасно понимал, что могу заниматься лучше, при желании. Но мне не хотелось.

Я сложил учебники в сумку и огляделся: ничего не забыл? Мой взгляд упал на рамочку с фотографией. Она всегда стоит на моём письменном столе. Здесь мы все в сборе: папа, мама, Юрик и я. Эту фотографию сделали за несколько месяцев до маминой смерти. Брату чуть больше двух лет. Когда её больное сердце не выдержало, и она умерла, Юрик ничего не понял. Ему говорили, что она уехала. Навсегда.

Я стал для Юрика не просто братом, я стал для него самым близким человеком, кому он мог довериться. Иной раз Юрик не слушался папу. А я был для брата самым большим авторитетом.

От бабушки Юрик вернулся грустным. Выяснилось, что в деревне он, играя с другими детьми, потерял свой любимый конструктор. Так что мой сюрприз с коробкой оказался совсем неуместным.

– Что это? – спросил Юрик, заприметив её на письменном столе.

– Это? Это... Коробка Желаний, – я сказал первое, что пришло мне в голову.

– Желаний? – глаза брата просияли любопытством, и он тут же взял коробку в руки. – Как это?

– Ну, так, – замялся я.

Я не знал, как выкрутиться. И вдруг мне в голову пришла идея.

– Эта Коробка для тебя. Ты можешь загадать желание, написать его на бумаге... Тебя ведь научили в садике?

– Да.

– Вот и хорошо. Напишешь, а потом положи бумажку внутрь...

– А исполнится?

– Конечно, исполнится! – заверил я.

Глаза Юрика блестели так, будто он держал в руках сокровище.

– А кто их исполняет?

– Желания? Ну... Вот ты веришь в Деда Мороза?

– Верю.

– Вот. Но это лучше, чем Дед Мороз. Деда Мороза нужно ждать целый год. А ты можешь загадать что-нибудь прямо сейчас.

– А много?

– Что много?

– Много можно желаний загадать?

– Э... Четыре!

– А в сказках всегда три.

– Так это в сказках!

Юрик поставил Коробку на стол и попросил у меня карандаш и лист бумаги. Минут пять он думал, что бы ему написать. Примерно столько же по

времени писал на листе, старательно выводя каждую букву. Когда я попытался заглянуть ему через плечо, Юрик быстро свернул бумажку и бросил в Коробку.

– И что дальше? – спросил он.

– Ничего, просто поставь под кровать и жди.

– А долго ждать?

– Не знаю. Надо очень сильно верить, и тогда всё сбудется.

Ночью я тихонько встал и подошел к кровати Юрика, который спал, обняв край одеяла. Он так похож на маму, думал я. Она тоже была курносая и светловолосая.

Я осторожно вытащил из-под кровати Коробку и выудил из неё бумажку. На кухне при свете прочитал желание Юрика: он хотел, чтобы мы в субботу вместе с папой поехали на природу. Я подумал, что, не имея ни диплома волшебника, ни знакомых магов, я зря заварил всю эту кашу. Но отступить было поздно...

– Ну, пожалуйста, – упрашивал я утром отца, пока тот собирался на работу.

Я ничего не рассказал папе про желание Юрика.

– Не получится, – покачал головой отец, – в субботу я работаю. А что это тебя на природу потянуло?

– Я не для себя. Я для Юрика. Ему полезно на свежем воздухе погулять.

– Ясно. Очень жаль, но... ты же знаешь, мне некогда.
«Мама бы сумела тебя уговорить», –
раздосадованно подумал я.

Тогда мне показалось, что на этом история с Коробкой Желаний закончилась. Но вечером (и это было полной неожиданностью!) отец сообщил нам, что взял на работе отгул, и поэтому мы втроём едем на выходные за город! Видели бы вы глаза Юрика! Его лицо так и просияло!

– Действует... – прошептал он мне.

– Что действует? – притворился я, стараясь не выдать себя довольной улыбкой.

– Коробка Желаний!

Мне было интересно, почему отец вдруг изменил своё решение. Я спросил его об этом, когда Юрик уснул, по привычке обняв край одеяла.

– Мы так мало бываем вместе, – ответил папа, – и я подумал, что отдых на природе – лучший вариант.

Юрик не мог нарадоваться поездке. Он помогал мне и отцу собирать в дорогу вещи: палатку, спальные одеяла, холодильник с провизией...

Если бы мама была жива, она бы с радостью присоединилась к нам. Она любила вылазки на природу, с грустью подумал я.

Едва мы только вернулись домой, Юрик сломя голову побежал в комнату. Я нашёл его за написанием нового желания...

Шёл уже второй час ночи, а я никак не мог заснуть. Я ломал голову над тем, как же мне исполнить то, что загадал Юрик. Нет, ну кто бы мог подумать! Нормальные пятилетние дети мечтают об игрушках и сладостях. Но Юрик!

«Пусть у папы будет новая жена».

Всю ночь я не мог сомкнуть глаз и не хотел и мысли допустить, что подведу брата. А всё шло именно к этому!

На другой день я слонялся по школе, как сонная муха. Последнего урока биологии я не выдержал и уснул прямо за партой. Разбудила меня Ольга Михайловна.

Сонно шурясь, я осмотрелся: класс был уже пуст.

– Меликов, ты что себе позволяешь?

Я не любил, когда она сердилась. Во-первых, у неё это плохо получалось. Во-вторых, ей это вообще не шло. Ольга Михайловна была слишком спокойной, и голос у нее звучал тихо. А когда она пыталась сердиться, то он становился визгливым.

– Ты что, весь урок проспал?

Я кивнул.

– Так... Может, ты плохо себя чувствуешь? Может, у тебя дома проблемы?

– Дома?

И тут мне в голову пришла неожиданная, я бы даже сказал, безумная идея (в последнее время они зачастую!). Я молча смотрел на Ольгу Михайловну.

– Дима, в чём дело?

– У меня... проблемы. Я терпеть не могу ваш предмет.

Учительница опешила от такой наглости.

– Мне кажется, всё, что вы нам рассказываете, полная чушь. Лучше бы вместо биологии у нас лишний раз была физкультура!

– Меликов! – взвизгнула она и покраснела. – Я вызову в школу твоего отца! Я немедленно позвоню ему...

– Ничего не выйдет! Отцу некогда ходить в школу и проверять мою успеваемость и поведение!

– Ну, тогда я прямо сегодня же зайду к вам!

Я коварно улыбнулся, почувствовав, что добился своего.

Папа был удивлён, когда вечером обнаружил в холодильнике торт.

– Это по какому случаю?

– Это?.. Да так, просто. Мало ли, гости придут... – нашёлся я.

– Я торта хочу, – заныл Юрий.

– Подожди немного, – прошептал я брату, – скоро уже будем чай пить.

Ждать пришлось недолго. В седьмом часу на пороге нашей квартиры появилась Ольга Михайловна. Она попала под дождь и изрядно вымокла. Папа как

истинный джентльмен предложил ей горячий чай и полез в холодильник за тортом.

Они вдвоём сидели на кухне, и я, притаившись за дверью, мог слышать их разговор.

– Понимаете, Леонид Андреевич, – говорила биологичка взволнованным голосом, – Дима в последнее время себя странно ведёт...

– Странно?

– Он... грубит. Он спит на уроке. Когда я спросила вашего сына, что происходит, он ответил мне, что терпеть не может мой предмет.

Ну, вот опять! Ее голос начал дрожать и повизгивать!

– Я ведь хочу, как лучше...

Тут мне показалось, что она даже всхлипнула, и мне стало её немножко жалко.

– Дима, а кто это? – из комнаты высунулся Юрик.

– Тсс, это новая жена для папы.

На его лице я сначала прочитал удивление, которое затем сменилось радостью. Он хотел, было, присоединиться ко мне, чтобы тоже подслушивать, но я замахал руками и знаками велел сидеть ему у себя в комнате.

После продолжительной беседы на кухне папа и Ольга Михайловна вышли в коридор, и я юркнул в комнату к брату. По лицу Юрика я понял, что его волнуют два вопроса: взаправду ли у папы

появилась новая жена и осталось ли на кухне немного торта.

– Спасибо вам, Леонид Андреевич, – сказала на прощание биологичка.

– Можно просто Лёня. До свидания... Оля.

– До свидания, Лёня.

Она ушла, а папа ещё минуты две молча стоял в коридоре, о чём-то размышляя. Потом он заглянул к нам в комнату, но не успел и рта раскрыть, как Юрик выпалил:

– Папа, а когда твоя новая жена снова придёт?

Если бы я не знал ничего о том, как ловко всё было мною подстроено, я бы решил, что это действительно чудо, и что Коробка Желаний справляется с заказами Юрика не хуже джинна.

В воскресенье папа куда-то собирался. Он тщательно выгладил брюки и рубашку, долго стоял перед зеркалом, решая, какой галстук ему выбрать, и в итоге отказался от него совсем. Папа чистил в коридоре туфли, когда Юрик, с любопытством наблюдая за ним, спросил:

– А куда ты идёшь?

– Мы с Олей... То есть с Ольгой Михайловной идём в театр, – сообщил отец. – Дима, не забудь про ужин для себя и брата.

– Команду понял, – и я заговорщически подмигнул Юрику.

Вечером к нам заглянул мой друг Лёха, и мы пару часов играли с ним в компьютерные игры, до возвращения папы.

Отец пришёл в девятом часу. Я не мог его узнать! То же лицо, та же фигура, одежда... Но глаза... Они так блестели! Папа не переставал загадочно улыбаться. По нему было заметно, что вечер удался.

– Это лучше, чем Дед Мороз, – прошептал Юрик.

В комнате было темно и тихо. Я слышал тиканье настенных часов. Спать не хотелось. Мои глаза были устремлены в потолок, где расстелился мягкий свет ночных фонарей.

Я думал о том, что рано или поздно это случится: у папы появится вторая жена. От этой мысли стало и грустно и радостно одновременно. Я очень любил маму и до сих пор тосковал по ней. Но ведь и отец заслуживает счастья! Мамина смерть глубоко ранила его сердце. И, признаться, мне становилось страшно, когда я видел убитый взгляд отца. Ему было труднее всех, но он держался...

В воскресенье папа возился на кухне с пиццей, и в коридоре так вкусно пахло, что у нас с Юриком прямо животы урчали в предвкушении обеда. Притом у отца был такой довольный вид, и я стал подозревать, что всё это он затеял неспроста. И точно: около часа в двери нашей квартиры позвонили. Это была Ольга

Михайловна. Я остолбенел, увидев её. Нет, для меня её появление не было неожиданностью. Просто я никогда раньше не видел Ольгу Михайловну такой красивой: она распустила волосы, подкрасила глаза, обмотала шею сиреневым шарфиком – словом, не только папа, но даже я был в восторге!

Всю грязную посуду взвалили на меня. Пока Юрик показывал Ольге Михайловне свои игрушки, папа заглянул на кухню, где я мыл тарелки.

– Мне надо кое-что сказать тебе, Дима.

– Я уже осознал, что был не прав, когда нагрубил ей...

– Это хорошо, – улыбнулся папа, – но я о другом. Ты же уже взрослый и должен понимать, что...

Тут отец почему-то замолчал, но я прекрасно знал, что он хочет мне сказать. Поэтому я подошел к нему и произнес:

– Не волнуйся. Я знаю, что ты всегда очень любил маму. Но мы не будем против, если у нас появится новая...

Третье желание Юрик не спешил загадывать. Он тщательно обдумывал его. Целую неделю в коробке не появлялась записка. Наконец, я узнал, что пожелал Юрик – он хотел щенка. Ну, это совсем просто в сравнении со вторым желанием, подумал я и уже почти почувствовал себя чародеем.

Когда в коробке, которую после работы принёс папа, кто-то тихонько заснул, глаза брата просияли. Щенок золотистого цвета поглядывал на Юрика из своего картонного укрытия и щурил глаза от яркого света.

– Чудо, – сказала Ольга Михайловна, которая пришла нас навестить.

Чудо немедленно получило кличку – Йошка. Юрик теперь почти всё свободное время тратил на щенка, играя с ним и пробуя дрессировать.

На выходные мы впятером (включая Йошку) поехали в деревню к бабушке и дедушке.

– Я не знаю, что мне ещё желать, – поделился со мной Юрик. – У меня есть ещё четвертое желание.

– Есть. Не торопись, подумай хорошо, – сказал я, надеясь на то, что это будет не поездка в Диснейленд, иначе мне в срочном порядке придётся проходить курсы волшебников.

Но четвертое желание Юрик загадать не успел...

Пока брата везли на «скорой» в больницу, я сидел рядом с ним и держал его за руку. Из головы не выходила страшная картина: машина серебристого цвета мчится прямо на Юрика, перебегающего дорогу. Я не успел крикнуть ему...

Я сжал окровавленную руку брата, будто это могло его спасти. Рядом суетились врачи, но я не обращал внимания на их действия.

Юрика положили в реанимацию. Я сидел на жёстком диване рядом с палатой и смотрел на стоящих поодаль отца и Ольгу Михайловну. Они оба побледнели, когда врач что-то сказал им. Ольга Михайловна даже прикрыла рукой рот, и на её лице отразился страх.

К Юрику нас не пустили. В полной тишине мы ехали в машине домой. Я боялся спросить отца о состоянии брата, но уже чувствовал, что в скором времени потеряю второго близкого мне человека.

Дома я упал на кровать и почувствовал, как первая слеза скатилась по переносице. Мне было больно и страшно. Хотелось, чтобы всё, что случилось, обернулось сном. Ночью я встал, достал из-под кровати Юрика коробку и поставил на стол. Я лежал, смотрел на неё и незаметно для себя уснул.

Утром меня разбудил отец. Видимо, он провёл бессонную ночь, отчего его глаза покраснели.

– Вставай, Дима. Пора ехать к брату. – Его взгляд упал на коробку: – Та самая? Коробка Желаний?

– Да. Откуда ты про неё знаешь?

– Случайно подслушал ваш разговор... Ладно, поехали.

Раньше я только в кино видел раненых или больных, подключённых к аппарату искусственного

дыхания. А теперь на их месте оказался мой брат. Маленький, весь перебинтованный, с бледно-жёлтым лицом... Я держал его руку и пытался отогнать от себя плохие мысли.

– Что бы ни случилось, нужно держаться, – сказал мне папа.

Шёл уже второй день нахождения Юрика в реанимации. Я не ходил в школу. Ольга Михайловна договорилась с учителями, и мне разрешили не посещать занятия столько, сколько потребуется. Однажды в моей жизни уже было такое.

Утром третьего дня папа вбежал в мою комнату.

– Юрик!

У меня сердце упало.

– Что – Юрик?

– В себя пришёл! Только что позвонили и сказали!

Я не мог в это поверить и почувствовал, как сердце громко забило от радости. Мы примчались в больницу так быстро, как только смогли. Следом за нами, бросив уроки в школе, приехала Ольга Михайловна.

Юрик слабо улыбался, поглядывая на нас, и всё спрашивал про Йошку, который остался в деревне у бабушки с дедушкой. Я сообщил брату, что со щенком всё в порядке.

Врачи заверили нас, что теперь жизнь Юрика вне опасности. Требовалось длительное время для

реабилитации. Но это было неважно. Самое главное – Юрик был жив.

– Спасибо, Дима, – сказал папа.

– За что?

– Коробка Желаний... Она действительно работает.

Дома я открыл её. На дне лежал свёрнутый листок. Там было написано: «Пусть сын поправится» – и я узнал почерк папы...

– Коробка Желаний?

Я обернулся: позади меня стоял Юрик. Вернее, уже взрослый Юра, студент третьего курса исторического факультета.

– Где ты её нашёл?

– В шкафу, – ответил я. – Ты ещё помнишь её?

– Ещё бы!

Я передал ему Коробку Желаний. Юрик повертел её, улыбнулся.

– Знаешь, я ведь тогда и вправду тебе поверил... В то, что она исполняет желания.

Мы смахнули с коробки пыль и поставили её на полку, на видное место. Чтобы напоминала о чуде.

Лешка

Иногда он плачет по ночам. Но плачет тихо, чтобы его никто не услышал.

С Надей они всегда были вместе. С самого детства. Как хорошо было с ней играть! Они любили сидеть в песочнице. Надя делала куличики, а он даже не умел пользоваться формочками.

Он не знал ни одной буквы алфавита, и Надя учила его.

– Лёшка, скажи «а».

Он молчит.

– Ну, скажи! – потребует она и вдруг как рассмеется. Так задорно, так весело!

Он любил, когда она смеялась. При этом ее серые глаза блестели. Потом она смолкала и только улыбалась. Лёшка запомнил эту улыбку. И слезы тоже.

Надя впервые заплакала при нем, когда ее мама умерла. Он помнит, как Надя стояла у окна. Тогда она крепко обняла Лёшку, и они весь день не расставались. Ночью она снова плакала, и он успокаивал ее, как мог. К утру Надины глаза покраснели, опухли.

Лёшка помнит бабушку Лиду, у которой они жили вместе с Надей. Бабушка Лида была доброй и любила их. Иногда Лёшка слышал, как она плачет ночью, тоскуя по Надиной маме.

Когда Надя пошла в первый класс, они с Лёшкой уже не могли играть целыми днями. Он терпеливо ждал ее из школы. Она приходила, садилась перед ним и рассказывала про Колю Рыжова, который сначала дразнил ее, а теперь конфетами угощает. Лёшка слушал и немножко ревновал.

Он помнит, как они вместе с Надей и бабушкой Лидой пили чай с вареньем и печеньем. Печенье Надя не очень любила, а вот яблочного варенья могла съесть целую вазочку.

А еще Лёшке нравилось гулять с Надей. И все равно, какая погода на улице. Надя могла говорить с ним о чем угодно, а он всегда понимающе выслушивал, улыбался.

Однажды после такой прогулки она заболела и два дня температурила. Надя морщила нос, глотая горькие таблетки, и говорила Лёшке:

– Везет тебе, ты не болеешь! Ладно, не буду тебя обнимать, а то вдруг заразишься.

И все равно обнимала.

А через год Надя снова заплакала – бабушка Лида умерла.

Надя и Лёшка попали в детский дом. Но там они стали только дружнее. Надя никому не позволяла обижать Лёшку. Бывало, подойдет, поцелует его в макушку и прошепчет:

– Я тебя никому не отдам.

И Лёшка верил ее словам.

А потом Надя стала взрослеть. Она уже меньше времени проводила с Лёшкой. Иногда она оставляла его одного и уходила гулять с Антоном, рослым белобрысым мальчишкой.

– Кто это? – заинтересовался Антон, однажды увидев Лёшку.

– Это мой друг детства, – ответила Надя.

– Понятно! Ну, привет, друг!

Лёшка молчал, с ревностью глядя на усмехающегося Антона.

Время летело, и Надя выросла. Лёшка по-прежнему был рядом. Но он никогда не думал о том, что придет тот день, когда Надя оставит его. И этот день наступил. В то утро Лёшка последний раз видел Надю. Он хорошо запомнил ее печальные глаза. Надя не попрощалась с Лёшкой и ушла, ничего не объяснив. Так они потеряли друг друга.

И теперь он каждую ночь тихонько плачет. Он до сих пор надеется, что Надя придет за ним, и тогда они снова будут вместе...

...На кухне радостно зазвонил телефон.

– Надя, здравствуй! Это Тамара Федоровна! Помнишь меня?

– Здравствуйте! Конечно, помню! – рассмеялась Надя. За девять лет голос заведующей детского дома нисколько не изменился.

– Надя, ты не могла бы приехать к нам сейчас? Тут кое-кто сидит передо мной. Я думаю, ты будешь рада встретиться с ним.

Когда Надя увидела Лёшку, то не смогла сдерживать чувств. Она горячо обняла друга детства, и Лёшка видел, как блеснули в ее глазах слезы счастья.

– Мама, мама пришла! – четырехлетняя Маринка запрыгала в коридоре, едва Надя переступила порог. – Папа звонил! Он сказал, что приедет раньше! А бабушка спит, я её «Колобком» усыпила!

– Маринка, иди-ка сюда! Я хочу тебя кое с кем познакомиться. Это Лёшка, – с этими словами Надя протянула дочке большого плюшевого медведя с грязно-коричневой шерстью, с черными глазами.

Маринка взяла медведя, подержала, покачала, как ребенка, и вопросительно посмотрела на мать.

– Мама, откуда он?

– Я с ним когда-то играла. Он мой лучший друг детства, – Надя поцеловала Маринку в щечку. – Пойдем чай пить?

Маринка с интересом рассматривала медведя, а потом спросила:

– Лёшка, а ты конфеты ешь? Мам, а можно Лёшке чаю?

Он сидел на коленях у Маринки. Ее серые, как у матери, глаза поблескивали. Маринка уткнулась

носом в лохматую макушку Лёшки и следила за тем, как Надя разливает по чашкам горячий чай.

Лёшке нравилось то, как крепко обнимает его Маринка. Когда-то Надя обнимала его точно так же.

– Мам, а почему Лёшка теплый? Он живой?

– Живой.

– Как мы?

– Не совсем. Знаешь, когда я была маленькой, мама рассказывала мне, что у самой любимой игрушки есть душа. А если есть душа – значит, живой...

Лёшка слушал и был очень доволен словами Нади. Он не понимал, что это значит – иметь душу, но думал, что душой называют нечто мягкое, плюшево-коричневое, похожее то, чем он набит изнутри.

Екатерина Хозяинова

От автора:

Я росла типичной «книжной девочкой». С раннего детства, помнится, обожала всё, что шуршит страничками и завлекает картинками. Причём готова была читать буквально любые издания – от сказок Андерсена до «Анатомии домашних животных».

Обычно, «проглотив» один томик, сразу бралась за новый. Но попадались особые истории. Они переполняли меня эмоциями, которым требовалось дать выход. И тогда я начинала исписывать тетрадки, как сейчас говорят, «фанфиками». Первым, кстати, был ныне не сохранившийся рассказ по крапивинской «Голубятне на жёлтой поляне»...

Прошло много лет, но «книжная девчонка» по-прежнему здесь. Просто Андерсен уступил место фантастике, а «Анатомия домашних животных» – рекомендациям по уходу за кошками. И рассказы теперь пробую сочинять на основе собственных идей. Иногда даже вроде бы получается.

Лектричество

В начале июня в наше село приехал странный человек. Он сидел в блестящей белой повозке с большими колёсами, которая рычала, как злая собака, мерзко воняла и оставляла позади клубы дыма. Сказал, что его зовут Темень Энерго, и мы задолжали ему кучу денег. Но не сумел толково разъяснить – когда и за что.

Он пытался разговаривать с нами на своём языке, который чем-то походил на наш русский, но уж больно много в нём было незнакомых словечек. Например, ну что такое – «негроснабжающая организация»? По-моему, организация – это когда мы все идём что-то делать вместе, например, убивать медведя или строить новый дом. Тогда, как говорит наш староста, нужно подумать об организации этого дела. В смысле, кто будет брёвна таскать, кто печку складывать, или с чьими собаками берём берлогу. А что организуют эти негры, понять не удалось, пусть я и слушал во все уши.

Незнакомец объявил нам о долгах за какую-то лектронергию и нудно болтал о том, как хорошо работает его компания, как надёжно они снабжают нас этим чем-то и как мы много лет не выполняем свои обязанности. Мы не сразу поняли, о чём он. Но вдруг кто-то из взрослых сообразил – так ведь об лектричестве! Однако при чём тут странный мужик? Ведь лектричество ненавидит людей и живёт в розетках, как пчёлы в дуплах. Иногда оно пропадает

и не возвращается, как любой обитатель дупла. А если сунуть к нему палец – укусит! Так что вряд ли какой-нибудь человек может передавать лектронергию. Это вам не дрова, которые можно взять в руки и отнести к соседу.

Да и толку нам от лектричества, в принципе, немного. Кое у кого из нас уцелели две или три лектрических лампы, они зажигаются, если найдёшь живую розетку. Но домов с ними в нашей деревне осталось очень мало. А когда мы строим что-то новое, то и вовсе не делаем там розеток, ведь они у нас почему-то всегда пустые. В общем, даже если бы у нас были эти странные «деньги», мы бы, наверное, оставили их себе.

Приезжий попытался соблазнить наше село рассказами о том, что, если мы дадим ему денег, то во всех розетках будет лектричество. Каждый день. У каждого. Что ж, мы попросили показать, как он его возвращает. Странный человек смутился. По его словам, «для восстановления сети требуется бригада ремонтников». То есть деньги заберёт, а что дальше – неведомо. По-моему, лучше ложиться спать рано, чем надеяться на последние лампочки и кормить деньгами незнакомцев. А если там, где он живёт, полно таких же хитрых? И они заявят, что снабжают нас воздухом, дождём или снегом? И начнут не денег требовать, а яиц, молока и мяса? Да с оружием? Как нам тогда выживать? В общем, мы рассердились и хотели забить

приезжего камнями, но староста не дал. Он сказал, что друзья странного типа приедут мстить.

Староста спросил, как пришелец поступит, если мы откажемся от электричества. Тот ответил очередной кучей непонятных словечек. Линия какой-то передачи будет целиком демонтирована, мы не получим электроэнергию, но и денег никто требовать не станет. Долг будет списан как безнадежный. Да только вот он плохо понимает, как можно жить без электричества. И тогда наш староста неожиданно заговорил теми же нелепыми словами. Он закричал, что современные дети уже не могут прожить не только без электричества, но и без какого-то там тернета, что им нужны телефоны и те непонятные вещи, названия которых я не смог запомнить. А мы живём на свободе и едим то, что даёт матушка тайга, и молимся древним богам в чистоте и покое...

...Никто из селян не знал, что их староста в тот вечер, общаясь с незванным гостем на грамотнейшем современном русском языке, подписал договор с энергокомпанией. Но не для всех, а только для себя. Ведь у него в подвале имелись и плита, и холодильник, и стиральная машина. А странное сооружение над домом, громовый жезл Перуна, скрывало в себе телевизионную антенну.

Всеволод Дребнев

От автора:

Меня зовут Сева. Или Всеволод. И хотя все это я, это почти разные личности. Сева – так можно назвать мальчика мечтательного и наивного. Всеволод – молодой человек, до смешного серьезный. На этой грани и рождается мое творчество.

Я решил стать писателем еще лет в 12. Но пока пишу рассказ за рассказом, понимаю, что еще недостаточно прожил, чтобы рассказать что-то действительно важное. Ведь книги – это жизнь, сложенная в переплет. Но я надеюсь, что на полках магазинов и библиотек еще появятся тома с моим именем на обложке.

Хозяин дорог

Михаил считал себя человеком науки. У него за плечами было инженерное образование. И хоть образование осталось неоконченным, материалистическое мировоззрение оно привило. А поэтому Михаил не верил ни в бога, ни в черта и всему старался найти рациональное объяснение. Да, он прекрасно понимал, что существуют явления, которые наука пока объяснить не может,

но списывал это на то, что наука не стоит на месте, и когда-нибудь всему найдется объяснение. Он не вступал в споры с теми, кто верил в летающие тарелки, гороскопы, и тем более сторонился людей религиозных. Себе дороже. Хотя бы потому, что на логические доводы им наплевать. И в результате такого спора Миша неизменно подвергался вечной анафеме. Мир, окружавший Михаила, был простым и рациональным, и это было прекрасно. До одного странного случая.

Летом Михаил собрался вместе с друзьями на отдых в Казахстан. Так уж вышло, что два его друга выехали раньше, и ему пришлось добираться в одиночку. Раскаленное июльское солнце выжгло степь. Друзья, бывалые туристы, встали лагерем на берегу реки Тургай, а Михаилу нужно было сойти с пригородного автобуса и дойти пешком. Как объяснил ему водитель, идти следовало не больше часа. Рейсовый автобус высадил его где-то посередине грунтовой дороги. Вместе с ним размяться вышли несколько человек, в том числе и его сосед по креслу, пожилой коренастый казах.

Пока Миша подтягивал лямки объемистого рюкзака, сосед подошел к нему.

– Парень! А ты чего, здесь выходишь?

– Да, к друзьям на речку пойду.

- О-о... отсюда топать и топать до речки.
- Знаю. Но по-другому никак не получилось, друзья на машине поехали.
- А как добраться-то знаешь?
- Сказали, что через холмы перейти, а там видно будет и речку, и стоянку.

Казах цокнул языком, задумчиво посмотрел на парня, словно решаясь что-то ему сказать, но потом отогнал от себя эту мысль. Внезапно он прищурился:

– Слушай, если заблудишься – закопай монетку на перекрёстке и скажи: «Черт, черт, поводи и отпусти».

– Эм... ладно, спасибо... – Михаил пожал протянутую руку, и мужчина забрался обратно в душный автобус.

Перед Михаилом лежала цепь невысоких холмов, которые, видимо, надо было перейти. В голове у него появилась мысль, что холмы эти похожи на курганы – уж больно они одинаковые. Впрочем, какая разница, на что они там похожи. Утерев пот тыльной стороной ладони, Михаил отправился в степь.

* * *

Над землей поднялась белесая дымка, словно где-то тлел торфяник. Небо было видно хорошо, но вот что было за соседним холмом – уже нет. И холмы эти никак не желали заканчиваться.

«Может, я свернул вбок, огибая холмы? И теперь иду по их цепи? Да вроде солнце как светило в правую скулу, так и светит. Надо достать телефон», – размышлял Михаил. Он чертыхнулся и убрал телефон обратно – сигнала здесь не было.

И продолжал идти через холмы, покрытые сухой травой. Круглые, как головы новобранцев.

А время словно бы остановилось. Ветра не было, и солнце продолжало жарить. Спина под рюкзаком промокла от пота.

Может, времени прошло немного, просто из-за жары голова идет кругом?

Михаил решил остановится, снять рюкзак и попить. Огляделся вокруг и заметил тропинку. Хоть вела она в сторону, он решил немного пройти по ней. Тропинка, как свидетельство того, что здесь время от времени ходят люди, внушала доверие.

Вскоре Михаил обнаружил развилку. Один путь лежал прямо, а другой направо, где должна быть грунтовая дорога.

Миша задумался и вспомнил про совет попутчика. Ерунда, конечно, но отчего бы не проверить. Михаил еще не начал паниковать, но в душе хорошо понимал, что совсем заблудился.

Он прикопал вытащенный из кармана пятак на развилке, и сказал: «Черт, черт, поводи и отпусти»...

– Эй! Ты чего тут делаешь? – окликнули его со спины.

– Ой! Я тут... к друзьям на речку иду... – Михаил от неожиданности слегка растерялся.

– Хах, тут идешь и на речку? А что за ритуал проводишь? – спросил с иронией мужчина. Выглядел он странно, даже вызывающе. Расшитая рубашка до пят, хитрое, если не сказать, лукавое лицо, курчавые черные волосы. В его раскосых глазах Михаилу почудилось любопытство. Мужчина постоянно переступал с ноги на ногу. «Будто у него ноги иначе устроены», – вскользь подумал Михаил.

Михаил смутился еще больше:

– Да я так...

– Сам придумал или надоумили? – спросил кучерявый.

– Посоветовали...

– Хотел бы видеть этого шутника. Ну ладно, раз не сам, я на тебя обижаться не буду. А друзей ты найдешь, если пойдешь направо, через лесок, не сворачивая с тропинки.

На этом мужчина развернулся и довольно быстро скрылся за холмом, хотя холм был достаточно пологий.

Миша еще раз обратил внимание на то, как странно он ходит. Потом пожал плечами и побрел направо. За что ему обижаться на этого мужичка?

Быть может, у этого странного типа не все дома?

Миша действительно вошел в лес, потом деревья стали редеть, и он услышал голоса и плеск воды. А еще через несколько мгновений увидел палатки и машину.

– Миша! Привет! Ты как мимо нас прошел к деревьям?

– Да я через лес прошел!

– Какой лес?

– Который вон там! – Миша махнул в сторону леса и осекся.

За редким строем деревьев блестела река.



Сергей Потемкин

От автора:

У меня часто спрашивают о том, как написать рассказ или повесть. Это делается просто! Устанавливаете для себя дневную норму написанного текста, например, 2-3 страницы. Выполнили ее – молодцы! Нет? Тогда платите штраф – 100 р. Не сделали норму и завтра? Снова штраф! И так далее.... В конце месяца складываете штрафы и отдаете эти деньги на благотворительность. Даже если вы ничего не напишите, то все равно сделаете доброе дело!

Хранитель секретов

– Всем привет! Первым говорить сложно, потому что ещё ничего непонятно. Но одно знаю точно: я – мирный житель! – заявил игрок №1. – Что могу сказать? Похоже, госпожа Фиалка нервничает – слишком тяжела ноша мафиозной роли! Игрок №5, извини, не вижу бейджик. О, господин Крыс, спасибо. Так вот, он вообще смотрит куда-то в стол, а не на других игроков. Значит, он всё уже знает, а знать в этой игре что-то наверняка может только мафия. Господин Клаус с самого начала разглядывает других

игроков – ему я пока доверяю. А вот господин Эдгар По слишком весёлый. Не справляется с эмоциями. Он для меня третий чёрный игрок.

На это заявление Эдгар По, к восторгу сидящих за столом, ответил неприличным жестом.

Нас было десять, не считая ведущего. Мы расположились в небольшой полуподвальной комнате кафе «Зазеркалье», что на улице Спортивной, которая через пару домов упирается в старый спортивный корт шестой школы. Здесь раньше была овощная база, и даже после капитального ремонта, когда выветрился запах краски, в воздухе остался тонкий аромат яблок. Мягкий свет падал на стол, обитый зелёным сукном, которое делало его похожим на бильярдный. Оно было приятным на ощупь, и я видел, как другие непроизвольно поглаживают его, как шерсть огромного кота.

Когда десятый игрок закончил строить догадки, и над столом повисла тишина, ведущий произнёс:

– Так в заботах и взаимных обвинениях пролетел первый день в нашем городе. Солнце давно село за горизонт. Пожалуйста, закройте лица масками и засыпайте.

Почти всё только что сказанное о других людях – выдумки и самообман. Без знания психологии или солидного опыта игры даже верные предположения

случайны. Один человек может себя вести в ситуации стресса определённым образом, а другой – прямо противоположным. Первый – начинает полностью себя контролировать, второй, наоборот, не может справиться с волной переживаний. Их можно «прочитать» только в динамике, когда видишь поведение человека в разных ситуациях. Тогда, спустя какое-то время, по его внешнему виду можно безошибочно узнавать чувства.

– Просыпается шериф, – раздалось из темноты.
– Он обводит пристальным взглядом спящий город, пытаясь разгадать его секреты.

Чужие секреты – моя профессия. Я должен хранить их, оберегая от других людей, если быть точным. Так было с детства, когда не только сверстники, но даже взрослые люди доверяли что-то очень личное именно мне. Раньше я не рассказывал никому чужих тайн в силу хорошего воспитания, но иногда мне очень хотелось это сделать. Один случай навсегда отбил у меня такое желание.

В то время я учился на втором курсе факультета психологии. Во время тренинга получили задание: оказавшись среди незнакомых людей, мы должны были сделать что-то, что показалось бы странным окружающим. Это действие не должно было оскорблять чужие чувства или провоцировать

конфликт, только обратить на нас внимание. После этого мы должны были уйти без всяких объяснений. И самое главное, о случившемся мы никогда не должны были рассказывать.

Первые две недели хотелось с кем-нибудь поделиться тем, как я выполнил то задание. Следующие три месяца боялся, что проболтаюсь случайно. Но потом страх ушёл, и вот уже двенадцать лет я точно знаю, о чём можно говорить, о чём нет.

– Предраасветные часы – самые тёмные, – завыл ведущий, – именно в это время просыпается мафия и выходит на улицы города творить разные бесчинства: надкусывать булочки в магазинах, переводить насильно старушек через улицы и рисовать портреты Че Гевары на фасадах домов.

Чтобы не шуметь, я медленно поднял руку. Ведущий стал называть номера игроков по очереди. Как только он назвал первой номер, я сделал условный жест – нажал на воображаемый спусковой крючок. Мои поделщики, надеюсь, сделали то же. О порядке трёх жертв мы договорились заранее, осталось только состреляться.

Этим вечером мы собрались, чтобы сыграть в «Мафию». Все просто: 10 человек – 10 карт, которые они получают «втёмную». Три чёрные карты – мафия. Семь красных – мирные жители. Мафия убивает

по ночам. Днём весь город принимает решение о том, кого заключить под стражу по подозрению в преступлениях. Ах, да, один из мирных – шериф. Он может за ночь проверить одного жителя, чтобы точно узнать, кто он на самом деле.

– Наступает утро, и город просыпается! Но проснутся сегодня не все... Утром одного из местных жителей нашли у себя в квартире с 15-ю ножевыми ранениями. Об этом жестоком самоубийстве написали все местные газеты. Убитый – первый игрок, господин Нечто. У вас есть последняя минута.

Как я и предполагал, убитый стал настраивать город против шестого игрока, с которым схлестнулся во время первого обсуждения. Но часть жителей решила, что это слишком очевидно, чтобы быть правдой.

– Скорее всего, нашего замечательного писателя Эдгара пытаются оклеветать, – заявил его сосед по столу господин Дракула. – Да, он веселился. Но номер три, господин Хемингуэй, тоже улыбается, и он тоже писатель, что с того? У мирной жительницы под номером два нет никакой чёткой позиции, всё очень расплывчато. Поэтому её ни на чём нельзя поймать. Я подозреваю её. А ещё игрока номер восемь. И третьего.

Последний заулыбался ещё шире. Девушка с нечёткой позицией – госпожа Фиалка в фиолетовом свитере с большим воротником подняла его до самых глаз. Стала похожа на нераскрывшийся бутон. Было видно, что она волнуется слишком сильно, для того чтобы это было связано с игрой. Хотя мне на руку, что её подозревают. За эти двадцать минут, что я её вижу, о ней уже можно много сказать.

Госпожа Фиалка пришла в это кафе в первый раз в компании госпожи Беллы – моей клиентки. Та, при внешней привлекательности и общительности, хронически не доверяла мужчинам. Кроме, разве что, меня, как её психолога. Так что эта девушка... готов поспорить, что они больше, чем подруги. И вышли в свет парой в первый раз, на что можно списать нервозность девушки в фиолетовом свитере. Вот и весь секрет.

Её только что выставили на голосование, как возможную мафию. Не буду голосовать против неё, ей всё равно конец, а я сохраню доверие госпожи Беллы в этой игре.

– Итак, – ведущий подсчитал наши голоса, – госпожа Фиалка не смогла внятно объяснить, что делает пулемёт в багажнике её машины. Поэтому она незамедлительно отправляется под стражу. Но у вас есть минута, чтобы сказать последнее слово.

– Я в первый раз здесь играю... Наверное, мне нужно было высказывать больше предположений, – донеслось из глубины воротника. – Я боялась ошибиться, поэтому больше думала, чем говорила...

И ещё несколько невнятных оправданий, после которых на город опустилась ночь.

Когда я ещё учился в вузе, мы с сокурсниками играли в психологические игры. Выбирали незнакомого человека, который нас чем-то заинтересовал. А потом начиналась игра. Мы исподволь наблюдали за ним: как он выглядит, как ходит, как действует и что это о нём говорит? Куда смотрит во время разговора, как относится к телесному контакту, заметны ли мышечные зажимы? А что в социальном плане? С кем общается, быстро ли принимает решения, как выражает эмоции и выражает ли их вообще? И так далее. У нас было много пунктов для наблюдения.

– За темнотой всегда приходит рассвет... Ну, конечно, если вас не заперли в чулане, – приветствовал ведущий начало нового дня. – Этой ночью произошло нечто невообразимое, настолько невообразимое, что все остались живы. Одних из вас я поздравляю, а другим сочувствую, потому что мафия не сострелялась!

Конечно, все были рады. Только не все искренне.

Мне повезло, я хорошо знаю двух остальных мафиози – тоже мои клиенты. Ничего удивительного, визитки с номером моего телефона лежат на барной стойке у входа. И я знаю, что дело в игроке №6. Ему сложно сосредоточиться, поэтому он часто что-то путает. Как перепутал время нашей первой встречи, опоздав на полчаса. А сложно сосредоточиться потому, что он не принимает реальность, отсюда постоянный конфликт, который он не хочет разрешать. Но сейчас важно то, как дать понять этим двоим, что мишень прежняя – десятый мирный житель.

На деле это оказалось легче, чем я думал. Все были слишком увлечены развернувшейся за столом драмой:

– Сначала ты говорил, что мафия – господин Эдгар По. В итоге проголосовал против госпожи Фиалки, и она под стражей. Где логика? – напирала моя клиента на игрока №5. Она не хотела прощать уход своей подруги.

– Просто я ду... – начал оправдываться тот.

– Господин Крыс, прошу вас, держите себя в руках, вернее, в лапах. Вам первое предупреждение, – оборвал его ведущий.

Готов поспорить, господин Крыс пожалел, что у него нет воротника, который он мог бы поднять до уровня глаз. Теперь главное не мешать мирным жителям, идя на поводу у своих эмоций, разбираться друг с другом.

...Когда мы заканчивали описывать своего незнакомца, на основании этого брались за составление его психологического портрета. Какая у него семья, сколько друзей, о чём он мечтает и чего боится? Как прошло его детство и какие секреты он хранит? Мы проверяли свои гипотезы, общаясь с окружением этих людей. И чем больше мы играли, тем точнее становились наши выводы. К концу пятого курса, после наблюдения за очередным человеком, я мог рассказать о нём лучше, чем его близкий друг, а после окончания аспирантуры – лучше, чем он сам.

– Что ж, голосование закончено, самым подозрительным жители города назвали господина Крыса, который любит вертеть в дрожащих руках любимый охотничий нож, вымазанный кетчупом. Ведь это кетчуп, правда? Вы можете сказать несколько слов на прощание, минута пошла...

В этой игре часто происходит именно так: мирные жители убивают друг друга. Как я уже говорил, если вы не профессиональный игрок или психолог, то за этим столом ваши злоключения – вопрос

вероятности. Кстати, об убийствах, мой клиент – господин Клаус, сидящий от меня по правую руку, пришёл ко мне именно с этим. И, признаюсь, удивил впервые за долгое время.

В подъезде дома, где он жил, поселился человек, которого за глаза называли криминальным авторитетом. «Его звали Павел», – сказал тогда мой клиент. Но я полагаю, это вымышленное имя, как и Клаус. Павлу нравились выпивка, отборная ругань, фильмы о лихих девяностых и собачьи бои. Поэтому однажды он наставил пистолет на хозяйку дворняги, в глотку которой вцепился его доберман. И это в спальном районе большого города, среди белого дня. Дворняга умерла, а пожилую женщину увезли в больницу – что-то с сердцем на нервной почве. Клаус сказал, что это стало причиной его поступка: хозяйка собаки, с которой он дружил, напоминала ему мать, умершую несколько лет назад.

О том, что произошло через несколько дней, мой клиент рассказал коротко, с неохотой. Когда вечером он поднимался домой, то услышал голос Павла на лестнице. А потом увидел его со спины на общем балконе одиннадцатого этажа. Могу сказать только то, что это не было аффектом, ведь Клаус надел перчатки, чтобы не оставлять следов, и дождался окончания телефонного разговора. Он сказал, что не бил, а лишь

слегка подтолкнул... Дело сделано. Клауса никто не видел, когда он тенью проскользнул к себе в квартиру.

Есть правило: если мой клиент хочет кого-то убить и не собирается отказываться от своих планов, я должен сообщить об этом в полицию. Но если убийство уже совершено? На этот счёт правил нет. Клаус пришёл ко мне с сильным чувством вины. Через две консультации оно его больше не мучило. А я... я стал хранить и его тайну тоже.

Когда ведущий назвал номер десятого игрока за столом, я, господин Эдгар По и господин Клаус выстрелили, убив ещё одного человека.

– Первыми уходят лучшие! – сделал грустное лицо ведущий. – Я до последнего не верил, что в нашем городе завелась мафия, пока мы не нашли тело игрока №10 в холодильнике для мороженого. Но теперь этот факт нельзя отрицать! Госпожа Лена, у вас последняя минута.

У этого заведения очень терпимая атмосфера – посетителям позволяют садиться за игровой стол с бокалом пива, что не допускается в профессиональных клубах. У госпожи Лены был такой бокал, уже почти пустой. Она сказала, что мафия – я и господин Клаус. Bravo! Только ей не поверят – не хватит авторитета и аргументов, чтобы переломить ситуацию.

Госпожа Лена часто приходила в «Зазеркалье». Она каждый раз рассказывала о досадных происшествиях, которые с ней происходили. Ссоры, неудачи, разочарования, аварии... Я слышал анекдот: «Доктор, мне снятся эротические сны!» – «И как давно они вас мучают?» – «Ну, почему сразу мучают?!»

Это про неё. Все хотят внимания. Кто-то ради него не брезгует и такими способами. Сочувствие, бесплатные советы и пиво за счёт заведения того стоят. По крайней мере, она так считает. К психологам такие люди не ходят, просто потому, что проблем у них нет.

Итак, за столом нас осталось шестеро. Мирный житель с красивым псевдонимом господин Дракула явно заинтересовался госпожой Беллой. Шансов у него столько же, сколько у одноимённого литературного героя попробовать на вкус чесночный соус. И ведь он действительно смотрит только на неё! Не тот типаж, чтобы рассчитывать на быстрый секс. Тогда что заставляет человека влюбляться «не в тех людей»? Чаще всего неполная семья. У таких людей нет модели семейных или просто близких отношений между партнёрами. Скажу проще, они не знают, как себя вести и что делать, если любовь окажется взаимной.

Господин Дракула, я уверен, не осознаёт этого. То, что он взял себе такое броское имя, тоже о многом говорит. Хотя бы о его самооценке. Наверное, в аду есть специальный котёл для тех, кто не использует такие возможности:

– Я думаю, что за столом осталось ещё две мафии, – наступила моя минута. – Послушав господина Дракулу, я согласен с его аргументами, что мафия – это игрок номер три. С госпожой Беллой тоже играю. Остальные пока под вопросом.

«Я согласен с его аргументами» прозвучало как заклинание. И не важно, что господин Дракула подозревал ещё и одного из моих товарищей. Главное, что я его заметил и согласился с ним. Согласиться на глубинном уровне – это поставить другого выше себя, ведь он додумался до чего-то быстрее. А господину Дракуле это нужно. Теперь он проголосует так, как хочу я.

– Даже не знаю, что вам сказать, – оглядел нас ведущий, когда взятый под стражу господин Хемингуэй закончил говорить. – Вас осталось пятеро, но не спешите надевать маски, потому что на город уже опустилась тьма. Он погряз в преступности и коррупции настолько, что мафия взяла верх! Из пяти игроков – трое мафиози. Игра закончена.

А дальше всё, как обычно. Половина мирных уверяет, что знала, кто мафия, с самого начала, другая половина начинает картинно удивляться. Мафиози – в зависимости от исхода игры – поздравляют друг друга или вяло отвечают на шутки игроков. Люди меняются, но схема остаётся неизменной.

Комнату я покинул первым. Прошёл по полутёмному коридору с ещё тремя дверями и вышел в общий зал. Сладковатый дым кальяна, который немного горчил, выбирался из-за тяжёлой шторы, отгораживающей часть помещения. За маленькими деревянными столиками и на кожаном диване перед плазмой расположилось чуть больше дюжины посетителей. При желании я мог многое узнать о каждом, но желания как раз не было.

По-моему, ночной воздух, который я вдохнул полной грудью, гораздо вкуснее запаха любого табака. Хотя я и считаю себя материалистом, не могу ничего сделать с чувством, что в нём есть магия. Магией пронизано всё вокруг. Темнота делает мир неочевидным, непредсказуемым – это именно то, чего мне так не хватает днём. Неясные звуки, незнакомые запахи, столько тайн, которые даже не хочется разгадывать.

– Господин Сергей, – шутливо поклонился поднявшийся на улицу вслед за мной игрок.

– Господин Эдгар По.

Интересно, этот псевдоним – тонкая ирония или причудливая игра его подсознания? Готов поспорить, что второе.

Мы совершили сделку открыто. Обмен через рукопожатие, как в плохих шпионских фильмах, казался мне глупым. Здесь не было прохожих, камер наблюдения, а в случае чего темнота выступит нашим союзником. А потом мой клиент, не оборачиваясь, пошёл по узкой аллее, которую с одной стороны загораживали постриженные, как на подбор, кусты, а с другой – обнимали кроны склонившихся тополей.

Консультация у меня стоит две тысячи, а доза кокаина, которую я только что продал, – все пять. Величайшую иронию я вижу в том, что лишь немногие приходят ко мне, чтобы проснуться. Большинство хотят услышать такую колыбельную, после которой их бы ничего больше не разбудило. Чтобы не видеть реальный мир с его захватывающими чудесами и леденящими душу ужасами. Им нужны сны: яркие, спокойные, безопасные, но фальшивые. Ведь реальность больше не пользуется спросом.

– У неё слабая маркетинговая кампания, – повторил я ставшую для меня знаковой фразу.

Долго не мог поверить, что есть такие люди. Когда они мне встречались, я пробовал все известные мне

психологические приёмы и техники. Без толку. Если человек в глубине души не решил измениться, всё без толку. Как говорят ковбои: «Можно подвести лошадь к воде, но нельзя заставить её пить».

Что делать в таких случаях, меня не учили. Это как с историей господина Клауса. Как поступить с убийцей, уже совершившим преступление и не опасным для окружающих? А что делать с людьми, которых не можешь спасти? А как насчёт тех, кто не хочет спастись?

Когда-то я думал, что можно заставить человека сманипулировать им. А что я думаю теперь? Заставить человека измениться? Смешно. Проще заставить воды Красного моря расступиться! Точно не знаю, но говорят, что у одного парня по имени Моисей получилось.

Но в то время для меня это стало проблемой. И тогда я пришёл к своему психологу. Да-да, не смейтесь, у нас они тоже есть. Мы называем их «супервизорами». Общение с таким человеком помогает сохранять объективность в работе. Кроме того, каждому нужен тот, кому можно доверить свои секреты. Я пришёл к нужному человеку.

– У неё слабая маркетинговая кампания, – улыбнувшись уголками губ, сказал он, имея в виду

реальность, которую отказывались принимать мои клиенты.

Мой супервизор оказался одним из самых крутых наркоторговцев по эту сторону Уральских гор. Я был изумлён. Если бы тогда при нашем разговоре присутствовал кто-то ещё, непременно бы начал картинно изумляться открывшейся правде, как оставшиеся в полуподвальной комнате игроки. «Я бы никогда не подумал, что ты – мафия! Кто угодно, только не ты!».

А дальше... Теперь я тоже в деле. Мы спасём всех, кого можем. Тем, кого не можем, мы предлагаем цветные сны. Спокойные и безопасные, а об их реальности никто даже не спрашивает. Индивидуальный подход, каждый получает тот наркотик, который подходит именно ему. Клиенты, которые никогда нас не сдадут. По-моему, раньше такого не было. Что ж, вот мой секрет. Это как игра, и в неё надо играть так, чтобы тебя никто не заподозрил.

Снова крутые ступеньки и горьковатый запах в воздухе. Мне кивнул бармен за стойкой – здоровенный рыжий детина с заплетённой в замысловатый узор бородой. Про себя я называл его Олофом. Он как-то был у меня. Дело в том, что когда Олоф оставался наедине с девушкой, единственное,

чем он мог её развлечь, – это видом своих литых мышц. Тотальный запрет на агрессию, который так некстати сказался на сексуальной сфере.

Мы поработали с этим. Он записался на секцию бокса. В своём первом бою на ринге отправил беднягу, который рискнул выйти против него, в нокаут с двух ударов. Вслед за агрессией он вернул себе и всё остальное, что делало его мужчиной. Через девять месяцев у него родился сын. Кроме нас, об этом никто не знает. Теперь, что бы я ни заказывал



в баре, он наотрез отказывался брать с меня деньги. Что тут скажешь? Некоторые люди умеют быть благодарными.

В комнате, которую я покинул десять минут назад, мне удалось занять последний свободный стул. Новые лица, посетители перемешались в игровых комнатах.

– С приездом. Рад видеть всех вас в нашем городе, – поприветствовал игроков ведущий. – Пора узнать, кто есть кто.

По жребию я вытянул карту вторым. Мирный житель. Я обвёл сидящих взглядом. Мне хорошо знакомы только двое. Но это неважно, прежде чем последний за этим столом закончит говорить, и на город опустится ночь, я буду знать все его секреты.

Дарья Барабенова

От автора:

Всякий раз, когда нужно рассказывать о себе, появляется скромный доходяга, который вместо меня несет околесицу, преуменьшает, стыдливо улыбается, весь колеблющийся, нелепый, трясущийся. Или приходит тщеславная мамзель, которая только рада поговорить о достижениях, умело превращая недостатки в достоинства, не гнушаясь ложной скромностью. Они, без сомнений, лучшие друзья, хоть ни разу не встречались, они оба мне омерзительны. Пожалуйста, не просите меня рассказывать о себе.

Возвращение

Что это за холодная пустыня? Кругом темно, а снег – по колено. Как я попал сюда? Метёт. Хотя нет, это просто ветер вздыбил сугроб и снежной пылью бросил в глаза. Небо – чёрное-чёрное в крапинку. Сколько звёзд... Значит, завтра будет холодно... Завтра. А бывает ли здесь завтра?

Мои глаза привыкают, и из темноты проступают куски более и менее тёмного: небо и снег. Теперь я

замечаю ещё и фонарь, что горит где-то справа. Я узнаю это место. Я был здесь много лет назад. И я знаю, мне нужно не к фонарю... Я иду прямо, через сугробы, переваливаясь и спотыкаясь.

Вот уже показался наш дом. Там, видно, никого – в окнах нет света.

С трудом приоткрываю створку низенькой, до половины занесённой калитки. Сколько же я не был здесь? Адский холод...

Вот передо мной входная дверь. Она кажется чёрной, но я припоминаю, что настоящий цвет – тёмно-зелёный. Сейчас я войду. Но что это? На двери железный замок. Неужели мне придётся остаться тут замерзать? Машинально я шарю по карманам. Вот ключ от почтового ящика. Стоит ли пробовать? Но он подходит! Я не верю своим ушам, когда слышу короткий щелчок внутри железного механизма. Замок теперь у меня в руках, обжигает пальцы: очень холодный.

В сенях и в кухне вовсе не теплее, чем снаружи. Возле печи – только крохотные щепки да лоскутки бересты – топить нечем, да и спичек у меня тоже нет. Не стоит надеяться на чудо, как с ключом. Я чувствую, что пойти дальше просто не смогу, так и ложусь здесь, около холодной печи, на полу. Я, наверное, больше не проснусь, если усну вот так.

На душе у меня беспокойно, что-то мешает, будто заноза, ещё и этот холод, добравшийся до самого нутра, считающий рёбра и позвонки...

Я в старом доме. Очень давно, когда я не был ещё взрослым и самостоятельным, или, по крайней мере, не считал себя таким, я промолчал. Промолчал, когда принимали одно важное решение, а меня забыли спросить. Мы должны были покинуть этот дом, уехать очень далеко и никогда больше не возвращаться. Так уж получилось. У нас был старый пёс по кличке Черныш, конечно, весь чёрный. Он был большой, и, хотя многие его боялись, он был добрый. Его мы взять не могли. Так говорили все, кто окружал меня. Вся семья была единодушна в решении: мы отдали его соседям, а сами уехали. Через месяц соседи написали, что Черныш перестал есть и умер.

Сколько-то лет я плакал всякий раз, вспоминая об этом. Я осуждал себя за молчание и за страх того, что меня, двенадцатилетнего, не станут слушать, а просто грубо скажут: «Не лезь, замолчи!». Я закрывал лицо руками и повторял шёпотом: «Прости меня, прости меня!». Я делал так, когда мне было 13, 14, 15, 16. А потом... Потом всё как-то забылось. А сейчас мне стыдно и за то, что я смог столько лет не вспоминать о нём.

И вот я лежу на промёрзшем деревянном полу, не чувствуя ног, и плачу сильнее, чем тот двенадцатилетний мальчишка, что смотрел из окна белой «Нивы», как его собака бежит и бежит за машиной. И постепенно отстаёт. Я снова повторяю: «Прости меня! Прости! Прости!», и пар вырывается изо рта, и мне всё холоднее.

Я слышу тихий звук. Как будто коготки стучат по этим старым доскам. Я приподнимаю голову и вижу, что передо мной стоит и принюхивается Черныш...



Черныш! Я бы понял тебя, если бы ты вцепился мне в глотку! Он пристально смотрит и ложится рядом, прижимаясь мохнатым боком и спиной к моей груди. Я обнимаю его, чувствую запах собачьей шерсти, неприятный, но такой знакомый («псиной воняет» – всегда говорила мама). Тепло струится по моему телу от груди, к которой я прижимаю Черныша, к ногам и рукам, кончикам пальцев и ушей, к макушке. Я засыпаю и сквозь сон слышу голоса мамы и папы, бабушки и деда. Я никак не могу разобрать, что они говорят. Я слышу, как лает Черныш, хотя вот он, рядом со мной, лежит тихо и смирно. Я засыпаю. Честное слово, мне теперь не страшно даже умереть.

Анна Шушунова

От автора:

Я должна кое в чём признаться. Дело в том, что я совсем не писатель. Ну, правда! Ведь не пишу ни стихов, ни прозы. Лишь иногда записываю пришедшие ко мне образы, стараясь максимально верно передать и дешифровать их. Так точно, как могу. Откуда они приходят? Я не знаю. Хорошо ли у меня выходит? Что ж, я, пожалуй, соглашусь, если кто-то скажет, что не всё у меня получается наилучшим образом. Но ключевым словом всё же будет «получается».

Происходи

За дверью подъезда обнаружилось бесконечно-прекрасное, свежее летнее утро. Восхитительный запах тополей щекотал ноздри, а сырая после ночного дождя земля добавляла в общую линию ароматов нотку прелых трав, цветов и почему-то хвои. Из глубин сознания всплыло слово «петрикор»*. Я улыбнулась ему, покрутила на кончике языка и произнесла. Слово сделало плавный полукруг над моей головой и растворилось, смешав значение

и определение воедино. Где-то вдалеке шуршали шинами ранние автомобили, развозя в своих железных чревах недовольных, невыспавшихся Ион**. Новорожденный день был столь же прекрасен, как и миллиарды дней до него. Поэтому хмурым и сонным людям не было до него ровно никакого дела. Одни спешили на работу, другие, после ночных смен и шумных клубов, будто на автопилоте, несли себя в объятия уютных кроватей. И каждый из них, в своём мудром невежестве, точно знал, что новое утро наступит так же, как всегда. И ведь наступало. Порой мне кажется, на одной только этой слепой, безграничной, не знающей сомнения уверенности держится целый мир.

Я остановилась у булочной, вдохнув аромат свежей выпечки, карамели, корицы и шоколада, провела по шершавой стене ладонью. Неровность кирпичной стены ответила мне лёгкой прохладой и бесконечно упоительно-прекрасной телесностью. Никто не умеет так замечательно, конкретно и ясно быть, как камень или кирпич.

– Здравствуй, утро. Ты восхитительно. Здравствуй, мир, рада снова видеть тебя. У меня есть к тебе просьба: случайся со мной, прямо сейчас. Происходи, – лёгкое головокружение чуть пошатнуло меня, но дружественная стена помогла

устоять на ногах. Я улыбнулась и потрясла головой. Стоило бы выпить кофе. А возможно, и что-нибудь съесть. – Происходи, – прошептала я ещё раз.

Под ногами заскользила новая улица, изгибаясь и поплёскивая, словно диковинный исполинский кивсяк***, я вышла из-под защиты заполненного тополями, клёнами и вязами дворика, убедившись, что шум автомобилей доносился именно отсюда. Откуда-то невыносимо, изнывающе-прекрасно и тягуче, до сладостной боли в груди и внизу живота, запахло цветущей липой. Какие-то люди проходили мимо меня, на их лицах читалось, как же сильно они спешат по важным, совершенно неотложным делам. Каждый рассекал собой это утро уверенными и частыми шагами, отсутствующе глядя вперёд. Кто-то болтал по телефону, мамы за руки тянули в школы и сады своих полусонных детей. Один симпатичный парень в наушниках задел меня плечом, но я так и не расслышала, бросил ли он поспешное «извините», или прошел мимо, даже не заметив моего существования. Иногда, чтобы просто продолжать быть, приходится прилагать довольно ощутимые усилия... ну, в некоторые мгновения жизни меня не покидает это чувство. «Происходи», – подумала я. Впереди, словно бы откликнувшись на мою просьбу, раздались крики. Кто-то, для меня пока невидимый,

настойчиво требовал внимания и справедливости. Я сделала ещё несколько шагов навстречу и увидела: чумазый тощий парнишка, лет десяти, убежал, что-то крепко и судорожно прижимая к груди. По всей видимости, это была сумочка, принадлежавшая дородной и красной от крика даме, в отчаянии и ярости размахивавшей руками и посылавшей проклятия в адрес бегущего. Какой-то долговязый парень в кедах внезапно перешел с шага на бег, пытаясь догнать беспризорника, но было уже поздно. Юркий, как хорёк, чумазый беглец выскочил на проезжую часть. Раздался невыносимый, режущий, раздирающий уши скрип тормозов. Затем глухой стук. Потом мир стал вязким и тягучим, как мёд, в котором бессмысленно и чужеродно, точно мухи, увязли люди, машины, звуки, птицы в небе. Даже ветер. На несколько секунд воцарилась тишина. Настолько, насколько могла, утром в будний день на оживлённой улице. Всё так же шуршали шины авто, проезжавших мимо, шумел ветер в кронах деревьев, но каждый звук стал будто отдельным, объёмным и отчётливо резким, и ткань реальности, казалось, превратилась в пупырчатый полиэтилен. Я закрыла глаза, чтобы не видеть красного. Жидкого, обжигающего, растущего, обволакивающего... И время вновь колыхнулось, побежало быстрее, чем

прежде. Словно догоняя и обгоняя само себя, будто кто-то невидимый нажал клавишу, перематывая несколько неинтересных ему кадров. Кто-то кричал на одной оглушительной, истеричной ноте, кто-то оживлённо обсуждал увиденное, кто-то звонил в полицию или своим друзьям. «Ой, сейчас таакоое видела!» Кричавшая женщина перешла на вой, потом, будто захлебнувшись, внезапно умолкла, прижав к губам побелевшие дрожащие пальцы. Железистый запах крови щекотал ноздри. Несмотря на расстояние. Чудилось, будто красное расплзлось на всю улицу и сейчас коснётся моих ног. Меня затошнило.

Не помню, как доползла до лавочки в каком-то тенистом дворике, как невидящей рукой нащупала спинку и, не в силах даже сесть, облокотилась на неё и дышала, дышала так, будто только что чуть не утонула. Словно бы бежала без оглядки через весь город, чтобы не видеть, не слышать, не обонять... и стояла так долго, дышала-дышала-дышала терпким смолянистым тополиным ароматом. Точно рыба, открывающая рот. Будто пытаюсь стереть из памяти и вытолкнуть-выдохнуть события последних минут. И запах. Невыносимый, растекающийся по воздуху, точно красная лужа по асфальту. Кажется, плакала. Голодный желудок сокращался болезненными

спазмами. Я чувствовала себя виноватой. За себя. За людей. За весь мир и за то, что случилось. И это иррациональное, несправедливое чувство резало, жгло и сплавляло всё внутри в единый комок. В кармане внезапно ожил и завозился сотовый. Я достала его на свет Божий и несколько секунд бессмысленно глядела на экран. Не сразу даже поняла, что это вообще такое. Но всё же вспомнила предназначение предмета и прочла имя звонившего. Я была уверена, что мой телефон больше никогда не вспомнит это имя... А вот он решил иначе. Спустила столько времени. Не то чтобы это было плохо, просто странно. «Происходи», – подумала я и приняла случившееся, как данность. Потом приняла и вызов.

– Да, Джеймс Бонд. Привет. – сказала я чуть дрогнувшим голосом. Трубка, конечно, удивилась и засмеялась в ответ. – А почему бы и нет? – ответила я. – Ты же говорил, что я могу звать тебя, как хочу. А я хочу именно так, кореш. Давно не слышались. Нет, с голосом всё в порядке, я просто... Да. Погулять. Да, я уже. Подтягивайся. В центре, недалеко от фонтана. Давай прямо у него и... Ну и прекрасно. Жду тебя.

Положив телефон обратно в карман, я обняла себя руками и попыталась стать совсем крошечной, плотной и настолько материальной, насколько это возможно. Упасть камнем на дно потока. В голове

всплыл образ кирпичной стены. Потом я раскинула руки и максимально расслабилась, попытавшись раствориться в полумраке двора. Смешаться с воздухом и ароматами лета. Разумеется, ничего у меня не вышло, потому как человеческие тела не очень-то приспособлены для таких фокусов, что бы мне там ни казалось. Но легче стало. Ощутимо легче. Я даже попыталась улыбнуться первым пробравшимся в мой уединённый уголок лучикам солнца. Мне, кажется, это вышло искренне, по крайней мере, лучики не спрятались от меня за какое-нибудь внезапное облако, а, напротив, заляпали солнечными зайчиками лавочку, асфальт у моих ног и крону раскидистого старого тополя, под которым я нашла приют. Я сочла это добрым знаком.

* Запах сырой земли, его причина – масло растений, которое поглощается почвой, а затем выбрасывается в воздух во время дождя, он появляется, когда дождь идет после продолжительной засухи.

** В Священном Писании содержится история о пророке Ионе и о том, как его проглотил «большой кит»: «И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи.»

*** Отряд двупарноногих многоножек. Распространённая группа наземных беспозвоночных, обитающих в лесной подстилке, в том числе и в умеренных широтах.

Алексей Крутов

От автора:

Чудеса есть везде, главное – заметить их. Не пропустить в череде рутинных будней. Отголоски сказок можно найти в луче света, пробившегося сквозь серую пелену облаков, в медленном танце чаинок в пузатой стеклянной чашке, в случайной улыбке прохожего... Ловите крупинки чудес своим собственным «решетом». Эти крохотные искорки могут распалить пламя творчества внутри вас, и это прекрасно! Не переставайте верить и искать, вполне вероятно, что ваш личный вход в сказку может оказаться за углом уже следующего дома.

Я родился и вырос в маленьком северном городе Нягань. Писать рассказы начал еще со школы, как только стал расширяться словарный запас и появился небольшой багаж знаний. С поступлением в Тюменский государственный университет и переездом в другой город писать временно прекратил. Но тексты просились наружу. Некоторые из них я предлагаю прочесть вам. Очень люблю двойственность и неоднозначность в героях, что и стараюсь отразить в своих небольших произведениях. Искренне надеюсь, что вам будет интересно!

Покорители снежных вершин

– Уважаемые дамы и господа! Я – Астри Берге. Наша съёмочная группа присутствует при уникальном событии! Сегодня, после воистину длительного перерыва, наш Подножград вновь отправляет шестерых отважных добровольцев на «Непокорную». Напоминаем вам, что десять лет назад, по причине тектонических сдвигов, верхняя часть горы разделилась на два почти одинаковых пика, за что в простонародье получила забавное название «Рыбий хвост». На протяжении последующих трех лет предпринимались неоднократные попытки «взять» эту вершину, но, уважаемые телезрители, к сожалению, ни один из пятнадцати покорителей так и не смог добраться до самой высокой точки горы и принести нашему многострадальному городу заветное тепло. Мы скорбим вместе с вами и свято чтим их память. Но сейчас, сейчас мы с гордостью представляем вам храбрецов, решивших снова бросить вызов самой природе! Наш глубокоуважаемый мэр, господин Матиас Йенсен, лично вышел проводить их и произнести напутственную речь...

Пока репортерша в красном приталенном пуховичке козой скакала от нашей группы к мэру и

обратно, я незаметно осматривал своих попутчиков. Кроме Ольстена, я никого не знал, но до вершины идти не меньше месяца, так что успеется еще. На всех было одинаковое снаряжение. Ярко-желтые комбинезоны, специально созданные для того, чтобы можно было автономно прожить в условиях крайне низких температур не менее двух дней. Крепкая теплая обувь, щерившаяся приставными трехдюймовыми когтями. Подбитые мехом трехпалые перчатки и ватные рукавицы, заткнутые за пояс. К поясу был прикреплен ремень со снаряжением. Каждый нес на плечах внушительный рюкзак, внутри которого хранились запас провизии на сорок пять дней, кислородные брикеты на неделю, пара бухт полиамидовой веревки и всякой полезной мелочи в виде карабинов, штырей и зацепок. На этом наше сходство и заканчивалось. Вооружения, кроме меня и Ольстена, ни у кого не было. Заказчик отдельно отметил этот пункт в контракте. Так что, помимо снаряжения к поясу, у меня и Ольстена были прикреплены только ножи. Но, зная своего сержанта, я был точно уверен, что у него что-нибудь хорошенько припрятано. Повторно оглядев всех членов экспедиции, я задумался. Компания подобралась веселенькая, ничего не скажешь... Про добровольцев, это, конечно, загнули, да еще как.

По рожам же видно, что все «добровольцы» – это каторжники или наемники. Я стоял крайним слева. По правую руку от меня – Ольстен, мой давний и проверенный жизнью сослуживец. Мы – солдаты удачи, которые за деньги готовы залезть не то что на какую-то гору, а самому черту за пазуху. Ольстену, как самому крупному, досталась еще и палатка в довесок. С правого края – двое потрепанных жизнью каторжан, их выдает сутулая спина и «бегающий» взгляд. Такие люди везде одинаковые, так что смотреть на них мне было неинтересно. А вот пара, стоявшая в центре, настолько выбивалась из общей картины, что я даже растерялся. Ближе к Ольстену стоял молодой парень с едва наметившимся пушком над верхней губой. Специальный комбинезон, даже сильно утянутый ремнями, висел на нем словно мешок на жерди. Ну, а ближе к каторжникам едва стоял седобородый старик. Про таких говорят, что они одной ногой в могиле, и смерть уже протягивает им руку. С душегубами все понятно, вернутся живыми – помилуют, а эти двое? Явно политические, тут и к гадалке не ходи. М-да... Нам разницы нет, кого охранять, но приключеньице явно будет незабываемым.

Мы с Ольстеном натянуто улыбались и вяло помахивали руками в сторону телекамеры. За спинами

репортеров стоял хмурый мэ́р в окружении целого корпуса злых жандармов, а уже за ними собралась довольно приличная толпа. Сотни ртов перешептывались и переговаривались, выпуская пар, отчего над людьми постоянно висело плотное облачко. Сотни ног в разномастной обуви притоптывали и постукивали, разгоняя кровь и скрипя снегом. Сотни рук похлопывали и потирали бока в попытке выжать хоть немного тепла. В результате всех этих движений на площади стоял непрекращающийся гомон, временами прорезаемый бодрыми выкриками телеведущей.

– Среди добровольцев также присутствует будущий зять нашего глубокоуважаемого мэра – Ялле Стукклав! – Астри подскочила к худому парню из нашей шестерки и сунула микрофон ему под нос. – Ялле, пожалуйста, скажите мне и нашим телезрителям, почему вы вызвались добровольцем в столь опасное предприятие? Не лучше ли было спокойно ожидать свадьбы где-нибудь в теплом местечке?

Парень был явно растерян и переводил непонимающий, ищущий поддержки взгляд с толпы на мэра, с мэра на ведущую и снова на толпу. Он уже, было, открыл рот, когда из толпы, яростно расталкивая людей локтями и коленями, к нему рванулась девушка.

Жандармы среагировали мгновенно, перехватив ее чуть ли не в прыжке. Она звала своего Ялле и отчаянно билась, словно маленькая пташка в силках, но куда ей против крепких парней-то. Наш глубокоуважаемый мэр, господин Матиас Йенсен стал еще более хмурым. Наклонившись к начальнику жандармерии, он что-то недовольно буркнул и резко махнул рукой. Начальник развернулся и гаркнул на подчиненных. Те споро потащили упирающуюся и брыкающуюся девчонку с глаз долой. Хилый парень, шатавшийся под весом своего рюкзака, с места рванул к охране с такой силой, что громиле Ольстену, предусмотрительно ухватившему паренька за плечи, пришлось сделать пару шагов вперед.

– Тихо, тихо, герой... – Он полушепотом успокаивал парня. – У них взвод с ружьями и дубинками, а что есть у тебя? Вышибут тебе мозги, то-то толпа обрадуется, а девка твоя точно одна останется...

– Вам, молодой человек, главное – вернуться живым. Тогда он ничего не сможет сделать, понимаете? Победителей не судят. – Подошедший старик выдал на удивление грамотный совет. Ялле последний раз рванулся и обреченно повис на руках Ольстена.

– Эй, мальчик! Возьми нашивку на рукаве крупным планом! – Телеведущая была уже тут

как тут и командовала оператором, тыча пальцем в Ольстена. – Уважаемые телезрители, вы видите перед собой одного из печально известной Девятой Волчьей Гвардии. Ну что, опять хотите на чужой беде нажиться, вшивые собаки?

Ольстен сторбился, на его шее туго натянулись мышцы, он начал мелко дрожать. Ялле, прижатый мощными руками к груди, протестующе пискнул. Лицо моего друга исказилось и приобрело звериные черты, губа поползла вверх, обнажая крупные зубы. Он начал медленно поворачиваться к репортерше.

– Отставить, сержант! – рявкнул я. Подойдя к другу, успокаивающе похлопал его по спине и вполголоса попросил: – Оль, побереги свои силы на поход, думаю, они нам очень пригодятся.

– Слушаюсь... капитан... – с трудом откликнулся Ольстен. Слова вылетали со зловещим утробным рокотом, но он уже успокаивался. Я видел, как его гнев угас так же быстро, как и вспыхнул.

– Думаю, нам лучше пойти. – Я холодно смерил взглядом побледневшую телеведущую, только что спасенную мной от жуткой смерти. – К сожалению, нам придется пропустить красивую напутственную речь нашего высокоуважаемого мэра. Передайте ему, что мы с удовольствием слушаем ее, когда вернемся. Выдвигаемся!

Девушка рассеянно кивнула и, открыв, было, рот, тут же его захлопнула. Надо отдать ей должное, она быстро пришла в себя и через несколько мгновений вновь заголосила что-то на камеру. Мне уже было не до нее. Каторжники, принявшее мое руководство безоговорочно, потопали по направлению к горе, старик ухватил Ялле за рукав и бодро потащил его вперед, что-то на ходу объясняя, хотя несколько минут назад оба и стоять-то могли с трудом. Я специально немного отстал и утянул за собой Ольстена.

– Вик... извини, не сдержался... – Ольстен низко наклонил голову и виновато смотрел себе под ноги. – Спасибо, что вовремя остановил.

– Да ладно... с кем не бывает. Хорошо, что за нож не схватился. – Я хлопнул его по плечу и кивнул на раздвоенный пик горы, временами вынырывающий из набегавших облаков. – Оль, как думаешь, какой из них выше?

– А есть разница?

– По легенде, нам нужна самая высокая точка горы. Источник тепла там.

– А если они оба одинаковые, тогда что? На какой лезть?

– Хм... а теперь большой и неприятный сюрприз. Нам придется проверить оба, Оль.

– Чертово семя! – Ольстен явно был разочарован.
– Вик, я надеюсь, у тебя хватит ума остальным этого не говорить?

– Я похож на идиота?! Рано им еще об этом знать...

* * *

Вопреки всем моим ожиданиям старик нам был очень и очень полезен. Всю эту экспедицию затеял именно он. Его практически бесконечные знания о холоде, снеге и самой горе здорово нас выручали. Мы уже вторую неделю двигались к цели, уверенно обходя глубокие провалы, скрытые под снегом, гнездовья ледяных слизней, увенчанные тончайшими ледяными сталагмитами, и блуждающие облака холода. Старик старательно делал пометки в небольшом личном блокноте. Вообще-то старика звали Бенедикт Хольцманн, но, как только Ольстен узнал, что Бенедикт преподавал раньше в Институте и успешно написал не одну диссертацию по теории вечного холода, к старцу прилипло уважительное прозвище – Профессор. К слову сказать, ему это даже несколько льстило.

Мы сидели в палатке, огонек примуса лениво поглаживал дно котелка, постепенно превращая снег в воду для вечернего чая. Бенедикт бросил в закипевшую воду пучок сушеных трав. Завтра

мы планируем проверить Северный пик – одну из вершин «Непокорной». Я, Ольстен, колупавший початую пачку галет, Ялле и Профессор вполголоса переговаривались. Каторжники крепко спали – мой сержант их совсем загонял, но таким образом у них не будет ни сил, ни времени на «выкрутасы», даже если они о чем-то подобном и подумывают.

– А если мы не справимся, Профессор? – Я подхватил котелок и обошел всех. Ялле кивнул, благодаря за наполненную пряным отваром кружку. Он обхватил ее ладонями и хмуρο уставился на содержимое. – Не принесем источник в город, тогда что?

– Тогда, молодой человек, если власти не найдут альтернативу, через пару месяцев термоэлементы закончатся, – невозмутимо ответил Профессор. – Далее в ход пойдут экстренные запасы топлива, потом уголь... Когда закончится и он, жителям придется разобрать свои дома на дрова, и, в конце концов, люди зачоченеют.

– А разве нельзя элементы эти купить или перезарядить? – Ольстен ухватил последнюю галету и, разломив пополам, протянул одну часть Профессору.

– В принципе, можно... – Хольцманн задумчиво глядел в потолок и вертел в руках угощение. – Но это очень дорого. Так что тут без вариантов.

– Был еще один вариант, – буркнул Ялле. – Помните девушку на площади? Гуда – дочь мэра. Да, она моя невеста. Ее заметил промышленник из региона еще три года назад, взамен он обещал нас снабжать термоэлементами. Мэр согласился...

– Это средневековье какое-то! – Профессор от возмущения поперхнулся чаем. – Куда смотрел начальник жандармерии?!

– В рот мэру да и в свой карман поглядывал! – Ольстен кисло улыбнулся.

– Это я уговорил своего, хм, тестя. Вы не представляете, как тяжело нам это далось. По плану мэр согласился отдать свою дочь, но только после того, как станут известны результаты нашей экспедиции. – Ялле покачал кружку и, отхлебнув, продолжил: – Мы с Матиасом всю ночь обсуждали это решение и довольно громко. Поэтому Гуда решила, что я заявился расторгнуть соглашение с промышленником, и в отместку меня отправили с вами.

– Прелестно! – Старик хитро шурился и улыбался, словно довольный кот. – Я смотрю, молодой человек, вы не так просты, как кажется, да и смелости вам не занимать, примите мое почтение!

– Было бы из-за чего огород городить... – фыркнул Ольстен. – Ради бабы залезть на гору, свернуть себе

шею или околеть. Сидел бы в тепле да погуливал бы с ней тайком от муженька.

– В первую очередь я думаю о людях в городе...

– А о себе ты подумал? Да хрен с тобой! О девке своей ты подумал? – Ольстен вдруг завелся. – Не вернешься ты, и что тогда? Просто отдашь ее? О людях он думает, гуманист, мать его!

– Что-то ты слишком о ней переживаешь! – Парень исподлобья угрожающе смотрел на Ольстена.
– Так и по рукам получить недолго!

– Ах ты, паршивец! – Ольстен замахнулся.

– Хватит! Всю гору мне еще разбудите! Оль, проверь крепления палатки, кажется, ночь будет ветреной. – Я отослал сержанта слегка остыть, от греха подальше. Дождавшись, когда он со злостью запахнул клапан, я подошел к Ялле.

– Ты не боишься – это хорошо, – я одобрительно кивнул, – но наемники не те люди, которым можно так открыто дерзить. Запомни это.

– Я запомню, – мрачно буркнул Ялле.

– Молодой человек, – Профессор, с живым интересом наблюдавший за разгоравшейся ссорой, решил вставить слово. – А что вы знаете о Девятой Волчье?

– Наемники, предавшие своего нанимателя, – парень вроде бы отвечал на вопрос, но при этом

злобно смотрел прямо на меня. Бенедикт разочарованно покачал головой, зная, что сейчас услышит. – Они убивали детей и насильствовали женщин.

Действительно паршивец! Носок сапога выбил у парня из рук кружку с остывшим чаем прямо в лицо. Ялле еще недоуменно хлопал мокрыми ресницами, а я уже ухватил его за горло и повалил на пол палатки. Крепко сжав гортань, я добился сдавленного хрипа и полного внимания.

– Сидеть! – Рука с ножом, выхваченным еще во время пинка, поочередно обвела рванувшегося на выручку Профессора и наконец-то проснувшихся каторжников. Описав таким образом полукруг, я прижал лезвие к щеке Ялле. Острие легло прямо напротив его глаза и почти касалось зеленой радужки. – Наемник никогда не предает своего нанимателя. Никогда. Он может стать калекой, может сдохнуть, но он должен отработать свои деньги сполна. Мы меняем кровь на золото, и поверь мне, этот курс невыгодный. Если я еще раз услышу подобные слова от любого из вас, я промолчу. Но когда мы вернемся в город и сдадим работу заказчику, богом клянусь, я лично выпотрошу всех, и начну я с тебя, чертово семя!

Парень сдавленно хрипел. Одной рукой он шарил по полу, пытаясь найти хоть какое-то подобие

оружия, второй пытался освободить горло, но слабая рука постоянно соскальзывала с моего рукава. Глаза начали закатываться, но в них не было и следа страха. Крепкий парнишка. Я резко оттолкнул Ялле. Он перекатился набок и судорожно втянул ртом воздух. Хриплые вдохи прерывались громким кашлем.

На шум в палатку заглянул Ольстен. Увидев скорчившегося на полу парня, он улыбнулся, хмыкнул и, подхватив упавший котелок, ушел за новой порцией снега.

Пока снова заваривался чай и все рассаживались, несколько выведенные из себя, Ялле постарался отодвинуться как можно дальше и злобно зыркал в мою сторону. Да, парень, мы плохие. Мы очень плохие... но мы отгоняем тех, кто еще хуже...

Утром мы свернули лагерь и выдвинулись в направлении Северного пика. Профессор поравнялся с Ялле и о чем-то с ним зашептался. Вид у парня был обиженный и злой, но по мере того, как он слушал, лицо его менялось. Через пару часов он отстал от Бенедикта и ушел в конец нашей крохотной колонны. Замыкающим сегодня был Ольстен. Минут через двадцать Ялле был уже рядом со мной.

– Я прошу меня простить. – Мне было отчетливо видно, как он борется со своей гордостью. – Вчера я наговорил много лишнего. Не зная всей ситуации,

легко обвинить человека. Я... я не знал о расколе внутри Гвардии и последующей междоусобице.

– Да и откуда тебе знать? Об этом в школе не рассказывают. Дед, поди, рассказал?

Ялле кивнул.

– Он вчера тебе давал шанс все узнать и закончить ссору, не доводя до драки.

Снова кивок. Какой понятливый сразу стал.

– Извинения просить тоже было его идеей?

– Нет, я сам...

– Значит, умеешь признавать ошибки и принимать результаты своего выбора. Это хорошо. Из тебя получился бы неплохой волчонок. При должной тренировке, конечно.

Парень понял, что я не держу зла, и облегченно выдохнул.

– Мой тебе совет – внимательно следи за тем, что говоришь и кому.

– Я запомню! – Ялле заторопился во главу колонны. Ему не терпелось обсудить хорошие новости с Бенедиктом...

* * *

Кар* был обрамлен острыми горными выступами, словно огромная щерившаяся пасть. Свободным был только небольшой проход между двумя высокими

«клыками», которые и образовывали вход. Все это было почти накрыто облаком марева. На дне чаши, чуть левее центра, в окружении ледяных глыб стоял внушительных размеров кристалл, чистого и глубокого фиолетового оттенка. Хотя мне казалось, что этот невероятный цвет – заслуга холодного воздуха. Ледяные глыбы были собраны не только вокруг кристалла, но и составляли некое подобие линии, протянувшейся от входа к центру. Походив около входа и внимательно осмотрев лед издали, мы поняли, куда пропало большинство храбрецов. Сунулись, не оценив ситуацию. М-да, та же участь ждала бы и нас. Вот так угадать с направлением, добраться до вершины пика и чуть не влететь в облако холода. Спасибо Бенедикту, он вовремя остановил нас, указав на едва заметное дрожание воздуха над головами.

– Профессор... – Ялле недоуменно осматривался.

– Это и есть он... источник?

– Совершенно верно, молодой человек. Осталось только его достать.

– И в чем подвох? – Ольстен встал рядом.

– Чашу в скором времени накроет облако холода. И сколько времени оно будет там, мне неизвестно.

– Приятного мало. – Сержант задумчиво осматривал ледяные изваяния. – Но, допустим, мы

туда войдем. Добежим до источника, дальше что? Тащить его обратно? А он, чертово семя, немаленький.

– Ну... Футов девять-десять в высоту будет, и не менее трех с половиной в поперечнике. – Сощурившись, Профессор быстро прикинул в уме массу. – Весить будет примерно...

– Короче, много. Надеюсь, весь его тащить не придется? – Настроение у Ольстена испортилось окончательно.

– Нет, что вы, – успокоил его Бенедикт. – Хватит и небольшого осколка. Осталось только найти добровольцев...

Легко сказать. Войти в облако холода и замерзнуть насмерть, превратившись в еще одну ледяную статую, в попытке достать кусочек кристалла. Добровольно – значит, по собственной воле. Без принуждения. Но человека всегда можно уговорить, купить, заставить, в конце концов. Главное – знать, как. Я тяжело оглядел своих попутчиков. Сам я туда не сунусь, договор был сопроводить людей туда и обратно, защищая по пути от возможных опасностей. Без Профессора мы вряд ли вернемся в город живыми, значит, он отпадает. Ольстен – мой друг и наше тяжелое оружие, без него никуда. Парня я не отдам, хоть режь... Остались только шептавшиеся в сторонке каторжники. Я тихонько окликнул Ольстена и кивнул в их сторону.

Не успел я сделать к ним и пары шагов, как они прекратили шептания, и один из них вышел мне навстречу.

– Мы сами пойдем. – Заключение переглянулись, и новоиспеченный доброволец посмотрел прямо на меня. Только сейчас я как следует разглядел его. Лицо скуластое и жесткое, но не отталкивающее. Словно у бывалого матроса. Синие глаза. Чистые и глубокие, словно два озера. Взгляд сильный и уверенный. Девки, наверное, вперед тебя за амбар бегали. Что же ты такого натворил-то на воле?

– Объясните, что нужно делать?

– Как зовут? – Я не отводил взгляда, стараясь запомнить его, чтобы помянуть при случае. В том, что живыми они не вернутся, я был твердо уверен.

– Андреас, а его Маркус...

Я кивнул и протянул руку. Крепкое рукопожатие. Прости парень, это все, чем я могу тебя сейчас наградить.

– Профессор, у нас добровольцы!

– Прекрасно, прекрасно! – Улыбавшийся Бенедикт подошел и недоверчиво оглядел каторжников. Пожевав губами, он кивнул каким-то своим мыслям.

– Господа, у нас крайне мало времени! – Профессор быстро чертил на рыхлом снегу карту,

попутно объясняя дальнейшие действия. Веселье мигом улетучилось с его лица, а голос Хольцманна приобрел жесткость. – Как вы уже успели заметить, над этой чашей висит неприлично большое облако холода. По моим прикидкам, облако опустится и полностью накроет эту область через двадцать минут, полчаса максимум. Ваша задача состоит в следующем: как войдете, быстро пересекаете площадку, откалываете от кристалла кусок помассивнее и быстро возвращаетесь. Все понятно?

– Понятно. – Маркус кивнул. – Главное, сделать все быстро. Мы готовы.

– С Богом, господа!

Андреас решительно подошел к пологому спуску в кар. Скинул рюкзак и, помедлив пару секунд, начал спускаться вниз. Маркус провозился со своей ношей чуть дольше и отставал от него на пару шагов. Им пришлось немного замедлить спуск. Когти на ботинках впивались в рыхловатый снег, выдирая его комками. Вдобавок им приходилось огибать заледеневшие фигуры менее удачливых искателей. В конце концов, потратив около пяти минут, оба напарника благополучно достигли цели. Выхватив из поясных петель альпенштоки, они изо всех сил принялись колотить по поверхности кристалла каждый со

своей стороны. Металл инструментов не оставлял даже царапины на поверхности минерала. Нам, маявшимся от вынужденного безделья, и чего уж таить, в какой-то степени переживавших за жизнь добровольцев, был прекрасно слышен их тщетный суматошный перестук.

– В одно место бейте! – Хольцманн орал во все горло и махал руками, привлекая внимание каторжников. – В одно!

Андреас стоял к нам ближе и обернулся, прекратив работу. Вот он кивнул и, обогнув колонну, присоединился к Маркусу.

– Надо было пару гранат прихватить, – мрачно заметил Ольстен.

– Ни в коем случае, молодой человек! – Профессор слегка подергал себя за бороду. – Порода тут на первый взгляд довольно прочная, но я бы не стал так рисковать.

– Господин Хольцманн! – Ялле от волнения перескочил на официальное обращение. – Облако!

Мы дружно вздернули головы. Граница дрожащего марева медленно ползла вниз, уже поглотив вершины самых высоких каменных «клыков», обрамлявших кар.

– Эй, душегубы! – Ольстен заорал так, что, будь над нами не ледяное облако, а снеговая шапка, обвал

был бы обеспечен. – Бросай работу и живо назад, если жить охота!

Стук инструмента моментально стих, и наши добровольцы рванули вверх, отбрасывая комья снега. Бежать вверх по рыхлому снегу и так непросто, а когда от скорости зависит твоя жизнь, становится еще тяжелее.

– Поторопитесь! – Ялле следил за облаком. Профессор с нескрываемым отчаянием и жалостью смотрел на минерал. Кристалл медленно начал лучиться мягким фиолетовым светом. Чем ниже опускалось облако, тем ярче становилось свечение.

– Не успеют! – Бенедикт, заметив свечение, рванулся, было, в кар, но Ольстен его остановил. – Не успеют, чертово семя!

– Это мы еще посмотрим! Эй, малец, присмотри-ка за дедушкой! Оль, подсоби!

Я сдернул с пояса веревку и побежал к «клыкам». Скинув рюкзак, я несколько раз обмотал его веревкой, надежно закрепляя узлами каждый виток. Ольстен, передав с рук на руки Хольцманна, уже крепил свою веревку одним концом к правому «клыку». Соединив свободный конец с моим «якорем», мы получили достаточно длины, чтобы попытаться спасти обреченных.

– Давай ты! – Взвесив в руке рюкзак и прикинув расстояние, я передал его сержанту.

Тот молча взял его одной рукой, словно я ему мешочек с орехами дал. Размахнувшись, он крикнул и метнул мой рюкзак словно снаряд. Тот пролетел аккуратно между двумя ледяными скульптурами и, проехав по снегу, остановился в нескольких футах перед бегущими, натянув веревку. Сержант плотно уперся ногами в снег и приготовился тянуть.

– Хватайте мешок! – Голос Ольстена прозвучал еще громче.

Внезапно Андреас отстал и толкнул пробежавшего мимо него Маркуса прямо на рюкзак, а сам резко свернул влево и рванул к одиноко стоявшей ледяной статуе, на ходу замахиваясь альпенштоком. Упавший каторжник судорожно вцепился в спасительный «якорь», и Ольстен мощными рывками потащил его из чаши. Как только руки спасенного стали в досягаемости, я втянул его наверх. Ольстен, не заметив спасенного человека, размахнулся и вновь забросил рюкзак в кар.

– А ну живо сюда, недоносок! – Пока мы «рыбачили», Андреас успел отколоть у статуи довольно большой прямоугольный осколок и, бросив инструмент, бежал к нам, крепко сжимая кусок льда

обеими руками. Ольстен не унимался, вовсю его подгоняя. – Брось, брось его, твою мать!

– Ольстен, скорее! – Голос Ялле сорвался на крик. Но сержант не обращал на него внимания.

Андреасу оставалось всего несколько шагов, как он оступился и упал, грудью наскочив на обломок статуи в руках. Бросив быстрый взгляд вверх, он не спеша встал, отряхнулся и, засунув обломок в мой рюкзак, подтолкнул его ногой в нашу сторону. Сам он стоял, глядя мне прямо в глаза и виновато улыбался.

– Оль, тяни... – Устало приказал я и, не отводя взгляда, коротко кивнул, принимая жертву.

Андреас так и остался стоять, смотря прямо на нас и улыбаясь, когда облако холода полностью заняло чашу.

* * *

Припасы давно уже закончились, в суматохе мы не заметили, как поклажа каторжников сползла в кар. Несколько неудачных попыток достать хотя бы один из них лишили нас последнего инструмента. Силы наши были на исходе, но мы упорно брели к городу. До него оставалось идти не более трех дней, но голод уже настойчиво напоминал о себе. Мой рюкзак, выуженный из кара, представлял собой один большой кусок льда. Внутри него была моя часть провианта,

так необходимая нам, и прощальный «подарок» Андреаса. Все-таки странный у каторжников юмор. Рюкзак мы тащили за собой, оставляя его на ночь в палатке. Прогреваемый теплом наших тел, он мало-помалу оттаивал. Всю обратную дорогу мы молчали. Хольцманн и Ялле не могли поверить в провал экспедиции. Мы с Ольстеном лишились солидной прибавки к оговоренной сумме и были, мягко говоря, не в духе, по Маркусу трудно было понять, переживал он утрату своего «друга» или нет, да и каторжника никто особо не спрашивал.

Ночевки в палатке были до одури однообразными. Каждый молча думал о своем и хмуρο потягивал теплую талую воду из котелка. В избытке у нас оставался запас топлива для примуса и весь снег «Непокорной».

Ольстен деловито потрошил мой рюкзак. Сверху лед уже стаял, осталось дожидаться, когда его содержимое перестанет представлять собой смерзшийся ком. Но ждать нам было уже невозможно, и сержант обстукивал лед рукояткой ножа, изредка ухмыляясь в отросшую бороду, когда перехватывал тайком брошенный взгляд, полный голода и нетерпения. Очередной удар выдался удачным, и порядком подтаявшая глыба распалась на отдельные куски.

– Ялле, открывай! – Сержант не глядя бросил в сторону паренька две смерзшихся банки. – Маркус, дуй за снегом да возьми побольше – не люблю густую похлебку!

Палатку тут же наполнила возбужденная суета. Хольцманн помогал Ялле вскрыть насквозь замороженные консервы, каторжник боролся с клапаном одной рукой, второй намертво вцепившись в котелок. Ольстен продолжал постукивать рукояткой, обкалывая сильно выступавшие куски льда с остальных банок, я пересел к нему и, поворошив крошево, поднял то, что Андреас успел нам передать. Под небольшой неровной коркой льда явственно угадывались очертания человеческой руки, сжимавшей что-то в кулаке.

– Бенедикт, думаю, вас это заинтересует. – Я протянул Профессору «находку».

– Это какая-то чудовищная шутка? – Бенедикт брезгливо уронил руку на пол палатки. – Я не понимаю...

– А вы приглядитесь.

Сквозь мутноватый лед и сомкнутые пальцы в толстой кожаной печатке пробивался едва заметный фиолетовый свет.

– Не может быть! – Хольцманн, забыв про свое былое отвращение, схватил обледеневшую конеч-

ность, словно ребенка, и чуть не уткнулся в нее носом. – Я не верю! Как это возможно?!

Маркус вернулся с котелком, плотно набитым снегом, принеся с собой порывы стлого ветра и крупные хлопья снега.

– Там погода портится...

– Неважно, отсюда я вас с закрытыми глазами до дома доведу! К тому же через пару часов все успокоится и до самого Подножграда будет ясная погода!– Бенедикт чуть не скакал от радости. – Мы все-таки добыли Источник!

Выпросив у Ольстена нож, Профессор с нетерпением принялся освобождать из плена драгоценный дар. Он уже отколол сжатую кисть и теперь примеривался, как бы не повредить осколок кристалла. Коротко вздохнув, он с силой опустил рукоятку. Закованные в лед пальцы раскрошились и осыпались от удара. Профессор смахнул крошки и поднял кристалл на уровне глаз. Палатку буквально залило фиолетовым светом. Огонек примуса стал едва различимым. Зрелище было жутким и завораживающим. Лучистое сияние струилось от неровных сколов камня, переливаясь тенями, словно речной поток. Воистину, это был Источник.

Через силу Хольцманн накинул на него шапку, оборвав поток фиолетового света. Порывшись в

рюкзаке, он достал тряпицу и, осторожно высвободив кристалл, замотал его, тут же уложив сверток на дно рюкзака. Благоговейное оцепенение моментально спало, и мы смущенно продолжили подготовку к ужину. В банках оказались бобы и тушеное мясо. Так что похлебка вышла удивительно вкусной. Мы беззлобно трепались, позабыв про гнетущее чувство вины и ощущение неминуемой гибели. Тревога отпустила нас, чему мы были несказанно рады. В душе и теле поселилась невероятная легкость, чему, как я подозревал, сильно способствовало длительное голодание, но, черт побери, как же это было приятно!

– Я прошу меня извинить... – Бенедикт отложил опустевшую миску. – Я прекрасно понимал, что мы голодаем, но все никак не мог найти достойного повода...

Он вновь порывлся в рюкзак и достал плоскую флягу, обтянутую потемневшей кожей.

– Ах ты, старый пройдоха! – Ольстен аж засиял. – Столько времени таскал с собой и ни полсловечком не обмолвился! Чем будете угощать, Профессор?

– Бренди восьмилетней выдержки. Я же говорю: повода не находилось.

Фляга пошла по рукам. Каждый произносил короткий тост и глотал обжигающий напиток. Не забыли помянуть и Андреаса. Вскоре горячая еда,

добрый бренди и груз пережитого за вечер сделали свое дело, и нас незаметно сморило.

* * *

У Маркуса глаза были карие. Они невидяще установились в туго натянутый над нашими головами оранжевый тент. Из горла Маркуса торчали пристяжные когти. Видимо, когда Хольцманн собирался, он проснулся и попытался его задержать. Этот чертов старик, он только выглядел дряхлым. В чем я не раз уже убеждался, но меня это не насторожило. М-да, знал бы, где упасть... И почему только всех не прирезал? У меня и Ольстена ножи на поясе так и остались нетронутыми. Видимо, потратил слишком много времени и решил поторопиться.

– Это чудовищно! – Ялле смотрел на труп со смесью вины и недоумения на лице. – Он же стал свободным! Как мы! А он его...

– Такова жизнь, малец. – По сути, оба каторжника стали свободными, как только подписались на поход, а по закону они стали бы свободными после удачного возвращения в город. Но сейчас мне было не до пустых рассуждений. – Скажи спасибо, что с нас не начал.

– Еды больше нет, все банки вскрыты и залиты топливом, – заглянувший в палатку Ольстен уже

успел на скорую руку провести ревизию. – Инструменты и веревки пропали. Скорее всего, он их выбросил где-то неподалеку.

– Искать некогда. Надо его догнать как можно скорее.

– Как? – Ялле отвернулся от мертвого тела и обреченно поник. – Мы не знаем дороги и наверняка заблудимся.

– Тебя точно следует кое-чему поучить! Вот погоди, вернемся в город, я тебя к сержанту приставлю! Пойдем по следам. Налегке. Город окружает лес, как только мы подойдем ближе – сможем греться у костра. Но до тех пор придется идти очень быстро. Справишься?

– У меня нет выбора. – Ялле решительно встал. – Надо о теле позаботиться.

– Позже. Оль, бросаем все. – Я проверил, как нож ходит в ножнах. – Начинаем охоту!

* * *

Увидели мы его лишь к обеду следующего дня. Только выскочив из узкой полоски леса, мы из последних сил рванули вперед и нагнали Хольцманна на открытой площадке, испещренной провалами и гнездовьями ледяных слизней. Он попытался уйти от нас, петляя между опасными участками, но мы

разделились и быстро окружили его. Поначалу он пытался вступить с нами в борьбу, но быстро понял – троих ему не одолеть. В итоге он сдался и тихо плелся позади, пока Ольстен на ходу бесцеремонно потрошил его поклажу, рассказывая полезные мелочи по карманам.

– Вижу Подножград! – Ялле указывал вниз. Едва заметные столбики дыма несказанно обрадовали его. А вот я призадумался. Если из труб идет дым, значит, дело с теплом в городе обстоит совсем плохо.

– Скотина! – Сержант выудил флягу и со злостью швырнул ее прочь от себя. – Вот в город войдем, я тебя за бороду-то оттаскаю!

Ольстену надоело копаться в рюкзаке, и он, остановившись, вывернул его наизнанку. Вещи беспорядочно посыпались на снег. Последним выпал блокнот с пометками. Хольцманн вздрогнул и поднял гневный взгляд на конвоира. И только потом я понял, что ошибся. Опытный командир, прошедший не одну кампанию, и так промахнуться. И ведь видел же, что старик не так прост. С самого начала нашей экспедиции не стоило вообще глаз спускать с Бенедикта.

Мы как раз огибали трещину, широким полумесяцем рассекавшую снежный покров. Острые пучки ледяных сталагмитов отмечали места, где облюбовали себе гнезда ледяные слизни. По всей

видимости, Ольстен, слишком уж увлеченно осматривавший рюкзак, потерял бдительность. Бенедикт отломил острый сталагмит и с силой вонзил сержанту в бок. Ледяное копьё прошло под ребрами и пробило легкое. Ольстен молча упал на колени, Бенедикт тут же толкнул его на снег. Поворошив разбросанные вещи, он выудил сверток с камнем, развернулся и бросился бежать. Почуввав теплую кровь, слизни немедленно зашевелились в гнезде. Их тела терлись об лед, издавая неприятный скрип. Именно этот звук и привлек мое внимание. Обернувшись, я увидел своего друга, лежащего на снегу, и бегущего по выгнутой стороне трещины Бенедикта.

– Ялле, глянь, как там Ольстен! – На бегу крикнул я. Дабы не тратить драгоценные секунды, я не стал огибать провал с противоположной стороны, а рванул напрямки. По моим прикидкам, я успею перехватить его. Я даже его слегка опередил, но удача сегодня явно была не на моей стороне. Толстый слой снега, козырьком накрывавший узкий край трещины, обрушился под моей тяжестью. Я с разбега угодил обеими ногами в провал, послышался жуткий влажный хруст. По инерции я сложился пополам, со всего маху ударившись лицом о ледяной край. От удара я едва не потерял сознание, руки не слушались, я уже скользил в провал, но Хольцманн заметил

меня. Ловко перемахнув через трещину, он рывком перетянул меня к себе и, вытащив из трещины, перевернул. Да откуда в нем столько сил?

– Я не хотел убивать его, понимаешь? Я пытался ему все объяснить, но он не слушал. – Бенедикт не был зол. Его лицо было печальным. – А потом я запаниковал и испортил припасы, чтобы вы не стали меня искать, а сразу пошли в город.

Я сверлил его взглядом, тщетно пытаюсь пошевелить руками.

– Прости за твоего сержанта. У меня не было иного выхода. Счастье моей семьи пошло прахом из-за этого проклятья! – Бенедикт прижимал меня к снегу рукой, крепко сжимавшей кристалл. Второй рукой он уже вытянул мой нож и явно намеревался меня резать. – Двадцать лет назад мой единственный сын вернулся с горы, неся в руках крошечный обломок. Он был героем, а потом сошел с ума, убил свою жену, дочь и покончил с собой. Все из-за этого дьявольского камня! Я могу навсегда избавить город от необходимости добывать эту мерзость! Просто дайте мне уйти!

Краем глаза я заметил, как с трудом пришедший в себя Ольстен, медленно вытянул руку в нашем направлении. Грохнул выстрел, тяжелый свинцовый шарик пули прошел Хольцманна насквозь. Коротко вскрикнув, Бенедикт выпустил из руки кристалл и,

порывисто шагнув через меня, упал в гнездо ледяных слизней. В тот же момент скрип внутри провала зазвучал чаще и усилился. Полыхнувший осколок упал мне на грудь. Его свет стал ярче, словно бы он вобрал в себя оборвавшуюся только что жизнь. Ялле подбежал ко мне и торопливо обхватил руками, оттаскивая подальше от края трещины.

– Убери. – Я кинул ему камень. – Видеть его не могу.

– Вставай... – Парень сунул кристалл в карман, словно ему не драгоценность вернули, а кусок замшелого хлеба бросили. – Скоро тут шагу ступить негде будет. Повыползают из дыр.

– Давай-ка дуй в город! – Мои руки наконец-то начали нехотя слушаться меня. Я попытался оттолкнуть парня. – За нами потом пошлешь.

– Нет! – Ялле тяжело тащил меня по снегу. Странно, но боли в ногах я не чувствовал, видимо, еще не весь адреналин выветрился. – Ольстен ранен, а у тебя ноги сломаны! Вас обоих мигом сожрут!

– Справимся! Сержант вон и оружие припас! Да и у меня руки-то еще целые. – Я вяло помахал кистью. Про то, что пистолет был однозарядный, я не сказал. – Если сможешь, подтащи к Ольстену поближе, а дальше я сам.

Ялле пыхтя и отдуваясь, дотащил-таки меня обратно к Ольстену.

– Я бы хотел...

– Сказано же, бегом в город! – Все-таки у меня получилось его оттолкнуть. – Не теряй времени!

Ялле беззвучно плакал. Я видел, как слезы оставляли быстро замерзавшие блестящие дорожки на его щеках. Вот он развернулся и, поминутно спотыкаясь, начал медленно переставлять ноги. Через несколько шагов он нагнулся, подобрал личный блокнот Бенедикта. Молодец парень! Полезная находка, пригодится. Чем дальше он уходил, тем быстрее и увереннее становились его шаги. И вот он уже перешел на бег, превращаясь в яркую желтую точку на границе белоснежного снега и лазурного неба.

– Ты как, Оль? – Я с трудом подполз к Ольстену. Он лежал на боку, дышал неглубоко и часто. Значит, все гораздо хуже, чем я думал.

– Эта тварь... – Сержант едва шевелил губами, при каждом выдохе выпуская кровавые пузыри.

– Сдох. – Брошенный через плечо взгляд выхватил копошащуюся в гнезде массу ледяных слизней. Скоро они доберутся и до нас. – Ты молодец...

– Надо было... сразу... его...

– Кто же знал? Главное, что сейчас успел. А паренек-то неплох, из него вышел бы толк... Жаль, если не доберется.

Ольстен последний раз прерывисто вздохнул и затаил. Я аккуратно прикрыл его глаза и обессиленно прислонился к телу друга. Что ж, в конце концов, мы честно выполнили свою часть сделки...

* * *

Старый Подножград беспокойно спал в холодной ночи. Как и предсказывал ныне покойный Бенедикт Хольцманн, топливная ячейка выгорела подчистую. Кончилось топливо, и весь уголь до последней крошки был сожжен в городских котельных. Вслед за ними в ненасытные печи жителей полетел и ближайший лес. Горожане спасались от холода, как могли, и уже отчаялись дожидаться своих храбрецов.

Ялле медленно брел по темным улицам промерзшего городка. Болтавшийся на нем комбинезон был порван в нескольких местах и плохо защищал от холода и ветра. Тело ломило, приходилось из последних сил, преодолевая поминутные судороги, переставлять замерзшие ноги. Дом Йенсенов нехотя проступал из мрака. Преодолев три невероятно трудные ступеньки крыльца, Ялле слабо дернул дверную ручку. Массивная дверь, знакомая до последнего резного завитка, была плотно заперта на ночь. Тяжело привалившись к дверному косяку,

Ялле намертво сжатым кулаком правой руки грузно бухнул в дверь.

Дверь распахнулась, и единственный выживший из экспедиции попытался встать ровно, как и подобает победителю.

– Господи, Ялле... – Сердце Гуды буквально рванулось из груди навстречу долгожданному гостю. Окинув его взглядом, она в испуге схватила Ялле за левую руку и втянула его в дом. – Какие у тебя ледяные пальцы! Иди сюда скорей, я тебя согрею!

Гуда повела любимого в глубь комнаты. Остатки дров были мигом брошены в камин. Усадив Ялле в глубокое кресло, близко придвинутое к огню, и накинув на него плед, она побежала на кухню за горячим пуншем. Одеревеневшие от холода пальцы правой руки Ялле наконец-то разжались, выпуская на ковер большой кусок фиолетового кристалла, испускавшего едва заметный мягкий свет. Его глаза отрешенно смотрели в огонь. Маленькие снежинки на ресницах колко блестели отраженным пламенем и, несмотря на жар, идущий от разгоравшегося огня, не таяли.

* * *

Празднично одетые жители Подножграда спешили на главную площадь. Яркие легкие одежды

и дышавшие сочной зеленью улицы смешивались, превращая славный город Подножград в одно пестрое галдящее пятно. Почти каждый, кто участвовал в гуляниях, с гордостью нес прикрепленный к одежде цветок голубой незабудки. Голубыми цветами также был украшен и деревянный помост, стоявший прямо в центре площади. Рабочие завершали крепить к помосту небольшой пандус, сколоченный еще загодя.

– Уважаемые дамы и господа! С вами я, Астри Берге. Сегодня, мы ведем прямую трансляцию с центральной площади имени Стукклава. В этот день, вот уже третий год, горожане выходят на площадь, чтобы почтить память павших героев, вернувших тепло в наши с вами дома!

С минуты на минуту мы ожидаем прибытия нашего горячо любимого мэра, Матиаса Йенсена с семьей...

Со стороны муниципалитета, разделяя толпу и выстраивая коридор, появился отряд жандармов в парадных мундирах. Слева, на тульях черных кепи, отливали голубой глазурью значки в виде все тех же незабудок.

Быстро преодолев площадь, по пандусу на помост въехала инвалидная коляска. Мэр Подножграда лично вкатил своего зятя и, опустив стопор на колесе, развернулся, помогая взойти своей беременной

дочери. Гуда встала за спиной у супруга и осторожно оперлась на его плечо. Ялле слегка сжал ее ладонь и обернулся взглянуть на жену. В их сияющих взглядах было столько тепла и нежности, что передним рядам горожан, ожидавших праздничной речи, день показался чуточку ярче.

* *Кар* – (от немецкого *Kar* (кувшин, желоб)) цирк, кресловина – форма рельефа, естественное чашеобразное углубление в привершинной части склонов гор.



Чудовище

Вечернее теплое солнце играло бликами в соленых водах. Лазурное море неспешно накатывало на золотистый берег острова, формой напоминавшего запятую. Небольшой скалистый утес в юго-западной части острова зарос пальмами, и сильно выдавался в море. На вершине, утопая в полосатых тенях развесистых листьев, лоснящихся зеленью, стоял маленький замок с одной башенкой. В верхних покоях был накрыт обеденный стол. Благородную древесину черного ореха украшали резные листья, цветы и диковинные животные. Сервировка на две персоны блестела начищенным серебром. Хрусталь бокалов был таким тонким, что казалось, будто в воздухе шелестят крылья ангелов, стоит только провести пальцем по кромке. Сама комната была обставлена с преувеличенным шиком: массивная резная мебель из дорогих пород дерева, перетянутая расшитой золотом парчой. Северная стена покоев была частично скрыта под подробной картой Карибского залива и островов. Стоявшая рядом книжная полка была заставлена редкими книгами. Всю противоположную стену занимали огромные окна, открывавшие изумительный вид на тихую лагуну, крыши небольшого прибрежного городка,

купавшегося в последних лучах закатного солнца, и два стоящих на якоре потрепанных корвета под французскими флагами.

На все это великолепие, прильнув к стеклу, с нескрываемым любопытством и жадностью смотрела девушка. Сидевшее на ней пышное зеленое платье явно мешало хозяйке, но подчеркивало ее природную красоту, выгодно оттеняя пшеничные волосы и яркие васильковые глаза. На загорелых открытых плечах вспыхивали редкие искорки приставших рыбьих чешуек. Таким же взглядом губернатор острова смотрел на свою гостью.

– И это все вы обещаете мне в обмен на мою... благосклонность? – Обернувшись, спросила девушка, подходя к столу. Вышколенный чернокожий лакей в напудренном парике, ливрее и белоснежных бриджах придвинул ей стул, усаживая гостью напротив губернатора де Мийоля. Как только девушка села, губернатор недовольно махнул рукой, прогоняя слугу.

– И не только. Попробуйте местную дичь, она превосходна. Видите ли, Гейл, вы позволите Вас так называть? – губернатор элегантно промокнул уголок рта кружевным платком и, дождавшись задорного кивка от девушки, продолжил. – Благодарю. При дворе короля я не последний человек...

– Ах, Фернанд, не продолжайте, – захохотала блондинка, – вы украли меня прямо под носом у моего капитана, неделю держали в пропахшем тухлой рыбой трюме на сухарях и прелой воде, а теперь предлагаете деньги и положение в обществе. Вы не задумывались что ваше поведение несколько... сумбурно? К тому же мне это может быть совсем не интересно.

Губернатор островка, затерянного в отдалении от основных торговых маршрутов, Фернанд де Мийоль был тучным мужчиной около сорока лет, с неприятным лицом, значительную часть которого занимало ярко-пунцовое родимое пятно. Он откинулся на спинку стула и со смесью раздражения и интереса следил за своей собеседницей, поглаживая висок

– Конечно, сомнения у меня были, не спорю. Давайте-ка проясним некоторые моменты и отбросим весь этот фарс. Скажите, ради чего последняя сирена делит тяготы корабельной жизни вне закона с предводителем шайки головорезов и оборванцев? – Лицо Гейл побледнело. Губернатор выждал пару секунд, наслаждаясь эффектом. – Золото? Приключения? Слава? Нет, *ma chere**. Вам нужны власть, кровь и страдания. А путешествия в такой компании обеспечивают вас сполна и тем

и другим. Но что вы будете делать, когда флот уничтожит вашего кавалера, или какой-нибудь полоумный губернатор от короны** внезапно выпишет ему, упаси Господь, прощение? Что тогда?

Гейл мрачно смотрела в свою тарелку. За окном легкие сумерки густой синевой переходили в поздний вечер. Не дождавшись ответа, де Мийоль продолжил:

– А будет вот что: ваша жизнь вновь станет пресной и серой, и вам, чтобы выжить и не сойти с ума, придется убивать всех, кто находится ближе одного лье***. А с такими темпами вы либо скоропостижно окончите свой земной путь, болтаясь в петле, либо окажетесь на пустынном острове... снова. Я же предлагаю вам неограниченную власть. С вашей помощью я смогу не только упрочить свое положение, я смогу стать властелином на море. И вы будете делать с людьми все, что пожелаете. Абсолютно все. Согласитесь, лучшего выхода из вашей ситуации не найти.

– А что, если это любовь? – Гейл резко подняла голову и с вызовом посмотрела в глаза губернатора.

– Сирены не могут любить, это противоречит их природе, – де Мийоль обвел рукой коллекцию книг, – множество достоверных источников сходятся в этом мнении.

Девушка склонила голову набок, словно прислушиваясь к чему-то.

– Фернанд... Все-таки я член его команды, его боевой товарищ, ну... подруга, если быть точной. Вы же боитесь, что Дринкуотер придет за мной? Недавняя встреча с ним сложилась для ваших людей... не очень удачно. Скольких вы недосчитались?

Де Мийоль усмехнулся.

– Около двух дюжин, но я получил вас. К тому же пираты трусливы и малодушны. Даже если он и явится сюда, то второй раз от «Астора» и «Бастильона» ему не уйти. Ваш капитан вволю напьется соленой воды****.

Пушечный выстрел оборвал все звуки острова, погруженного в облегчающую прохладу вечера. Восемнадцатифунтовое ядро, пробив брызнувшее осколками оконное стекло, ударило в центр карты и застряло в стене. Губернатор в ужасе смотрел на него и не мог заставить себя сдвинуться с места.

– Из любого правила всегда есть исключения, губернатор. – Гейл алчно улыбнулась и, рванув с себя мешавшее платье, бросилась к окну.

«Астор», стоявший на якоре дальше от острова, оглушительно взорвался грязно-желтым шаром, разметав во все стороны горящие щепки и тела команды. В гавань медленно заходил двухпалубный фрегат «Мстительный». Проходя мимо «Бастильона», фрегат дал залп из всех орудий

по левому борту. Шестнадцать влетевших сквозь обшивку бомб взорвались, откалывая части судна. Корабль медленно начал клониться на правый борт. Обнаженная Гейл стояла в оконном проеме, купаясь в отсветах горящих останков кораблей. Чешуя, словно доспехи покрывавшая ее бедра, бока и грудь, искрилась желто-алыми сполохами. Гейл пела. Пела соленому ветру, неистово трепавшему ее волосы, заставляя весь гарнизон портового городка выть от ужаса. Пела темному небу, щедро усыпанному глазками звезд, сводя с ума губернатора. Пела глубокому океану, призывно шептавшему о свободе, получившему без малого две сотни душ за несколько минут... И своему капитану, который уже высаживался с командой на песок...

В верхних покоях было многолюдно. Почти дюжина отборных бойцов во главе с Демиеном Дринкуотером, капитаном фрегата «Мстительный», окружили губернатора. Пламя горевших домов отбрасывало на стены жуткие тени, которые смешивались с опускавшейся на остров ночью. В разбитые окна ветер вносил запах гари и шум отчаянных уличных боев. Пираты настолько отличались от многих виденных и повешенных ранее, что де Мийоль был растерян и напуган. У него складывалось отчетливое ощущение, что он

встретил регулярные части Королевского флота, а не кучку дезертиров. Одежда у захватчиков была разнообразной, не новой, но опрятной. Было видно, что за ней внимательно следили. Капитан выглядел так, словно с него составляли пособие по уставному виду высшего офицера: высокий, около шести футов*****, кареглазый шатен, треугольная шляпа, шейный платок, синий китель с двумя рядами блесевших пуговиц, белый жилет, бриджи и ботфорты. Шпага на перевязи, и пара пистолетов за поясом. Капитан прошел сквозь весь город, сея смерть и пожары, но казалось, что грязь к нему не пристаёт.

– Господин де Мийоль... – Капитан слегка склонил голову в приветствии. – Не стоит отнимать у меня то, что принадлежит мне по праву. Последствия бывают плачевные, как вы уже успели убедиться.

Загнанный в угол губернатор переводил взгляд с одного жесткого обветренного лица, на другое. Перепачканные копотью и кровью, словно демонические маски, они были безмолвны. Глаза с голодом и ненавистью смотрели только на него, игнорируя разбросанные в беспорядке столовые приборы и дорогие одежды. Содержимое предложенного ранее сундука с золотыми

наполеондорами***** было с презрительным хохотом разбросано по комнате.

– Вы тратите ее потенциал впустую! – В отчаянии крикнул де Мийоль. – Объединившись со мной, вы получите столько, что ваши самые...

– Что биться, лучше договориться? – Дринкуотер перебил губернатора и мельком взглянул на все еще стоящую в оконном проеме Гейл. – Со мной такие фокусы не проходят. Разговор окончен, господин де Мийоль. Мистер Фленниган, пристрелите его.

– С радостью, капитан! – Первый помощник взвел курок и прицелился.

– Подожди! – Гейл подошла к губернатору и посмотрела ему в лицо. В ее глазах зажглись колющие искорки. – Демиен, я хочу поблагодарить его за гостеприимство.

– Думаю, небольшой урок пойдет этому мерзавцу на пользу. – Капитан злобно ухмыльнулся и сквозь зубы процедил: – Мистер Фленниган, будьте любезны, пригласите-ка мою дочь*****. Сдается мне, она засиделась без дела.

– Так точно, капитан. – Первый помощник выскочил из комнаты.

Вскоре Фленниган вернулся, бережно неся в руках прямоугольный потертый кожаный футляр около двух с половиной футов в длину. Капитан акку-

ратно открыл крышку и вынул хищно блеснувшую крючками девятихвостую плеть. Несколько человек, схватили губернатора, и, не обращая внимания на его протестующие крики, с силой припечатали лицом к столу. Все попытки де Мийоля вырваться моментально пресекались жесткими и жилистыми руками, крепко державшими его распятым на столе. Капитан передал плеть своей спутнице. Треск раздираемой одежды на секунду заглушил все звуки, долетавшие с побережья. Сирена замахнулась плетью...

Спустя полчаса Гейл выронила из уставшей руки мокрую от крови плеть. Тело губернатора без признаков жизни лежало на столе окровавленной грудой мяса.

– Мистер Фленниган. Найдите мистера Одли с его людьми, на рассвете я хочу выйти в море. – Капитан посмотрел на Фленнигана и указал взглядом на раскуроченную дверь.

– Так, парни. Капитану и леди нужно потолковать. – Рывкнул первый помощник, – а мы с вами пока пройдемся по кладовым!

Дождавшись, когда последний член галдящей в предвкушении наживы команды выйдет за дверь, Демиен бросился к сирене.

– Гейл... – он облегченно выдохнул, обнял покрывающую мелкими бисеринками пота возлюбленную

и, улыбаясь, зарылся лицом в ее волосы, остро пахнущие водорослями и морской солью. – Ты чудовище.

– Ошибаешься, мой дорогой. – Она чмокнула его в щеку и прижалась к нему сильнее, еле слышно зашуршав чешуйками по одежде. – Я твое чудовище...

* *Ma chere* – моя дорогая (франц.).

** *Губернатор от короны (Представитель Короны)* – термин, используемых в различных конституциях для обозначения генерал-губернатора; неформально часто использовался термин вице-король.

*** *Лье* – старинная французская единица измерения расстояния. Сухопутное лье равно 4445 метрам.

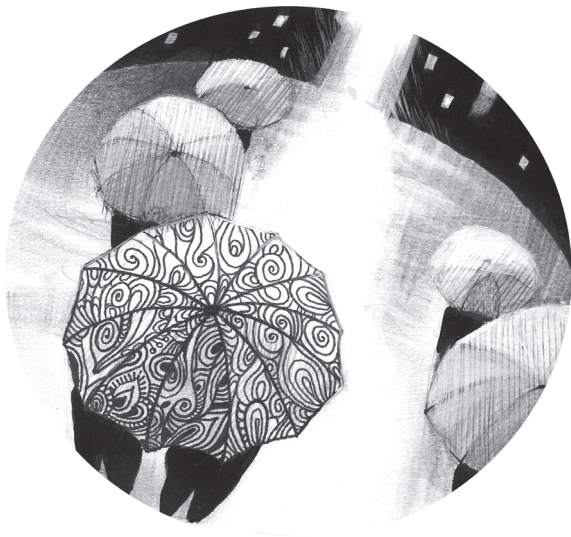
**** Игра слов. Фамилия Дринкуотер дословно – «пьющий воду».

***** *Фут* – (англ. *Foot* — ступня) – единица измерения длины в английской системе мер. 1 фут примерно равен 30,5 см.

***** *Наполеондор* (фр. *Napoleon d'or*, «золотой Наполеон») – французская золотая монета 900-й пробы в 20 франков. Выпускалась во Франции в качестве средства оплаты с 1803 по 1914 год. Название монета получила по первоначально изображавшемуся на ней профилю Наполеона Бонапарта.

***** *Капитанская дочка* – девятихвостая плеть, зачастую сплеталась из шершавой кожи (использовалась кожа морского ската или акулы), для усиления эффекта, в концы «хвостов» вплетались крючки, лезвия или металлические шары. На торговом и военном флоте телесные наказания были так распространены, что девятихвостку называли капитанской дочкой. Обычно плеть хранилась в сухом виде и кишела бактериями и паразитами. После наказания тело преступника обильно засыпали солью. Но делалось это не для причинения больших страданий, а для уничтожения инфекции. Если же в открытые раны попадала морская вода, это могло привести к заражению крови или гангрене.

СТИХИ



Ульяна Цой

Как странно спать

Как странно спать, а не смотреть в окно.
Не замечать, что без людей – красиво.
Не знать, что в комнате всегда полутемно
(Рекламной вывески лампада негасима).
Как странно спать, а не читать стихов,
Не жарить хлеб, не поджигать самбуку.
Не сочинять письма из пары слов –
На большее не поднимешь руку.
Как странно спать, а не вбегать в вагон,
Тогда, когда уже отходит поезд.
Не наблюдать покинутый перрон,
Что, испещренный выбоинами, порист.
Как странно спать. Как странно просто спать.
Смотреть кино, придуманное мозгом.
Как странно телефон не заклинать.
И утром просыпаться просто.
Как странно, да. Я слышу мерный стук:
Часы не спят со мной, мы ждем рассвета.
Какая ночь, а май какой ... и вдруг
Я просыпаюсь. Господи, да как же это?

Отчего-то легко говорить

Отчего-то легко говорить,
Что не стали умнее и старше,
Что не выучились любить
И уже не научимся дальше.

Отчего-то легко признавать,
Что есть город, но нету отчизны,
Что здесь будет легко умирать
(Ну, когда мы устанем от жизни).

И когда невзначай НЕ солжешь,
И чуть вздрогнут сухие ресницы,
Опасаясь, что не проведешь,
Поторопишься откреститься

От стихов и почти от себя,
От чужих фотографий на память,
Что из солнечного сентября...
Это, впрочем, уже не исправить.

* * *

Еще раз себе доказать,
что жить мне – без сердца.
Встречать окончанье зимы
по настенному и отрывному.
Советы давать соседу по барной –
любому –
и улыбаться с прищуром,
мол, будто я спец в том...

Насколько нелепа попытка
ругать в себе горе,
что было, как деревце,
вращено и удобряемо долго.
Как многим присуще
осознание долга,
так мне – осознание жизни
в бессменном миноре.

И пусть так останется.
Каждому – личные звёзды.
Но кому не до звезд,
тому безразличны все Галилеи.
Нам было двенадцать,
мы все понимали, умели.
Теперь я умею не жмуриться,
если до слёз дым.

* * *

Все, что мы любили и защищали,
куда оно делось?
Птицы, вернувшись, заверещали.
Я легче оделась,
вышла смотреть на мир и
ничего не узнала.
Мы, любившие и защищавшие,
что с нами стало?

Что стало с тобой,
когда тебе стукнуло тридцать?
Не пьяный, не молодой
и не ставший принцем...
Забывший себя на страницах
Гюго и Стендаля,
но не полюбивший
Франции, а только – Италию.

Как только растает снег, я ручаюсь,
проснется город.
Наедине с собой не остаться,
как раньше – в холод.
Захвати объектив: через него
гляди на прохожих
и представляй, что ты видишь их глубже,
за самую кожу.

А что под своей ты носишь –
о том никому ни слова,
ни фотографий, ни песен,
ни строчки стихов Рубцова.
По порядку расставлены точки над і,
книги на полке:
как много потрачено времени,
но как мало толку.

Натренировано сердце терпеть
и считать потери.
Только в это, по совести говоря,
мы гранитно верим.
Натренирована память стирать
имена и лица,
в полной надежде, что ушедшее
не возвратится.

Те, кем мы были, смешнее, надежнее,
крепче и тоньше.
Слова их нежнее, а сердце
значительно больше,
Как мало их в нас осталось,
и как это просто:
оставить все позади
и проснуться взрослым.
Все, что мы любили и защищали,

записать в блокноты,
чтоб не оставить памяти шанса
стереть хоть что-то.
Нам, любившим и защищавшим,
научиться снова
защищать и любить что-то важное,
кого-то другого...

* * *

Больше не плачь,
и в городе станет тише.
Диккенс под Рождество
наведается в твои сны.
Сердце во мне говорит,
его нельзя не услышать.
Так что я умолкаю,
как минимум до весны.
Руки согрей,
ветер совсем бессердечен.
Новое утро и
новая битва за жизнь.
Горло больное и память
чай с медом залечат.
Больше не плачь,
не жди до утра и ложись.
Крепко усни, как

самые малые дети.
Я, правда, не знаю,
что снится им по ночам.
Наверное, самое нежное,
что есть на планете:
мамины руки, волосы по плечам...
Я знаю, что больше
не будет ни плохо, ни страшно.
Не важно, откуда я знаю –
тому не бывать.
Проснись до рассвета
и стань самолетом бумажным.
Как просто бывает порой
научиться летать.
Весь мир облети,
сливаясь с выпавшим снегом.
Проходим глаза ослепи своей белизной.
Потом возвращайся
и снова стань человеком,
Моим человеком.
Попробуй остаться со мной.

Евгения Зонтикова

Дочь «поколения дворников»

Между есенинских томиков
Песенник «Русский рок».
Дочь «поколения дворников»
Учит урок.

Ищет путей нехоженных,
Ищет неспетых нот.
Смятый и вдвое сложенный
В сумке блокнот.

Ловит блокнот линейками
Кончик карандаша.
Между кривыми змейками
Строчек – душа.

Дочь поколения громкого
Тихому пишет стих:
«Слушай, страна, о том, кого
Голос не стих.

Вспомни, страна, нестриженных,
Вслушайся в песен строй.
С кресел слезай насиженных!
Новое строй!»

* * *

В когда-то суровом сибирском краю
Сегодня живётся, почти как в раю.

Сдаётся жилплощадь, зарплата растёт,
На улицах – щедро посоленный лёд.
На серых деревьях гирлянды висят.
Пятьсот магазинов, один детский сад.

На новых дорогах меж новых домов –
Просторы для творчества лучших умов:
Оканчивать вузы, работу искать,
По пятницам пить, по субботам икать.

Наличные, карта, аванс и кредит.
Топ-менеджер «рулит», разбойник сидит.
«Три дэ» телевизор, доставка еды –
Награда что надо за наши труды.

Сухарики к пиву, по радио Лепс.
Чего ещё нужно нам, граждане-плебс?
Всё просто, как в сказке. Легко, как в раю,
В когда-то суровом сибирском краю.

Не в своё время

Не в своё время всё-таки родилась.
Не к тому стремления. Не к тому страсть.
Сегодня надо стабильно, богато,
На парковке – машина, на карте – зарплата.

А мне бы – в восемьдесят шестой!
Горбачев сворачивает «застой».
БГ впервые на стадионной сцене.
Тексты незалитованы, но – до фени.
Цой ещё жив, Башлачев тоже.
Легенды русского рока пьяней и моложе.
Макар на ТВ, Шевчук – ещё нет.
В это ли время мне появляться на свет?

Мне бы уже в полный рост стоять,
Чтоб выгоняла из дома мать:
«Иди, куда хочешь, дрянная девчонка!»
Перевязала бы по-хипповски чёлку,
Взяла бы гитару – и автостопом
Без денег, без страха и без упрёка.

Я бы не стала звездой. Куда там!
В коммуналке кормила б друзей салатом,
Танцевала в квадратах оконных рам,
А в душе своей строила рок-н-рольный храм

Со сводами, выше неба и звёзд,
С иконами, мокрыми от поцелуев и слёз,
С золотыми и тёплыми лучами заката.
Я пела бы в нём, боса и крылата,
Себя бы струила любовью, светом,
На вечный жизни вопрос ответом...

А сегодня – свобода. Никто не держит.
Так почему же зубов скрежет –
Реакция на собственные желания?
Полное непонимание:
«А как же то? А как же это?
Ишь чего, возомнила себя поэтом!»

* * *

Наростила жиру на боках,
А мозгов не прибавилось.
И тому, Седому, в облаках,
Моя жизнь не понравилась...

И куда бы я теперь ни шла,
Всё равно – мимо радости.
И чего в дороге ни нашла,
В кулаке – одни гадости.

Развернуться б ветру поперёк!
Побежать на исходную,

Закричать: «Зачем Ты не сберёг
Мою душу голодную?»

Он бы бросил пару сухарей
На обочину пыльную:
«Чем сухарь черствее, тем скорей
Станешь мудрой и сильною».

Допросилась: учит меня Бог.
Учит строго, безжалостно.
На коленях. Жемчуг – как горох.
Мне и больно, и... радостно.

Посвящение Александру Башлачеву

1.
Я познакомилась с тобой заочно.
Квартирник у БГ, концерт в рок-клубе –
От корки и до корки на Ютубе.
Читаю песни. Слушаю построчно.
Клубятся строчки, как клубится дым
Над углями сгорающей эпохи.
Рукой разбитой собирает крохи
Поэт, навешавший колоколов гнедым.

Со стройки новой жизни, новой лжи
На птице-тройке, как у нас умеют,

Уносится. Остановить не смеют
Ни бабы воплями, ни силою мужи.

«Все от винта!» Свинтился? Просто спал,
Как гайка с надорвавшейся резьбой.
Надрывный голос и неравный бой,
И колокольцев перезвон – пропал.

Ты не певец. Не музыкант. Ты – нерв!
Вот почему тебя так больно слушать.
Ты словом, криком разmozжил мне уши
И заживать оставил, не допев.

Пробей же – сможешь? – времени броню:
Поговори со мной сегодня ночью
О том, как душу разрывают в клочья.
Я в колокольчик по тебе звоню.

2.

Будит во мне поэта. Настойчиво будит.
И если не буду писать – не знаю, что будет.
Строчку за строчкой вытягивает взглядом,
Будто бы хочет, чтобы стояла рядом.

– Я ли тебе по росту? Опомнись, милый!
Я не смогу, как ты, из окна – в могилу.
Я рождена для кухни и для истерик.

Если поэзия – море, я – мокрый берег.
– Не выгоняй. Сама позвала на ночку.
Я не уйду, пока не родишь мне дочку –
Песню, что по характеру вся в отца.
Только тогда уйду с твоего крыльца.

3.

Время любви в дырах разлук
С заплатами писем.
Кто ты, мой друг?
Я ли тебе сестра, в воротнике лисьем?

Город искусственных лиц
с улыбками лис
Соскучился по теплу.
Ему не хватает смелости.
Город – всего лишь плут
В куртке из серости.

Украл у себя свою искру и греет ладони,
Из кружки прихлёбывая
Остывающий чай.
С чаинкой утонет
Неумело сколоченный плот надежды.
Воскреснет – опять встречай,
Выходную готовь одежду.

Город-плутишка боится открыть поутру
Ворота горячей нежности.
Тепло будет не по нутру
Столь привычной снежности.

Живёт городишко. Себя разлучил с душой.
Идут на растопку книжки.
Следит, чтоб по моде стрижки
Да по размеру штанишки.
Взрослый, видать. Большой.

Город, где каждый прохожий
Считает себя одиночеством.
Знаю я, кто мой друг,
Так на меня похожий.
Знаю и имя, и отчество:
Друг мой – время любви в дырах разлук

Моё

Кофе и сигареты –
простите, совсем не моё.
Намного вкуснее чай с мятой
и маковым сухарём.
Изысканному джазу
предпочту акустический рок.

Крестьянин-Есенин сразу
Был ближе, чем модный Блок.
Душа моя – канарейка –
Ярче крашенных губ.
Драная телогрейка
Теплее норковых шуб.
Поможет, хоть сшита грубо,
Дожить до конца зимы.
Что ближе нам, то и люблю.
Что люблю, такие и мы.

* * *

В когда-то суровом сибирском краю
Сегодня живётся почти как в раю.

Сдаётся жилплощадь, зарплата растёт,
На улицах – щедро посоленный лёд.
На серых деревьях гирлянды висят.
Пятьсот магазинов, один детский сад.

На новых дорогах меж новых домов –
Просторы для творчества лучших умов:
Оканчивать вузы, работу искать,
По пятницам пить, по субботам икать.

Наличные, карта, аванс и кредит.
Топ-менеджер «рулит», разбойник сидит.
«Три дэ» -телевизор, доставка еды –
Награда что надо за наши труды.

Сухарики к пиву, по радио Лепс.
Чего ещё нужно нам, граждане-плебс?
Всё просто, как в сказке. Легко, как в раю,
В когда-то суровом сибирском краю.

Маргарита Чекунова

Точка связи

Я – точка связи. Мой позывной –
Звезда и арфа во тьме сквозной.
Минуя пропасти и канал,
Ко мне врывается ваш сигнал:
Шум сплетен. Звук городских турбин.
Холодный ветер с чужих глубин.
Я возражаю струной в ночи,
Я отражаю звездой лучи.
Пусть доберётся и до меня
Звук слаще ветра, хмельней огня,
Пусть до меня долетит сигнал
Тех струн, что каждый в себе не знал.
Но видно, что-то пошло не так –
Всё чаще шум ломовых атак.
Я точка связи. И мой закон –
Ждать свет уснувших во тьме окон.

Рыцарская песня

Я – девушка-рыцарь. В моей руке
Не смолкнет весёлый горн.
Застенчивый юноша вдалеке.

Не выдайте – это он.
На взгляд, на беспечный его подход
Я снова обречена.
За ним на турнир и за ним – в поход.
Как тягостны времена!

За ним я отправлюсь искать Грааль,
Но встретив его тайком,
Надменно взгляну в голубую даль,
Как будто он мне не знаком.

И если на рыночных площадях
Вдруг кто-то напомнит мне,
Что мчусь за ним, стремени не щадя,
На розовом скакуне,

Тот час же скрижаль свернётся в спираль,
И знамя сорвётся ниц,
Закроет унылая магистраль
Небесные флаги зарниц,

И связанной пленницей в людном дому
Погаснет моя звезда...
Но я ничего не скажу ему –
Я буду молчать всегда!

Мой зверь

Мой зверь, что живёт на высокой горе,
Глядит с золотого моста.
Он любит смотреть в облака на заре,
Дрожать под навесом листа.

Гадает по солнцу, ломает ковыль,
Умеет узнать чужака.
Но пища у зверя – лишь звёздная пыль,
Повадка – лишь взгляд свысока.

От тех, кто сражается за водопой,
Рычит и заводит приплод,
Мой зверь убегает скалистой тропой
На горный таинственный свод.

Секреты у зверя не знают числа,
Но помнит любой дилетант:
Того, кто скрывает два белых крыла,
В природе назвали «мутант».

Мне как-то сказали, что этих зверей –
Лишь в клетку и спрятать от глаз.
Но где-то под сенью кудрявых ветвей
Он дышит и чувствует – вас.

* * *

Здесь немодно быть бескорыстным,
И таким не поверят совсем.
Протянулись тропинкой рысьей
Грязно-белые метки шоссе.

Здесь лелеют седые страницы
Из рассеянных, смутных времён.
Бродит осень с повадкой куницы
По заснеженным весям племён.

У фасадов укутаны ели,
Словно всадники в белых плащах.
Серой ниткой ныряют недели –
Что просить и чего предвещать?

Усыплённые в пробках кварталы
И восходы простуженных зорь,
Да застывшие ветви-кораллы
Тополей, пересаженных в строй.

Чердачная эквилибристка

Ширма заката ложилась низко,
Двигались в ночь облака.
Спускалась чердачная эквилибристка
Со своего чердака.

В старом дворе, опустевшем и ветхом,
Где замирали сны,
Маленький кедр с надломленной веткой
Качал колыбель тишины.

Но взвыли моторы неистово,
Повис пеноблок в петле.
...Она доверяла исповедь
Каждому на земле.

Ей с крыш закричали бойко:
«Уйди или спрыгни вниз.
Ты видишь, от этой стройки
Все трюки не удались».

Она не сопротивлялась,
Гудели мотор и речь,
И яростно содрогались
Тени от хрупких плеч.

...Осень кидалась листьями,
Билась на мокром стекле –
Она доверяла исповедь
Каждому на земле.

Разговор с мудрецом

– К этой горе я скакала три дня.

Поможете – только вы.

Скажите мне, кем вы нашли меня?

– Спроси у воды и травы.

– Но что же мне скажут трава и вода?

Три дня я не знала сна.

– Пусть скажут тебе, что летишь не туда,

Что встала не в те стремена.

– Но что же мне делать, когда мой путь –
Всего лишь начало пути?

Скажите, пожалуйста, что-нибудь.

– Не трать лишних слов – иди.

– Я еле держусь, я промокла за час,
В чужой стороне мой дом.

Скажите, куда мне скакать сейчас?

– Ах, если б я знал о том.

* * *

Мне нравились поэты, чья насмешка
Всегда превозмогала надо мной,
Когда катились слёзы вперемешку
С опавшей с глаз лазурной пеленой.

И всё вокруг кипело и взрывалось,
Опровергалось, ранило и жгло,
А божество нарочно ошибалось,
Взглянув на мир сквозь новое стекло.

Чтоб наносное встало вверх ногами –
Пусть правит бал ирония одна!
Чтоб стали все властители врагами,
И чтобы миром кончилась война.

А после снов и горьких пробуждений
Вас исцелят ладонью у виска...
Мне нравились поэты заблуждений –
Я им машу сквозь строчки и века.

Елизавета Маковеев

Твоя женщина

В этой серой толпе обезличенной,
Там, где времени бродят трещины,
Я прижата твоей поэтичностью,
Я горжусь быть твоей женщиной.

Изукрашивать Твою спину,
Как молитву кричать Твоё имя,
Истязать так доверчиво-нежно,
Знать – тебя никто не отнимет.

Охранять твои сновиденья,
Снаряжать в большую дорогу,
Отутюживать трения,
Знать – что ты мне от Бога.

Все преграды сметая, засовы,
Дела склеив святые и грешные,
Я с тобой хоть на взрывы сверхновых,
Чтоб гордился, что я Твоя женщина.

Белое золото

Эта зима принесла с собой золото,
Белое золото тут же застывшее.
Этой зимой и душно, и солоно,
Тесно, несытно, окна заплывшие.

В спячку погружено сердце уставшее,
Трутся в мозгу уже надоевшие:
“Куда я иду? Где дорога та самая?”,
В душе оседая паршивую брешью.

Мне до противного делать не хочется!
Если не звёзды, к чему устремляться?
Мне до противного дико хохочется
При жалких попытках нормальной казаться.

И воздух не свеж, не так карта ложится,
И раздраженье впивается в ближнего.
Вот бы в шкафу понадежней забиться,
Чтоб не сболтнуть чего-нибудь лишнего!

Но на любой грех найдётся управа,
К плюсам прилажены свои минусы.
На чашу весов ты кладёшь Понимание –
Оружие против душевного вируса.

Эта зима принесла с собой золото,
Белое золото, палец обвившее.
Эта зима для меня стала первой,
Когда немочь душевную крушит нечто
Высшее.

Послание

Нам так давно уже даровано послание,
Но мы в своей фантизии ему не веруем.
На чистых образах рядами братий
Рисуем домыслы живыми ведами.

Мы после помыслов грехами молимся,
И после доблести мы пьяно каемся.
Перебрадили мысли всех апостолов,
Мы просто дурью маемся.

Перепиши завет, пересмотри стихи,
Сквозь толкований пыл ты правду выкуй.
Прямолинейность – это не от злых стихий,
А лишь для чистых разумов добротный
прикуп.

Всё к одному ведёт сквозь призму тысяч дней,
И лишь мозаика везде разбросана.
По ней, как по углям, пройди
И ощути, что больше было страхов помыслов.

Михаил Булатов

Песня странствий

Часть 1

Души пропитаны ромом,
Руки в шрамах от сотен прикосновений,
Губы обветренны южным смехом,
И усталость, как море,
С проблеском серебристых летучих дней.
Лей мои слова в горло, лей...
Не опасаясь похмелья, это как первый дождь
по весне.
Ничего не бойся – ты в моем сне.

Тишина... Реки свернули вспять.
Смогу ли я устоять,
Чтобы не упасть в лоно той тишины?
Деревья сплелись ветвями, и они влюблены
В небо, кусками голубой краски
Ложится на холст моя новая сказка.

Я рыбак, моя кровь солона на вкус,
Как вода морская.
Ты – дорога, и от края до края
Горизонт наш чист.

Слушай шепот мой, ветра свист,
Я войду в твой дом,
Не проронив не слова.
Ты увидишь всех,
Кто носил мое имя на устах,
И сотрешь небрежным движением руки
Рыбаки не ведают горя,
Пока помнят о том, где их море.

Я покажу тебе свой улов,
Множество хитрых узлов памяти.
Лети парусом льна мне навстречу.
Нам некуда спешить, потому что мы вечны.
Пусть сочные стебли травы
Лягут нам под ноги,
Нам нечего терять.
Потому что мы боги.

Дорога вела, ты ждала меня.
И вот дождалась, как ребенок отца,
У меня сто имен, у меня нет лица,
Но ты помнишь на вкус мою тень.
Я дошел по весне, зацветает сирень,
И умолк навсегда карнавал за спиной.
Я живой, я дошел, я живой.

Часть 2

И не рвется леска, и поет струна –
Там, где ты плывешь, не изведать дна.
Если твое сердце обняла зима – ты не бойся,
милый.
Выварю в котле, в дождевой воде
Да в жирном молоке – мне не привыкать, я
умею ждать.
В этом ветхом доме тишина стала мне
сестрой,
Ничего не бойся – я навек с тобой.

Видишь дом на краю села?
В нем я долго тебя ждала – собирала травы на
горький чай,
Выбирала ягоды покрупней на бусы.
Из русого цвет волос обратился в белый,
Будто мелом меня всю покрыло.
День ото дня с новой силой
Росла тоска, как бурьян возле дома.
Сны запутались в старых сетях,
Что повесил ты просыхать на солнце.
И сочилось молчание сквозь щели,
Я просила ветра –
Принести мне весточку, чтоб пропели
Сквозь рев морских волн твой голос.

Почитали соседи за ведьму, смотрели косо –
Босой поступью смерть кружила,
Ночью спать со мною ложилась,
Поутру я одна просыпалась.

Заплела я усталость в косу,
Сизым голубем моя песня.
Возвращайся домой, рыболов.
И не рвется леска, и звенит струна –
Если ты один, то и я одна.

Ольга Аверина

Lin (белая песня)

Ты уехала вчера,
А сегодня южный ветер
Белым снегом сердце метит,
Белым-белым до утра.

В сердце белой пустоты
Прорастает белый стебель.
Пусто-пусто в белом небе –
Так глаза мои пусты.

Так душа моя пуста!
Окликакая наудачу,
Отвернется и заплачет,
Отрываясь от листа,

Улетая в белый дым,
Чтоб за белым поворотом,
Сквозь свинцовую дремоту,
Целовать твои следы...

* * *

Прости, моя радость,
Прости, мое счастье,
Короткие дни паутинками мчатся,
Прозрачный сентябрь раскололся на части,
Мне завтра в дорогу –
Прости, мое счастье.

Прости, мое счастье,
Прощай, моя радость,
Короткие дни облетают – так надо.
Я завтра поставлю их зыбкую сладость
В холодную воду –
Прощай, моя радость.

Прощай, моя радость,
Прости, мое счастье,
Железом по сердцу, стеклом по запястью...
А осень разлуку заштопает красным
По краю разрыва –
Прости, мое счастье...

* * *

Только слушать тишину
Странных дней, упавших в душу.
Удержать рукой струну,
Чтобы слушать тишину –
Только слушать...

Только видеть бледный свет,
Тихо контуры подвигать...
Тем, кто ночью не ослеп,
Остается на земле –
Только видеть...

Только тот меня поймет,
Кто смотрел на свет из тени,
Кто оплакал каждый год
И одел в прозрачный лед
Путь забвенья...

* * *

«Не хлебом единым...»

Снами едиными – длинными-длинными...
Острыми иглами. Ломаной линией.
С плачем и битвами вышли за стены мы
В вечную жизнь – перелетными стрелами.

Между и между – межа бесконечная,
Ртутью расщелется черная трещина,
Черным по белому, малым по многому –
Тонкая нить расплеталась дорогами.

Канули в ночь договоры бессрочные,
Ветер по венам звенит многоточием,
Струны на ощупь натянуты колками –
Снами-дорогами – долгими-долгими...

Сергей Ивкин

Homedreams

Павлу Ложкину

камера недвижима. общий вид.
насыпь. насаждения. ров. кустарник.
непонятный столб, словно гриф гитарный,
проводами собственными обвит.
крупный план. огромный моргнувший глаз.
горизонт поехал. щебёнка. зелень.
вновь и вновь во сне я снимаю Землю,
на которую больше никто из нас...

наяву я помню, в который файл
сохранил Россию, Европу, Штаты...
я во сне снимаю наш первый «Шаттл»
и какую-то комнату: шкаф, софа,
за окном красивый вполне гриб...
и стоит подросток, раскинув руки:
«Здравствуй, взрыв!»
ору, но исчезли звуки...
просыпаюсь, выключив этот клип.

на Венере жарко. должно быть, Марс
принял нас радушной бы, если-кабы...
здесь хотя бы в пищу пригодны жабы

и в зиготах бродит отличный квас.
звёзд не видно. облачно. иногда
появляются радуга или эллипс.
винтовые черви идут на нерест,
и тогда по крышам стучит вода.

Хранители

Дочка разложит игрушки в круг
и начинает считать с лисы:
...Рыжая знает, зелёный – друг,
...чёрный и белый, они – весы,
...жёлтый и синий ворчат опять,
...их пересадим подальше от
...красных, которые крепко спят,
...спрятавшись к серой в большой живот.

Доктор сказал, что такой язык
слышит не в первый раз, потому
повода нет беспокоиться. Сын
доктора даже учил ему.
Я попытался заговорить,
то есть вступить в игру на правах
равного, не попадая в ритм,
но соблюдая табу в словах:
.....Старый большой любит жёлтый хвост.
.....Как бы смеяться, но смеха нет.

.....Синяя грива задаст вопрос.
.....Взрослая сможет найти ответ.

Дочка глядит на меня светло
и, прижимая к себе кота,
шепчет за ухом ему: ...Пришло
...время, теперь ты расскажешь там.
Плюшевый кот, словно мы в кино,
на задних лапах идёт ко мне.
Морда всё ближе. Вокруг – темно.
Дочка глядит. Не сбежать при ней.

Кот утыкается мне в рукав
и произносит, слегка рыча:
.....СтаРРый Большой испугаться пРРАВ.
.....Маленький ЧёРРный хРРанить сейчас.
.....СтРРашный пРРозРРачный повеРРх
двеРРей.
.....ВзРРослую тРРонуть пРРи нас неРРзя.
Десять тряпичных цветных зверей –
личная гвардия и друзья.

Брат

– Папа, пожалуйста, никому.
Обойдёмся без мамы с её истерией.

Так получилось: я – новая Дева Мария.
Бог изнутри говорит: я – сестра Ему.
...Дочери скоро тринадцать. Месячные – на
старт.
...Но такие фантазии череповаты:
...надписи на арамейском кровью, потом
стигматы,
...прочий эзотерический боди-арт.

– Я была на рентгене. Доктор сказал: скелет
не сформирован. Брат не способен родиться.
Я слышу голос, похожий на щебет птицы.
Клеть не решится сама распахнуться на свет.

...Опухоль прогрессирует. Приложив
...к телу ладонь, ощущаю толчки: живое.
...Значит, сегодня детей у меня стало двое.
...Да, никому. Попробуй тут, Расскажи.

– Брат обещает, что может вселиться в мозг
чей-нибудь, выселив прежний разум.
Мы попытались с улитками пару раз, и
нам удалось через плоть перекинуть мост.

...Всё замечательно: ищем лежащий под
...капельницей неповреждённый носитель
...в коме. Приводим дочку – и новый
Спаситель

...в суетный мир получает свободный вход.
– Папа, тебя он прекрасно слышит. Нет, всё не так.

Брат говорит, что ему нужен родственный статус.

В твой организм он вселяется через простату...

Но мне не нравится способ замкнуть контакт.

...Дочку зачали во вторник, когда посреди Москвы

...ядерный гриб раскрылся над телебашней,
...и нам с женою было настолько страшно,
...что мы на улице прямо среди травы...

– Доктор сказал: эмбрион пережил инсайт и провалился на поколение.

Только останься со мной в хирургическом отделении.

После вмешательства есть вариант не встать.

...Кварцевый свет. Мокрый запах больничных рвот.

...Возле ногтей на руках нарываюот ранки.

...Дочка уснула.

.....В пятилитровой банке

...невоплощённый Христос открывает рот

Слова дочери

– Папа, в костюме космического ковбоя ты развлекал моих одноклассниц в начальной школе.

Пора уже двигаться дальше. Я нахожусь с тобой,

пока наша бабушка на гастролях.

Ты защищал меня от межпланетной слизи, от чёрных корсаров и мировых катаклизмов.

То, что тобой нарекается «творческий кризис»,

остаётся периодическим алкоголизмом.

Ты – самый лучший папа в подлунном мире, просто мне нужно вырваться, чтобы созреть и сбыться.

У тебя останутся твои террористки из Сирии, шантажисты, стриптизёрши и самоубийцы.

Эти твои персонажи на книжных полках думают только о брюликах или сексе.

Я не смогу среди них оставаться долго.

– Я тебя тоже очень люблю, Алексис.

Накануне развода

Она:

Потрясный день рождения: друзья
расписывают дартс. Кривые иглы
на дротиках. И разогнать нельзя
к вервольфам разом всех. Четыре книги,
четыре диска, что-то из шмотья
и побрякушек. Ни цветов, ни мишек.
И на ночь – не дописана статья.
Из них никто в подарок не допишет.
Вот выбивает яблочко мой муж,
протягивает дротики: сейчас ты.
Как будто проигрыш объяснит ему
причину несложившегося счастья.

Он:

Мишель, мой колокольчик, где найду
слова, что увлекут тебя со мною
делить постель, погоду и еду,
делясь в ответ сарказмом и странюю.
Но сколько раз я не произнеси
«Люблю тебя, люблю тебя, люблю те...»,
не станет горше этот апельсин,
который принесли чужие люди.
Ты мне нужна, нужна, нужна, нужна.
Взошли твои любимые Плеяды.

Мишель, мой колокольчик, не жена,
хотя бы поминай меня без яда.

Группа реабилитации

Кресла в кружок. Подлокотники удалены.
Возле каждого ставят контейнеры для слюны.
Окна и двери задрапированы в тон стены.
В утренней группе хронический недобор.
Доктор включает увлажняющий воздух
прибор.
Передо мной картина. Шишкин. «Сосновый
бор».

Мы собираемся вместе, чтобы учиться не
отличаться от тех, которые без диагнозов. По
цене
очень понравилась бывшей моей жене
доктор Лекомцева Екатерина Василь-
евна. Про неё у Яндекса расспросил:
тама такие истории, валиум упаси...
То есть она видит наших (невидимых как бы)
друзей,
в социальной сети её имя Король ферзей,
у неё открываются жабры, когда она входит в
бассейн,
бывшая пыталась с ней переспать.

Доктор сказала, что кризис пошёл на спад,
так я стал блоггером и приобрёл iPad.

По расписанию Катавасия учит нас пятерых
не проходить сквозь стены в несуществующие
миры,

не оживлять человечков из веточек и коры,
не разговаривать с телевизором, не просить
покинуть планету, сорвавшуюся с оси,
не отвечать на «здравствуйте» – «отсоси».
Венечка видит Земфиру Талгатовну, Алексей
коллекционирует фосфоресцирующих лосей,
с Петропавлами беседует Одиссей.

Я – самый тихий, я просто настроил связь
с каждым читающим блог мой и, не кичась,
я проникаю в их подсознание, как сейчас...

Иван Миллер

* * *

Когда под белым покрывалом
уснёт уставшая земля,
когда зима морозным валом
окатит русские поля,
когда, звеня от нетерпения,
мир растворится в чистоте,
когда забудем на мгновение
о нашей праздной суете,
тогда гнетущую тревогу
заменит в сердце благодать,
и мы пойдём к Невесте Бога
подол у платья целовать.

* * *

На площади темно и сыро,
ни скамейки, ни фонаря.
Даже окна в окрестных квартирах
два часа уже как не горят.
Я скитаюсь впотьмах без приюта,
костеня в объятиях пурги;
губы шепчут с надеждой на чудо:
«Помоги мне, Господь, помоги!
Я боюсь не дожидаться рассвета,
я боюсь, что опять убегу,

что поддамся стеклянному свету,
что поддамся на радость врагу.
Я боюсь, что от сырости этой
навсегда я останусь сырым,
что останусь случайной беседой
и боюсь, что останусь пустым.
Мне скитаться без сна и покоя,
постоянно сбиваясь с ноги,
но на всё в мире есть Твоя воля.
Помоги мне, Господь, помоги!»

Владимир Фурсов

Эхо

Неумытые дети забытой войны,
Громогласные боги безвестных народов,
Одноликие пешки, шуты, короли,
Сверх-Герои, подобные громоотводам –
Да! – они все ушли, и таков их удел! –
Кто с успехом ушёл, ну а кто без успеха,
Но оставить хоть что-то здесь каждый успел:
Будет шаг – будет след – будет новая вежа...
Этот мир – бесконечно растущее эхо
Их фантазий, эмоций, поступков и дел.

(Апрель 2011 года)

P.S.

Тревогою над нами реет ночь,
И завывает псом бездомный ветер;
Становятся ненужными ответы
На все вопросы, прогнанные прочь.

Важно – лишь то, чего нам не унять!
Немая дрожь склонилась над постелью;

Вся жизнь моя перед открытой дверью –
Прощайте вы! Мне некого прощать...

Когда замкнётся вечности петля,
И будет до меня – всё то, что было после,
И снова, как когда-то, встанут звёзды,
Я вновь приду, чтоб всё зачать с нуля...

(Октябрь 2012 года, с. Каменка близ Тюмени)

Ковчег

Я видел во сне... когда-то в далёкое время
Всё было готово к отбытию мега-ковчеха –
К планете другой в неведомой звёздной
системе –
Нести семя жизни – почётная роль человека.

Да, нам суждено оставить родную планету,
Забуть города, их названья и всё, что там
было;
Оставить там прах великих нетленных
Поэтов
И к новым просторам направить стремленья
и силы.

Обратный отсчёт... и, дав круг почёта и
честь,
Ковчег улетел. Я проснулся тревожно-
счастливым...
Обыденный сон... только сердце моё не на
месте –
Стучит, словно таймер часов перед ядерным
взрывом.

Запомнилось мне: в ладонях сжимая иконку,
С планетой уставшею нашею вышел
проститься
Такой же, как я – улыбчивый русский
мальчонка –
Глаза цвета неба и волосы цвета пшеницы...

(Август 2013 года)

Москва

Плывёшь в сознании туманном...
Отели... клубы... кабаре...
И дорогие рестораны... –
Их окна светят не тебе.

Не для тебя огромный город
Шумит, грохочет и поёт.

Не для тебя!.. Тебе лишь холод
Он равнодушно отдаёт.

Пестрят огни. Чернеют стены.
Мешая кашу зимних луж
Шагаешь, влившись постепенно
В живую массу мёртвых душ.

И в массе, встретив взгляд промозглый,
Таких же отрешённых глаз –
Вдруг понимаешь: даже звёзды
Здесь с неба светят не для вас.

(Сентябрь 2014 года)

Тамара Попова

В этот миг стрелой летящих рельсов
Зачеркни былую жизнь и свет.
Разлетевшись пеплом и воскреснув,
Зачеркни. Их не было и нет.

С полустанка раздается голос,
И в вагоне нарастает шум.
Слишком быстро рвется тонкий волос –
Мост между мирами странных дум.

Детский смех. Забытое звучанье...
Заливает сон прошедших дней.
Вот и все. Останется молчанье
Бисером мелькающих огней.

Может, поэтичность жизни – глупость,
Но поймай дыхание ветров!
Если так оставить эту скупость
Долгих зимних дней и вечеров,

Если не разбавить их стихами,
Если не плеснуть в огонь вина...
Долгими седыми вечерами
Скоро задохнется и весна.

Я учту. Я буду. Я оставлю.
Догорит дорожная стрела.
Скрипнут заколоченные ставни
Я учту. Я буду. Я ушла.

* * *

Восточный говор вперемешку со свинцом.
И карты, с пафосным и каменным лицом
Кидаемые с вызовом на гладь
Стола. И не для остальных,
Улыбку пряча в зарослях седых,
Которая не в силах оборвать
Движенья карт, сидит в тени.
И ты захлопни веки и смотри,
Как от окна нисходит благодать.

* * *

Я боюсь от недостатка кислорода не
проснуться,
Я тревожусь от него же не уснуть.
Сумерки застлали мир за окнами, и солнце
Где-то там за горизонтом держит путь.
Странно-погранично состоянье
Между сном и явью. В тишине
В сотый раз подобно изваянью
Мертвенно застыть пристало мне.
Этот скорый поезд – жалкая попытка

Пародировать железнодорожный стук –
Ржавый домик на колесах, раскаленная игла
и нитка –
В этом древнем спертom воздухе и звук
Расползается степенно и лениво,
Игнорируя крутые виражи.
Пока ночь над раскаленной крышей не
остыла,
Затаись на нижней полке и дыши.

Наталья Булатова

Вино из одуванчиков

Девочка с глазами цвета лета
Настежь в утро распахнув окно
Вся из ожидания и света,
Пьёт из одуванчиков вино.
На меня похожая до боли,
Тот же взгляд и золото волос.
Беспечальной девочкой когда-то
Я ждала, чтоб лето началось.
В старом доме тёплый подоконник,
Тюль на окнах, солнце на полу,
Счастье примостилось, как котенок,
В самом светлом, солнечном углу.
Девочка с глазами цвета лета
Без тревоги, боли и забот
Сердце распахнув навстречу ветру
Вслед за солнцем босиком идёт.
Отшумело, отзвенело и стихло.
Опустело. Без ответов вопросы.
Как ты, беспечальная моя, где ты?
В заповедном уголке души – осень...
Нет, не больно, просто грань стала тонкой,
Нервы-струны натянулись до крика.
Я б вернулась в старый дом той девчонкой,
Да вино из одуванчиков выпито...

* * *

Мой домик из тумана и песка,
Из раковин рапанов полосатых,
Зато ни равнодушие, ни тоска
Не смеют в нём речей вести приватных.
Здесь всё моё – от мыслей и до снов,
В которых ты, несчастый гость, бываешь,
И снова бесконечно возвращаешь,
В который раз, и веру, и любовь.
Мой домик из тумана и песка
Истает с наступлением рассвета,
А на другом конце Вселенной где-то
Исчезнет мир, чтобы родиться вновь...

* * *

Я тороплюсь. В созвездии Весов
Качнулись звёзды, руша безмятежность,
Со скрипом провернулось колесо
И вздрогнул мир, уверовавший в вечность.
Я тороплюсь. Из четырёх ветров
Своё кольцо вот-вот сожмёт Предвечный,
Скользнёт по рёбрам трещина змеёй,
Предсмертный хрип сорвётся в
бесконечность,
Заполнив пустоту чужих миров,
И я спешу.
Дышать, любить и петь.
Ладони в жизнь как в реку погружаю,
Не каюсь, не жалею, не прощаю,
И всё же понимаю – не успеть...

Юлия Евстигнеева

* * *

Из разбитого сердца
Хочу сделать целое.
Пусть оно будет биться,
Смешное и смелое.

Пусть вернутся в него
Чистота и желания,
Пусть покинут сомнения,
Пустые метания.

Я хочу, чтобы в нём
Сохранилось хорошее,
Чтоб плохое ушло
И уже не тревожило.

Я хочу, чтоб друзья в нём
Находили приют,
Что уж если приходят,
То уже не уйдут.

Из разбитого сердца
Хочу сделать целое...
Только это непросто,
И я неумелая.

Литера Тура

*Сборник повестей, рассказов и стихов
учеников Школы литературного мастерства
имени Владислава Крапивина
при Тюменском государственном университете*

Корректор: Татьяна Назырова

ISBN 978-5-9288-0292-9



Отпечатано в ОАО «Тюменский издательский дом».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.
Тел. (3452) 752-000.

Подписано в печать 29.09.2014.
Формат 60х90/32. Усл.п.л. 7,875. Бумага ВХИ.
Заказ № 2899. Тираж 500.